

ЧАША КРУГОВАЯ

*литературно-
художественный
альманах*

№ 12

Издательство «АсПур»
Екатеринбург
2013

ББК 84 (Рос=Рус)4
Ч-29

Редакционная коллегия:
А.Б. Кердан, А.Б. Титов, Н.И. Коняев

В двенадцатом выпуске литературно-художественного альманаха Ассоциации писателей Урала, вышедшем в свет при поддержке Департамента культуры Ханты-Мансийского Автономного Округа – Югры помещены стихи и проза, переводы и критика писателей Урала, Западной Сибири, Поволжья и гостей альманаха.

СОДЕРЖАНИЕ

И пробуждается поэзия во мне...

Светлана СЫРНЕВА	6
Дмитрий МИЗГУЛИН	10
Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ	13
Андрей РАСТОРГУЕВ	16
Лана ШАНГИНА	19
Владимир ВОЛКОВЕЦ	22

О чем, прозаик, ты хлопочешь?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК	
Забывтый вкус черемухи	24
Соблазн Алтая	25
Елена ЗАЛЁТИНА	
Рассказы проводника	32
Павел ЧЕРКАШИН	
Рыбный день	40
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ	
Под крылом	49
Необычный слушатель	50
Вероника ЧЕРНЫХ	
Потому что он улетел	51
Ильдар АРТЕМЬЕВ	
Золотой самородок	60

Рифма, звучная подруга...

Ольга ЮРЛОВА	65
Александр КЕРДАН	68
Олег РИХТЕР	71
Владимир КОРОВИН	72
Фёдор ВОСТРИКОВ	72
Антонина СЫТНИКОВА	74
Сергей КОЗЛОВ	75
Юрий ТАТАРЕНКО	76
Иван МОРДОВИН	77
Александр ПОПОВСКИЙ	80

Татьяна ЮРГЕНСОН	81
Геннадий СКАРЛЫГИН	82
Нина ЯГОДИНЦЕВА	83
Валерий АКИМОВ	86

Племя младое, незнакомое

Руслан КОШКИН	88
Любовь КОРОБИЦЫНА	90
Нина ЧЕБАН	91
Оксана РАЛКОВА	93
Евгений ЧЕРНИКОВ	93
Анастасия ЖУКОВА	94
Илья ЗИНОВЬЕВ	95
Ольга ТЕПЛОВА	97
Максим СЕРГЕЕВ	97
Денис БАРАМЗИН	98
Алексей ЗАСЫПКИН	100
Софья РУБАКОВА	101
Елена БЫЗОВА	102

Даль свободного романа

Сергей ЛУЦКИЙ	
Страсти по Василию	106
Арсен ТИТОВ	
Пехота Серега Аксаков	150

Меж ними все рождало споры

Лола ЗВОНАРЁВА	
Воспевая подвиг русских первопроходцев	186
Нина ЯГОДИНЦЕВА	
Близкое дальнее...	188
Евгений КАРГАПОЛОВ	
Символ Креста	193

В гостинной встреча новых лиц

Владимир КАРСКАНОВ	202
Татьяна ГОРКУНОВА	204

И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Владимир ЕНОВ	212
Мария ВАГАТОВА	213
Елена АЛЕКОВА	214

Он между нами жил...

Лев РУМЯНЦЕВ	219
Юрий ХАЗАНОВИЧ	226

Когда порой воспоминанье...

Светлана ФРОЛОВА Поэт Лев Румянцев – муж и друг мой	229
--	-----

Друзья, прекрасен наш союз!

Хроника Ассоциации писателей Урала	233
--	-----

Сведения об авторах	235
--------------------------------------	------------

И пробуждается поэзия во мне...

Светлана СЫРНЕВА

* * *

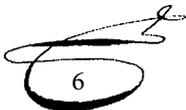
Перелесок листом облетевшим горчит,
и на всем оскуденья печать.
Крикнет птица вдали – и опять замолчит,
словно не о чем больше кричать.

Под осеннею прелью земля залегла,
погрузилась в промозглую тьму –
и молчит, и молчит, ибо все отдала
и уже не нужна никому.

Здесь холодные капли с ветвей моросят,
и столбами проходит туман.
Здесь и шишки рядами на ели висят,
словно души ушедших крестьян.

Обессиленна, выдохлась в долгой борьбе
заскорузлая топкая гать
и втянула в себя, утопила в себе
все, что людям пыталась сказать.

И повалится снег, устилая места,
отдавая в наем площадь,
где навек затонула твоя красота,
от постыдного взора уйдя.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МАРСА

Над черной пропастью пруда,
над темным лесом и над степью
встает кровавая звезда
во всем своем великолепии.

Она царит, в сердца неся
и восхищенье, и усталость,
и перед ней природа вся
ушла во тьму и тихо сжалась.

И всякий маленький листок
молчал, и птица затаилась.
И каждый тихо изнемог,
еще не зная, что случилось.

Звезда! Ничтожны пред тобой
мои поля, мои дубравы,
когда ты луч бросаешь свой
для развлечения и забавы.

И подойдя, что ближе нет,
как злобный дух на голос выпи,
ты льешь на нас разящий свет,
который днем из нас же выпит.

И мы молчим из нашей тьмы,
подняв растерянные лица –
затем, что не умеем мы
противостать, оборониться.

Мы тихо сжались, чтоб пришли
разруха, войны и неволи
и обескровленной Земли
сухая судорога боли.

Я не ищу судьбы иной
и не гонюсь за легкой славой:
не отразить мне свет ночной,
насквозь пропитанный отравой.

Но травы, птицы и цветы
меня о будущем просили.
И молча вышли я и ты
навстречу неизвестной силе.

ЛЕБЕДЬ

Вымахнут травы короной густой,
высушит ветер апрельскую сырость.
И лебеденок, что рос сиротой,
за зиму в сильного лебеда вырос.

Вот он плывет к середине пруда,
скудного детства забывший невзгоды,
словно сама его движет вода
как наивысшее чудо природы.

В заросли солнца вплетен краснотал,
чистые росы осыпали поле.
Час торжества! Он неожиданно настал
как проявление космической воли.

Есть у тебя только час, только миг,
самозабвенная, вольная младость!
Но, торжествуя, никто не постиг,
не уберег эту краткую радость.

Та же река, да не те берега,
все раскачало волной парохода.
Скошен в лугах и уложен в стога
жаркий кумач твоего хоровода.

РОМАНС

Облетает листва уходящего года,
все черней и мертвей полевая стерня,
и всему свой предел положила природа –
только ты никогда не забудешь меня.

Старый скарб унесли из пустынного дома,
и повсюду чужая царит беготня.
Изменило черты все, что было знакомо –
только ты никогда не забудешь меня.

Это грустный романс, это русская повесть
из учебников старых минувшего дня.
Как в озерах вода, успокоилась совесть –
только ты никогда не забудешь меня.

И остаток судьбы всяк себе разливая,
мы смеется и пьем, никого не вина.
Я по-прежнему есть. Я поныне живая,
только ты никогда не забудешь меня.

ДОЖДЬ

Ближе движется эта завеса
и крадет горизонты, крадет.
Вот не видно окольного леса,
вот и тополь сейчас пропадет.

Как обманчиво все постоянство,
как зыбуче дождя вещество!
Занимай же пустое пространство –
по России так много его.

Это будет, наверное, в полдень.
Это там, где мы жить не смогли.

И мучительным гулом наполнен
весь объем от небес до земли.

Это там, где ни дома, ни сада,
где не вспыхнул огонь, не погас,
где растет дождевая громада,
навсегда заместившая нас.

Дмитрий МИЗГУЛИН

* * *

Такая вот работа:
Всю жизнь – туда-сюда,
Ночные самолеты,
Ночные города...
Полжизни расплескалось
В чаду случайных встреч.
И что теперь осталось?
И что теперь беречь?
Не мучаюсь напрасно
Об участи такой.
И звезды в небе ясном
Сверкают надо мной.
Насквозь промерзшим небом
В морозном вихре мчусь,
Закусываю хлебом
И Господу молюсь!

* * *

Кружусь по жизни день-деньской
В привычной суете мирской,

В оковах разных должностей,
В глухом плену чужих страстей...

Живу на дальнем берегу,
Чужие деньги берегу,
Решаю сотни теорем —
Чужих надуманных проблем.

И под покровом тишины
Смотрю всю ночь чужие сны...

И лишь скорбящая душа
Творит молитву, не спеша,
И Ангел в звездной тишине
Не забывает обо мне...

* * *

Флаги красные весной
По проспектам плыли.
Бог – писали с прописной,
Жили – не тужили:

Собирали урожай,
Путь торили млечный,
Думали, что этот рай
Будет длиться вечно.

В стенах маленьких квартир
Обретали счастье,
Но несокрушимый мир
Рухнул в одночасье.

Мы попали на излом:
Всё вдруг стало плохо,
И пошла в металлолом
Целая эпоха...

Разгулялися ветра
Вдоль по белу свету...
Родина была вчера,
А сегодня – нету...

Нынче плачемся в тоске,
В муке бесполезной:
Был построен на песке
Замок наш железный...

Путь неблизкий предстоит —
Радости и беды...
Пусть Господь благословит
Новые победы.

Чтобы вновь – огонь в глазах,
Чтобы сердце – пело,
Чтоб с молитвой на устах
Мы вершили дело,

Чтобы сын гордиться мог
Нашей долей славной,
Чтобы снова слово Бог
Стал писать с заглавной...

* * *

Не надо любви и участия:
Мне это уже ни к чему!
Какое же все-таки счастье —
Немного побыть одному...

Забудутся даты и лица,
И жизнь отойдет в никуда,
Неспешно молитва вершится,
Струится речная вода;

Уймется ночная тревога,
Печали растают во мгле...
И ты никому, кроме Бога,
Не нужен на этой земле.

* * *

А все об Отчизне радели,
Ну как там Россия моя?
А птицы давно улетели
За море, в чужие края...

И будет зима – бесконечна,
Как снежные льдистые сны...
Но птицы – вернуться, конечно!
Вот только б дожить до весны.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ

* * *

Силы в себе копила,
Нежное берегла.
Счастье весной штормило —
Пенило берега.

Вызрело многотравье —
Запах хмельным-хмельной.
Дни отношений странных
Между тобой и мной.

Осень. Кочуют грозы.
Белая даль видна.

Наперекор прогнозам –
В сердце цветёт весна.

* * *

Ветры странствий, знаешь, милый,
Думами горчат.
Дышишь рядом, едешь мимо —
Всё равно скучай.
Днями можешь улыбаться,
Весело шутить,
За любое дело браться
На любом пути.
А вот ночью, знаешь, милый,
Вспомни про печаль,
Что сердечко истомила,
Помни и скучай.
Помни, как обнять могу я,
Прошептать слова...
Вспомни, если вдруг другую
Станешь целовать!

* * *

«Я осенняя женщина»

Так незаметно закончилось лето,
Вызрела, убрана рожь.
Иволгой летняя песенка спета,
В роще волнение и дрожь.
Остановлюсь на краю листопада
И провожу журавлей.
С грустью нагрянувшей вовсе нет слада,
Сладу нет с песней моей.

С ней мне тоскуется, с ней и смеётся,
С ней холода нипочём.
С ветки рябиновой плавно сорвётся
Птицею лист на плечо.
Мне никогда не привыкнуть к утратам
В час при вечерней поре,
Осень уходит и манит куда-то...
Вечно бы жить в сентябре.

* * *

Не томить мне
тебя печальями.
Ни тепла от меня,
ни благодати...
А за то, что была
отчаянной —
Не забудешь
до самой старости!

* * *

Слово доброе мне скажи,
Не раскладывай всё по полочкам,
Чтоб как ниточка за иголкой,
Нужно многое пережить.
Посчастливилось нам узнать
Непредсказанное и светлое,
Но, чтоб чувства остались свежими,
Не старайся меня понять.

Андрей РАСТОРГУЕВ

БАЛЛАДА О КАСЛИНСКОМ ЛИТЬЕ

*Как памятник в Екатеринбурге хранится
чугунный павильон, ставший событием
Парижской выставки 1900 года*

I

Ещё не знает Ильича
мастеровой народ.
На свете белом тысяча
девятисотый год.
Минувшее? Ату его –
двадцатый век в яслях!
Заводы Расторгуева
в Кыштыме и Каслях...

Не обольщайся, милая –
я из иной семьи.
Хотя моя фамилия,
заводы не мои –
и слава Богу: вроде бы
за давностию лет
моей ближайшей родины
в расстрельных списках нет.

Не их листал до полночи,
сжимая переплёт,
у бабушки на полочке
чугунный Дон Кихот
и темнотою сажевой
томился до утра,
и тонкий меч осаживал
у левого бедра.

То позднее, советское,
по-всякому житьё –
воспоминанье детское
давнишнее моё.
Уже тогда в расхожество
по крайние края
оборотилось множество
изящного художества
каслинского литья...

II

Но если память тычется,
дадим ей полный ход.
Давай вернёмся в тысяча
девятисотый год,
где мировая публика
толпится без конца
не у баранки-бублика
и золотого рублика –
чугунного дворца,

где горбится усиленный
распорками помост,
где под крылом у Сирина
рыдает Алконост,
и песенка летучая
несётся в небеса,
и катится горячая
тяжёлая слеза,

где из металла соткана
атака свысока
охотничьего сокола
на зайца-русака
и свара над добычею
оголодалых львиц

по давнему обычаю
провинций и столиц.

Угроза ли горгульина,
драконья ли волна –
любая загогулина,
как надо, сведена.
Бесстрастные, всевластные
в опорные углы
по кружеву распластаны
двуглавые орлы.

У входа не зловеще, но
с булатом и крестом
стоит в кольчуге женщина –
держава под щитом.
И без высокомерия,
но явственно вполне,
что не пустыня-прерия –
Российская империя
в уральском чугуне...

III

Как верное наследие
возобновили храм.
Двадцатое столетие
отправили в спецхран.
Та молодая женщина
не сгнула во мгле:
такую, мол, завещана –
забудь, что обещана –
поставлена в Кремле.

Кто миновал миллениум
по юности почти,
не поминает Ленина

и Ельцина не чтит.
Не всё равно ль за водами,
утекшими в полях,
кто ведаёт заводами
в Кыштыме и Каслях?

И точит разум – ты чего?
Река не повернёт
на бородатый тысяча
девятисотый год.
Правители убогие,
рассыпана страна –
иные технологии,
иные времена...

По нраву фанаберия,
от сердца лития –
чугунная империя
уральского литья!
Но, скрывшаяся в облаке,
годами напролёт
Россия в прежнем облике
не занимает публики,
себя не узнаёт.

Лана ШАНГИНА

* * *

Как пушинку, на руки взял,
И к облакам унёс,
И заблудились мои «нельзя»,
В переплетеньи твоих волос.

В полдень ко мне, как к ручью, приник,
В тебя, как в колодец, глядела я.

Я не хочу, чтобы ты привык,
Что я навсегда – твоя.

Когда ослабнет сцепленье тел,
На прощанье скажу:
Хочу, чтобы ты мне вослед поглядел,
Как на тебя я гляжу...

* * *

Над зимним Римом бродят облака,
Роняя влагу в кроны пышных пиний...
Не верится, что мутная река –
И есть тот Тибр, что в школе проходили...

Трастевере...
Широкие мосты,
На набережной – плющ и ежевика,
И роз, цветущих круглый год, кусты,
И в ресторане – свежая клубника...

Не снег, а тихий тёплый дождь пошёл
Из тучки в небе чистом и высоком...
Мне в Риме, будто дома, хорошо.
А дома, точно в Риме, одиноко.

* * *

Я уже давно не верю
В то, что время раны лечит.
Остро помнятся потери,
Неслучившиеся встречи.
Слов несказанная стая
Застревает комом в горле...
Памяти блокнот листая,
Убеждаюсь – снова больно.

* * *

Главное в жизни – свобода и свет,
И вовремя самолет.
И вечное счастье, которого нет,
А всё остальное пройдёт.

Главное – верить: наступит тот час,
Ради которого жил.
А до него – будет много у нас
Порванных струн и жил.

Ты на Земле, но так далеко –
Дальше, чем до Луны.
Я у окошка пью молоко,
Веруя в светлые сны...

Как многоточье, закончат мой день
У фонаря мотыльки...
Кто-то любимым рождает детей,
А я посвящаю стихи...

* * *

На окнах, сплошь заледенелых,
Так тонко выписал мороз
Сплетенье трав жемчужно-белых
И – словно веточки берез...

Картинки сказочного лета
Рисует стужа на окне.
Но для чего? Наверно, это
Зима тоскует о весне...

СЕВЕР

Едва унялась суматошная вьюга,
И звезды рассыпались разом,
На спицах мороза из колкого пуха
Наутро лес заново связан.

В изысканно-инистом великолепии
Ночь выяснилась не случайно –
Сошлась тишина в человеке и в небе
Взаимонезыблемой тайной.

* * *

Не громами сбиты облака над Обью –
Северным прорывом ледяным весьма.
Изредка кустарник пересыплет дробью,
Растолчет на плёсах птичьи письмена.

Медленные баржи, кулички и крачки,
Пропорхнут моторки по кривой излук.
Обь очнулась после богатырской спячки
И впряглась в работу до осенних вьюг.

Всё путём – ледовый сплав и половодье,
Нерест и путина, северный завоз...
Если что забыл, выпустил в Приобье,
Завтра в Салехарде выплывет, авось.

* * *

Эх, давай на озеро рванем,
Там стрекозы, окуни, козявки.
Дождевые черви под бревном
Пролизали скользкие канавки.

Снасти рыболовные в углу.
Спозаранку росно и студёно,
Тихо на летейском берегу –
Ни жены, ни водки, ни закона.

За приют сиятельных теней
Нам платить не надо да и нечем.
Как-нибудь надергаем ершей
И себя обедом обеспечим.

* * *

Большую жизнь просея,
Не подберу вещей
Для местного музея
С особицей моей.

Все куплены когда-то,
Такие ж, как у всех.
И лишь мои заплаты
Да ветер из прорех.

* * *

И снег, и с ног сшибательная вьюга.
Был и растаял серый березняк.
Через него, протискиваясь туго,
Добрались до зимовья кое-как.

А утром дверью отодвинем зиму
В безмолвье, что сровняло берега.
И снова будет март тянуть резину –
Вытягивать сосульку вдоль угла.

Идём на омут в неуклюжих унтах,
Где снасти занесло наверняка.
И, узнавая нас, в открытых лунках
Приветно закачается река.

О чем, прозаик, ты хлопочешь?

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

ЗАБЫТЫЙ ВКУС ЧЕРЕМУХИ

– Попробуй. Астафьевская же...

Я аккуратно срываю опрятную гроздочку ягод и выбираю сверху две, покрупнее. Кладу обе на язык и поднимаю их к нёбу. Ощущаю мягкую твердость, и как только язык раздавливает плотную плоть ягоды, чувствую вяжущий и чуть горчащий нежный сок. Сжимаю крепко зубы и давлю ядрышко ягоды. У другой жизни – та же вяжущая плоть и сырая горчинка.

В нашем палисаднике черемуха не росла. Росла у соседей – у Казаков, у Валерки, росла перед самым домом, очень рослая, невероятно могучая.

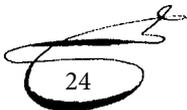
Эта, астафьевская, по сравнению с давней казаковской, просто маломерок. Хотя вкус ягод тот же.

У Казаков рос не черемуховый куст, а черемуховое дерево. Оно заслоняло, прятало скромный дом моей лёльки Зои своей развесистой богатой кроной. По эту сторону ограды, на улице, но под мощными ветвями черемухи, дядя Паша примостил скамеечку. Бабы на дядьпашиной скамейке вечерами, после работы, лузгали семечки и бесечно вели свои бесконечные разговоры.

Поздним маем, когда черемуха распускалась, мне сильно нравилось посидеть на скамеечке. Черемуха пахла одуряюще. Дурманяще. Вроде и нет ничего, но ты как бы незаметно погружаешься в облако. Облако запаха. Облако нестерпимой свежести. Облако тонкой прохлады.

Когда цветет черемуха – на планете становится чуть холоднее. Прохладнее. Яснее.

Всхлипнешь носом, вдохнешь в себя это невидимое облако и тебя – промывает. Простирывает. Каждая клеточка твоего свежего юного тела омывается терпким нежным ароматом. На деревянной скамеечке сидишь себе, пацанёнок, растворенный ароматом весны, земли и дурманящего блаженства. Ты становился самой черемухой. Черемуховым цветом. Нет, черемуховым запахом.

Если ангелы пахнут – они могут пахнуть только цветущей черемухой.

Присаживалась на скамеечку деловито спешащая к себе домой твоя строгая одноклассница Нинка Бездетко и под казаковской черемухой у тебя появлялся шанс постигнуть-убедиться в ее ангелоподобности.

Мы с Валеркой и Колькой Казаками страстно ждали, когда поспеет черемуха. Лёлька Зоя доверяла нам собирать созревшую ягоду. Мы оббирали каждую веточку. Дерево поднималось над землей метров на пять. Мы, мелкое пацанье племя, добирались до самых недоступных веток, рискуя сверзиться. Ни одной ягодки не оставалось.

– Чисто! – восхищенно оценивала работу литая статная лёлька.

Мы набрали ягод пять больших ведер. Зимой нам было варенье и пирожки с прокрученной черемухой.

– Не ешь черемухи много, – советовала моя осторожная мать. – Она кишки забирает.

Странно, когда черемуха цвела – на земле холодало. Разве случайно? Что это означало? А что бы ни означало, а явно – непростое дерево черемуха в судьбах планеты.

Человечество потеряло нос. Утратило.

Одурающе цветет и пахнет черемуховое дерево. Но я на годы забыл, что в неожиданно холодеющем мае надо пройти обряд черемухового очищения запахом, который на миг делает нас ангелами, дает почувствовать – мы могли бы, это в наших силах: послужить ангелами.

В енисейской Овсянке, у Астафьева, с видом на скалы здешнего Красногорья перед последним домом под черемухой, перевешивающейся через забор, скамейки нет. Наверное, у них на Енисее с черемухой другие разговоры.

Вспомни!

На могилке отца и мамы растет черемуха. Посадили. Принялась.

Отец попросил.

Мощно разрастается космическое дерево. Может, отец знал тайну холодающего мира?

СОБЛАЗН АЛТАЯ

Зачарованная страна...

В Телецком озере ты ноги омочил?

По пьяному Чуйскому тракту проехал?

Чудо Чемала тебе ведомо?

Рассвет над Белухой ты лицезрел?

Картины Гуркина в Горно-Алтайске смотрел?

Бентар Бедуров читал тебе свои языческие поэмы?

И плато Укок тебе ведомо?

И даже пещера на Сибирячихе?

И рериховский Верх-Уймон? И шушкинские Сростки? И волшебная трава бадан?

И староверческое (ведь почти столица Беловодья) тебе знакомо?

И советский кедроград?

Но почему такое стойкое убеждение, что Алтай ты не знаешь? По крайней мере, все еще только-только подступаешься, если даже немножко приблизился.

Хотя – что осталось?

Понятно, подняться на Белуху. Говорят там, на середине подъема – очаровательные покосы. Альпийские луга. Алтайские, точнее... Причем здесь засуженные Альпы? Да, и конечно бы, по Чулышману, горной долиной впасть в Телецкое озеро.

Может, пробраться к Алтаю с хакасской стороны, поднимаясь берегом неукротимого Абакана.

В тот год (как всегда, ранней осенью) я пробирался – на этот раз – к Белухе, по Чуйскому тракту. В Горно-Алтайске коллеги мне определили двух невообразимых шерпов – шорца Саню и чистопородного алтайца Лешу, а с ними – и немислимого «козла», самый добитый уазик – с самым лихим шофером Геней, который в основном соревновался с гаишниками, и чаще всего успешно уходил.

Стоял Год Пустых Прилавков, в притрактовых сельповских деревнях в магазинах тоскливо скучала только неопределенная крупа, гречневая каша в банках, балтийские шпроты и баночные же «щи заварные» с давно ушедшим сроком годности.

На этом фоне просто сияли бутылки «Шато икем» и «Пино гри», естественно, азербайджанского разлива. К ним примыкал знаменитый «Солнцедар» (забытая классика голодного застоя). Видимо, этого добра по тракту завезли столько, что даже гордый алтайский народ не мог его моментально осилить.

По родине шел Год Пустых Прилавков.

Но в каждой алтайской деревне у Леши находились бедные, как он утверждал, родственники, у которых, конечно же, по нашему поводу, находился жертвенный баран.

Едкий «Пино гри» успешно разъедал сложный бараний жир.

На траверзе рериховского Верх-Уймона Гена устроил гонки с бездарными гаишниками и опять ловко выиграл ралли по болоту. Перед этим Гена не удержался и солидно отхлебнул с нами из бутылки «Шато икем», и ему было что терять, проиграв он это невообразимое ралли.

Доев с утра третьего барана у бедных родственников из безымянной деревеньки, мы к полудню добрались до подножия Белухи. Красавица завиднелась издалека, но

день был не беспросветно ясным, и знаменитая белухинская тройная вершина, если и показывалась, то не вся, а фрагментами по отдельности.

У подножия главной алтайской красавицы было разбито туристическое ранчо, нетрадиционная советская гостиница хотя там и имелся главный корпус в стиле «заповедное баракко», но его окружала кучка аккуратных деревянных юрт с войлочными дверьми.

Меня – был уже не сезон – как почетного гостя поселили в юрте почти на берегу протекавшей здесь бурной речушки. Отмельный берег подступал прямо к порогу моего одинокого отеля с минимальным набором удобств.

Но было невероятно уютно и мило.

Мы совершили небольшое восхождение к главной гордячке Алтая. Белуха скрывалась тщательно, но, видимо, и ей мешало женское тщеславие – в редкий просвет она выплыла всей своей недоступной и несказанной величавостью.

Мы поднимались по тропе и добрались до большой поляны – оказалось, что это самый прозаический покос. По альпийскому лугу тянулись грядки опрятно сметанных копен. Можно позавидовать коровкам, которым готовилось это альпийское сено. Луг благоухал.

Именно с этого покоса в просвете беспросветных облаков и выплыла Белуха со всеми своими потаенными сакральными вершинами. Впрочем, наверное, она выглядела совсем не героически, а спокойно и просто, но это была легендарная гора, и трудно было смотреть на нее, как на простую гору. Хотя, кроме шлейфа туч, свою загадочность она никак не проявляла.

Но материнской грудью пахла трава на лугу. Пряно и нежно.

Назад мы спустились уже под вечер.

Да, и ведь именно у подножья Белухи, на берегу неосознанной речки, ручья ли, произошло самое твое невероятное соблазнение...

А ты все еще не веришь, что он состоялся, соблазн Алтая.

Что произошло той ночью в той деревянной лачуге?

Конечно, глубокой ночью ты услышал, что в системном плеске неумолкаемого ручья-речки что-то произошло.

Как будто ручей бежал, бежал, бежал...

И вдруг – остановился.

Притих. Затих.

Шум текущей воды остановился.

Вода остановилась.

Это возможно?

И эта тишина остановившегося бега воды тебя разбудила.

В воду вошла ты.

Вот приключение, которого ты ждал. Ждешь. Постоянно. И... Вода остановилась.

На горах леса высокие.
На Алтае ночи холодные.

вода оборвалась
время остановилось
нет, оно текло
но вливалось в себя
это было слишком целомудренно
чтобы подумать о покушении
я знал, что в моей жизни всё
будет определять женщина лунного света
и очень этого боялся
она шла очень осторожно
как будто на цыпочках
но я изумился –
она ступала на всю ступню.

Наверное, я заснул и ничего не расслышал, пропустил.

Проснулся, очнулся я оттого, что рядом кто-то дышал. Тихо, вкрадчиво и доверчиво явственно. Кто-то был рядом. Я не затаил, у меня перехватило дыхание.

И это было сразу замечено. Я моментально почувствовал, как ко мне, ко всему, прильнуло что-то сильное и горячее. Голое. И это горячее сразу вошло в меня. Но длилось это одно мгновение, только одно мгновение. Миг. Она не отодвинулась. Она исчезла. Я потерял ее. Сразу. Я потрогал руками пространство. Ее не было. Я ее потерял.

Наверное, я шумно вздохнул.

Она неожиданно объявилась. С другой стороны? Может быть, с другой стороны.

Это горячая и грузная масса обрушилась на меня. Я лежал распластанный и сверху в меня входил горячий поток, в каждую клеточку, в каждую пору. Я таял в этом потоке и совершенно неестественно ее тело легчало, становилось невесомым.

Я лежал под облаком горячего тепла.

Она стала бережно и неистово меня целовать. Губы ее были мягки, податливы и горячи, а лицо обжигающе холодно. Она хотела проникнуть в меня, как будто догадывалась, что здесь около губ моих прячется моя душа.

От меня ничего не требовалось. Требовалось мое присутствие и осознание, что я существую, я здесь и я есть.

Наверное, это длилось долго. Затянулось. И мне показалось, что я должен проявить решительность.

Но это покорное тело, теплое облако плоти, вдруг сразу переменялось, и превратилось в ступок бешеной энергии. И чем сильнее я хотел проявить свои намерения, тем яростнее оно сопротивлялось.

Завязалась борьба.

Настоящая борьба. Я недоумевал. Я ничего не понял? Меня пришли просто поцеловать? Гостиничные услуги?

Она знала какие-то правила борьбы, которые я не знал. Она была в моих руках, но ничего не позволяла, как бы не делая никаких усилий. Она исчезала, как птица в вышину, как рыба в глубину.

Я терял силы.

Мне ничего не оставалось, как целовать ее плечи и грудь.

Я слабел и изнемогал.

На последнем пределе.

И что-то произошло. Она оторвалась, и я потерял ее.

Я держал в руках пустоту.

Но тут снова проник свет с горы.

Ненасытные иступленные неистовые бедра.

Она лежала рядом, сбоку.

Свет скользнул по лицу и голубой луч медленно узким лезвием пополз по ее телу. Она бесстыдно подставляла свое голое девичье лоно. Откровенно бесстыдно и в то же время как-то наивно.

Свет через верхнее маленькое окошко падал как бы и от луны, и как бы с вершины горы, с Белухи. То ли луна путешествовала рядом с великой вершиной, то ли гора от лунного света так отсвечивала, что струящийся свет попадал даже сюда. Свет был неверный, мерцающий, западающий. Я не видел все тело целиком, только какие-то отрывки, обрывки, и не сразу можно было догадаться, колена ли это, пах или подмышка.

Там внутри у нее все жило, отступало, обволакивало, сопротивлялось, исчезало, отторгало, наступало, сжималось. Трудно было поверить, что бременная плоть может быть столь так неистова, ненасытные иступленные бедра жили отдельно. Мне показалось на миг, что я сжимаю в своих объятьях сильную мощную постоянно ускользающую исчезающую рыбу.

Она стонала так, что мне казалось, что этот испепеляющий звук разлетелся по всей предгорной равнине и будил Белуху.

Наверное, все в этом лагере уже встали и только слушали этот неистовый клекот.

Но мне уже было все равно. Пусть заходят, уже не стыдно, и меня ничто бы не смогло остановить.

Но, видимо, это просто столь сильно билось мое сердце.

Она стонала смирно, приглушенно, стесняясь и стыдясь.

В маленьком кафе при этой гостиничке завтрак подавали две официантки. Они были очень похожие, скорее всего, сестры, погодки – черноголовые, белокожие и плотные, ядреные. Одинаковый миндаль глаз.

Обе улыбнулись мне приветливо. Мне показалось... Конечно...

Вот со спины.

Она стояла на берегу речки.

Не трудно представить.

Наверное, я ждал какого-то знака.

Кто из них?

Как опознать?

Если кто-то из них – должен быть знак.

Нет, обе снова улыбнулись мне приветливо.

Конечно, я видел лицо. Не полностью, но видел.

Но там был другой свет. Свет с горы.

Здесь светило блеклое электричество.

Обе они были заметно сильные... Сквозь грациозность их бытовой обыденной поступи проступала святящаяся сила.

Кто из них?

И – из них?

Обязательно?

Уходя, я внимательно заглянул в глаза и той, и другой. Они не отвели глаз и смотрели приветливо. Возможно, не понимал.

Надо было уезжать.

Чему лукаво улыбались мои праведные проводники – шорец Саня и алтаец Леша? Бесподобные ребята. Хозяева Алтая. Нужды далекого гостя. Дальнего.

(алтайские записки?)

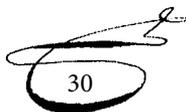
деревянная юрта

м.б. вигвам

тихая войлочная дверь

почему именно они

с чего я взял

меня не перепутали
может, меня перепутали?
там же стояли и другие юрты
одинаковый
миндаль глаз
чутьчку полупрезрительно
но явно надменно
взгляд победительницы
ящерицей – я ощутил
свежевыкупанного тела
холодок – проворно
Каждый из них, в отличие от меня знал 13 колен своего рода.

Бетховен, кстати, очень нежный композитор.
Неистово нежный.
В опусе 74 № 10 для квартета.
Вот кого никогда я не мог понять: это композиторов и музыкантов.
Другой земли другие люди.
Нет, не нынешних – старых, классиков.
Нынешние-то как раз: полный примитив. Лучше не понимать.

сон горы

я наверное уснул
я опять что-то пропустил
меня разбудил шум текущей горы.

Я догадаюсь очень поздно.
это Ты была.
Шамбала.

Елена ЗАЛЁТИНА

РАССКАЗЫ ПРОВОДНИКА

* * *

Кулунда...Ку-лун-да... Раскатисто-лунная степь разбегается в бесконечный простор. Где твой кулун? Где твои жеребята, вскормленные молоком твоих туманов? Желтая, зеленая, коричневая, фиолетовая Кулунда, я предсказала себе твои туманы, как странный Аурлеано Габриеля Гарсиа Маркеса. Твой призрак не обманул меня.

Поезд летит, разрезая тишину степи. Маркес здесь совершенно ни при чем. Просто про одиночество его вечных Аурлеано и Хосе, про его родные сказки прочитала я именно сейчас, когда туда и обратно пролетаю в поезде через Кулунду.

Вечные дети из романа великого колумбийца в моем воображении навсегда поселились среди этих солончаков, где еще совсем недавно никогда не слышали про бананы.

* * *

Все ближе к Тюмени...

Вместо бесконечной степи бесконечное болото – колыхающееся море камыша, из которого торчат голые, сухие березовые мачты...

Что за река перед Сарапулом?..

Уж что я научилась делать, так это писать объяснительные...

Начальнику вагонного депо

Такому-то

от проводника вагона № 8

Такой-то

Объяснительная

Во время проверки по станции Омск начальник поезда обнаружил в вагоне № 8/10326, во время моего дежурства, что в тамбуре с нерабочей стороны обе наружные двери не закрыты на замок. Я и моя напарница попытались закрыть их... и т.д.

А что прикажите делать? Две девушки побились у дверей, которые чёрте кто чёрте когда открывал. Ни один из трех замков не поворачивается, двери ни туда, ни сюда поколебать не удалось. Значит, закрыто. А то, что в Тюмени пришли здоровые

мужики-ревизоры, двери вскрыли и стали требовать пятьсот рублей – это уже просто наглость.

Мы не платим или стараемся не платить общие официальные взятки многочисленным ревизорам: пожарным, врачам, техникам, начальникам РЖД. Мы не боимся громких страшилок: «Придут – возьмут еще больше». Выкручиваемся, спорим, хитрим, очень раздражаем начальника поезда. Нам не страшны, нам смешны их плотные тельца в синих форменных рубашках. Они плотно заполнили штабное купе, они раскормили себя специально по него. Кроме этих тетеньки и дяденьки в него никто не поместится. Как языческим божествам, на цыпочках им подносят в трепетных руках документы и чай. Но – о ужас! Кто-то положил деньги прямо с документами! Какой позор! Какое хамство! Кто-нибудь может узнать, что мы самые главные, берем больше всех!

Виноваты, конечно, мы. Пощады не ждите. Да к тому же конфет мало продали. Снова пишем:

Мы продали кондитерских изделий не на 1500 р., а на 100 р., потому что не обладаем навыками торговли и считаем не этичным заставлять пассажиров приобретать товары, которые им не нужны.

Кара: контролируем сдачу белья со всего состава. 160 огромных мешков должны вытряхнуть две полуживые от усталости девушки. Но стол-настил в прачечной освобождается. Он уже не стол, а сцена! Значит, надолго запомнят прачки наши песнотанцы следи груд грязного белья.

* * *

Как-то на обратном пути остро встал продовольственный вопрос. Так, что Маша вполне серьезно сказала, ложась спать: «Будет станция минут двенадцать – Ишим или еще что – попытайся купить хлеба... Надеюсь, у нас хватит денег... Нет – ладно, протянем без хлеба...»

* * *

Уезжаю – приезжаю...
Вечно верная Алтаю
Через всю страну летаю.

Нету места назначения:
Только точки отраженья –
Оборота поездов –
Без начала, без концов.
Как попала я сюда? –
Знаю только я одна.
Раньше только на картинках
Я встречала поезда.

* * *

Мне кажется, я попала в безвременье, в параллельный мир, в иную реальность. И это вовсе не шутки. По теории Эйнштейна время относительно, на сверхзвуковой, сверхсветовой скорости имеет другие свойства. 95/96 поезд, хоть и скорый, но не сверхзвуковой. Но, забравшись в него на неделю, из времени выпадаешь. Проводники дежурят по сменам – часов по двенадцать. Устаешь, не высыпаешься, часовые пояса меняются, живешь по московскому времени, а понятие «сутки» становится пустым и неактуальным.

Приезжаю домой. Мне заявляют – уже почти неделю идет война между Грузией и Южной Осетией, а Россия в ней участвует. Весь мир на ушах, ООН бушует, дипломатическая война в разгаре, гибнут люди! Фашистские зверства! И это вперемешку с олимпиадой! А я сижу в железном ящике с лавками и ничего не знаю! Интересно, а если в Землю врежется огромный астероид и половина от нее отвалится, нам кто-нибудь сообщит?

Плюсом к выше сказанному, телефон мой разрядился, не заряжается от розетки в 50 В, на счете 0 р. 30 к., а я в роуминге. Следовательно, информация о конце света по телефону ко мне поступить не может.

Поезда со временем связаны определенно. Говорят, по железным дорогам Европы уже более ста лет блуждает поезд-призрак, однажды попавший в параллельный мир.

* * *

Поезд железный, как и дорога. Сейчас все спят, за окном совсем темно, я ничего не могу разглядеть и мне не по себе. Страшно – это если чего-то боишься, а мне уже все равно. Я устала от железа, мне нужно пройти по земле. Страшными корявыми гусеницами пронесются товарные поезда. Я просто не могу переносить их последнее время. На меня накатывает тошнота.

* * *

Главное – представить себе, что он не страшный. Что может быть в нем страшного? Он же неживой. Неживой. Какой же он огромный, этот котел! Он сейчас холодный, он не затоплен. Чего бояться? Ты же его раньше топила! И не испугалась. Да, тогда не испугалась. Тогда пугаться было некогда, нужно было делать все очень быстро. А теперь времени бояться просто завались. А ведь нужно просто вымыть пол вокруг него. Открыть панели и вымыть пол. Это положено делать постоянно, а то пыль может загореться. Но здесь давно никто не мыл. А я мою. Мою вокруг этого огромного, черного, железного, руками-не-обхватить котла. И откуда в человеке этот страх перед неживой железякой? В этом есть что-то первобытное.

Видимо, игры со временем не прошли даром. Сознание сдвинулось. А может, это все от того, что я одна не сплю в железном ящике, который вместе с пятнадцатью себе подобными тащится сквозь ночь.

Открываю люк в потолке, а он на меня отпадает вместе с клубами сажи. Кошмар! Даже не мою. Еле закрываю, встав на ведро.

* * *

А над рекой Уфой встал косматый, белый, очень густой туман. Сахарно-ватные волны с завитками на гребнях, матово-льדיстые колыхающиеся волны. И солнце только выползло между двумя горками, тянется тонкими лучиками флорентийского стекла над туманом между пирамидками елочек ко мне в вагонное окно. Как жаль, что из-за стука колес неслышно, как они разбиваются один за другим, зацепляясь за колючие лапы.

Все стало прозрачно-оранжевым с коричневатым оттенком, и только туманная река насыщенно зелена в тени. Она сказка, сама жизнь. Из нее растет и растет эта облачная косматая борода, мечты и духи этих старых гор.

* * *

Проезжаем по тонкому мостику. Он так ажурен, что по всей человеческой логике не может выдержать тяжести поезда. Он выдерживает и уже это похоже на сказку.

Горы вдоль окна то выше, то ниже. И елочки то вытягиваются стрелами в самое небо, то округляются кеглями, то превращаются в шары где-то в бездне. И все они почему-то разного цвета: от темно-синего до салатного – фантазия импрессиониста. О, Мане! Ты не знал своего счастья.

* * *

Всю ночь бегала по составу. Устала. А потом помогала женщине с двумя детьми переселиться из вагона в вагон. Она вела старшего, я несла младшего. Захотелось своего. Сумки тащили пьяные феэсбешники, которые утверждали что они Чип и Дейл. Чип и Дейл не отставали от меня, пили пиво и заводили друзей на каждой станции. Жаловались всем, что я злая и развлекать их не желаю, что, впрочем, не мешало им путаться под ногами и давать советы, что мне делать и как себя вести. Но и мои приказания они выполняли безропотно. Приятно. Не каждый день у тебя феэсбешники на подхвате.

* * *

Бог послал мне это чудо, видимо для эксперимента. Длинный, худой, рыжеватый. Помните белку из «Ледникового периода»? – вот, похож.

Начальник поезда поставила меня в пару с Ромочкой, видимо, от бессильного раздражения. Мои опасения по поводу пребывания с незнакомым парнем в одном купе всю неделю Ромочка развеял с известным изяществом. На второй день путешествия, поедая мои консервы, он вдруг приосанился, кокетливо огляделся и сказал сладким шепотом: «Знаешь, а я ведь гей, серьезно».

Время от времени после этой заявы он прихорашивался перед зеркалом, вздыхал, говорил, что пошел соблазнять мужиков и пытался поцеловать меня на прощанье куда-то в шею.

На пути домой, где-то в районе Тюмени мой сладкий сон пресек крик начальника поезда. Служебное купе было забито неприбранным грязным пассажирским бельем, а гей-неудачник пьяный в зюю стоял над ним как-то диагонально, стараясь не сильно стукаться головой о вторую полку.

Он пил. Водку. При каждом удобном, а на обратном пути и не удобном случае. Закусывал, видимо, казенными сладостями, естественно, бесплатно. Когда недостача в выручке стала зашкаливать, мы с девочками из соседнего вагона отобрали водку и потребовали деньги вернуть, но втолковать ему его вину смог только спортивный супруг одной из них уже в Барнауле.

Его явное стремление к внешней чистоте сочеталось с постоянно нарастающей вонью. Он не мылся. Совсем. В конце пути, когда он, окончательно потеряв лицо, честь и совесть, спал, я вынуждена была сидеть в коридоре. Пассажиры ходили по вагону, осторожно принохиваясь, видимо уверенные, что я уже убила его, спрятала тело, и оно уже разлагается.

* * *

Зачем ей большая коробка?
Зачем ей большой пакет?
Куда она темной ночью
Идет, не включая свет?

В руках ее острый ножик,
В глазах обреченный зной,
И, если она не сможет,
Не говори со мной!

Не звуки – одни обломки,
Ты слышишь, как дождь стучит?
Видишь: на лезвии тонком
Лучик луны блестит.

В тамбур, где лампа мигает,
Заходит... Разбито стекло!
Ножиком скотч отрезает
И залепляет окно!

* * *

Поезд остановился на перегоне. После дождя. Все настолько ярко, что хочется открыть глаза пошире и не моргать. Вятские поляны. А здесь не поляны. Здесь лес и совершенно волшебный домик с саранками в палисаднике. На рельсах сидит пятнистая кошка без хвоста. Она абсолютно счастлива и равнодушно смотрит на привычные ей вагоны. Я зову ее, но она гордая, сытая, отворачивается и лениво идет в лес. Ее дела важнее моих. И мне хочется бросить все и побежать за ней в этот дом, в этот лес.

* * *

Я смотрю на светло-зеленый листочек неизвестно чего, пролезшего между тяжелыми камнями. Это брусчатка Красной площади и, конечно, это мои ноги в ободранных туфлях стоят на ней. Мы бегаем по всем известному пространству, как безумные. Все словно во сне. Фотографируем собор и наши ноги на брусчатке.

На нулевом километре туристы бросают деньги, загадывают желание. Старушки совершенно деревенского вида выхватывают монеты прямо из-под ног. Они не могут терять времени. Какими же мы им кажемся идиотами.

У государственного музея привидениями скучают не очень похожие Николай II, Иосиф Виссарионович и Владимир Ильич. Все зарабатывают.

* * *

В Адлер! Я увижу тебя, чудное огромное море!

Вагон шумит, кипит и гогочет. Он молод, он, возможно, не доедет до моря. 20 молодцев в трусах и фуражках. Мы тихо стоим у стены. Курсанты, красавцы... Ооох! «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали...»

– Имейте совесть! Оденьтесь! И ах, да! Предъявите билеты!

Инженерное училище переводят из Кемерово в Новочеркасск. И силы девать некуда пацанам.

– Это вагон, а не гимнастический зал! Подтягиваться на косяках! Отжиматься в коридоре!.. Ой, гитара, ой, мерси за шоколадку...

Остановка поезда 2 минуты! Выходить нельзя... Да куда вы! Эй, назад!

Бегу за пьяным Юркой с веником. Сколько мусора от них – едят и пьют, как в последний раз. Вагон пропах пивом и копченой рыбой. Туалетная бумага развивается вдоль вагона. Мы отрываем ее с напарницей. Она улетает и еще два дня рыцарским плюмажем вьется на антенне вагона соседнего.

– Зато мы вас защитим ото всех!

Гитара устала играть. Ночью поем акапелла. Штатские пассажиры спрятались в крайнем купе и ведут себя очень тихо.

– Мы уберем за собой все, правда!

Здоровенный хлопец на полном ходу открывает дверь и выбрасывает мусор в Дон. – ААА!

Но студенческий вагон безнаказанно катит дальше.

Мальчики-мальчики, как вы там в Новочеркасске?

* * *

– Где Украина, тетеньки? – Да вот, тут, за перроном. Мы едим по границе: В купе – Россия, в коридоре – Украина – шутим, так счастливо ясно, что мы одно, как хорошо и тепло.

На перронах море фруктов. Яблоки, груши, сливы, абрикосы, грецкие орехи. – А

это что такое – зеленое, пупырчатое? – Адамово яблоко – купите! – А что это такое? – Купите!

Загорелые мужчины разрезают на перронах круглые маленькие, общо, несправедливо дорогие дыни. Сок бежит по большим ножам и рукам. Дыни уже завялились на солнце, но цену не сбавить.

* * *

Кавказ входит в мою жизнь ночью. Он спит. Черные неалтайские горы становятся небом. На небе огромные звезды. Лермонтов где-то рядом, шепчет свои нежные строчки. Я не вижу, ничего кроме звезд, так темно не бывает.

Туапсе – ночная сутолока и шум, но что-то живое и огромное появилось во тьме. Оно влажно дышит. Следующая маленькая станция. Что это!? Оно шуршит у самого перрона. Я не вижу тебя, но слышу впервые, ты и впрямь совсем черное, море!

* * *

Только два часа я в твоих объятьях, теплое, невесомое, уже яркое море. Эти два часа кажутся целой жизнью. Водоросли и мидии на волнорезе, гладкие камушки, белая пена, жадные чайки строим на берегу. Запах эвкалиптов и кипарисов. Ты излечило меня, заставило забыть обиды. Но ты чуть не убило меня, нежно развев небольшую ранку. Но и там, в сибирском городе на равном удалении от всех океанов, ты снилось мне в больном горячем сне, обещая покой.

* * *

Смуглый седоватый мужчина, мокрые волосы зачесаны назад, золотая фикса и цепь на шее. В развалку и с хитрым прищуром идет по перрону ко мне. Все ближе. Вертит брелок на пальце. Шпана, прямо как из лихих революционных годков, пристроилась за этим донским Корлеоне. Это «36-е» – шулеры и воры – мафия, с ними наказано даже не разговаривать.

– Лапочка, а где Настена? Она обещала поболтать на обратном пути?

Моя сумасшедшая напарница! Опять выкинула фортель. С трудом уворачиваюсь от объятий большой ловкой руки. Испарина.

– Она спит, нельзя будить.

– Мы пройдем, пройдем.

Проходят. Я тихо сползаю по косяку от смеха. Длинная очередь мата от Настены провожает мафию восвояси.

* * *

Мокро и десятиградусно. В туфлях и халатике вылезая из вагона уже в парке. Долго тянусь вниз ногой до далекой земли. Ледяная трава мягко пружинит. Остовом веника чищу подвагонную тележку. Но об этом лучше не думать.

Полседьмого утра. Родной и обожаемый лес смотрит на меня с лаской и жалостью. Там, конечно, сухо и теплее. Пойти туда и лечь, и спать. Надо еще поручни вымыть... Я, конечно, простыну... Солнце, красное, почти осеннее, уселось на верхушки сосен индийским йогом. Вот и последний день моей работы.

Павел ЧЕРКАШИН

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

Шестого июня из глубокого утреннего сна Александра беспощадно вырвал звонок служебного мобильного.

– Михайловский, – мельком бросив взгляд на часы: шесть ноль пять, – сиплым спросонья голосом представился он.

– Александр Андреевич, это дежурный Сочнев.

– Слушаю вас.

– Начальник управления срочно вызывает. Собирайтесь.

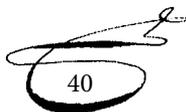
– Принял. А что стряслось?

– Товарищ майор, мне ещё пятерых с постели подрывать! Некогда разъяснять. На месте всё узнаете. Машина за вами уже выехала. Отбой.

– Отбой, – машинально повторил Александр коротким гудком телефона и взглянул за окно. Летнее солнце уже набирало силы для предстоящего долгого дня, но Тюмень ещё спала.

Почти тремя часами ранее на другом конце города над экраном ноутбука навис, перечитывая только что набранный текст, главный редактор независимого информационного агентства «Чебак.fm» Тарас Печёнкин. Зевнув от недосыпа, он, наконец, удовлетворённо откинулся в кресле, ослабился и с хищным предвкушением потёр ладони. Глаза блогера так и блестели чертовщинкой.

– Вот это будет бомба! Настоящая инфо-бомба! – злорадно пробормотал он и тут же принялся мечтательно прогнозировать вал посещений, кипение комментариев и неуправляемый рост рейтинга своего электронного ресурса.

Дело оставалось за малым. Главред кликнул мышкой и перешёл на сайт информационного агентства.

«ЧЕБАК.ФМ. ПЛАВАЕМ ШУСТРО» – поприветствовала его главная страница портала с эмблемой в виде силуэта рыбы, отдалённо оправдывающего своё название. Переключившись в меню администратора, Печёнкин скопировал материал, отметил необходимые теги-приманки, выждал, пока 03:59 в углу сменилось на 04:00 и нажал на кнопку «Публиковать».

К половине седьмого утра в приёмной начальника Главного управления МЧС России по области Виктора Непылаева собрались все заместители и начальники самостоятельных отделов.

– Ну что, все в сборе? – уточнил, выглянув из кабинета руководителя, первый заместитель начальника.

– Все, – ответил за коллег начальник управления кадров.

– Начальника пресс-службы не вижу.

– Я тоже здесь, – подтвердил Михайловский, выглянув из-за внушительной фигуры начальника управления госпожнадзора.

– Хорошо. Заходим.

Пока офицеры деловито рассаживались по местам, Виктор Константинович торопливо докурил и затушил сигарету и без предисловий обратился к начальнику пресс-службы.

– Александр Андреевич, всё ли в порядке в информационном поле региона по нашей епархии?

– Судя по всему уже нет, товарищ полковник, – после секундного замешательства нашёлся с ответом Михайловский.

– Верно. Уже нет. Но «судя по всему» причины вам ещё не известны. Как и большинству присутствующих, – начальник Главного управления пытливо обвёл офицеров взглядом. – Что ж, это легко исправить. Прочтите вот это, – и Виктор Константинович передал подчинённым небольшую стопку листов с распечатанным текстом под кричащим заголовком:

6 июня, 04:00

ДНИ ТЮМЕНИ СОЧТЕНЫ!

СУДЬБА АТЛАНТИДЫ ВНОВЬ ПОВТОРЯЕТСЯ!

КОМУ НА РУКУ ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ? – угольно зияли буквы.

Все непроизвольно углубились в чтение.

Распечатка с рыбовидным логотипом сообщала:

«Из проверенных, но пожелавших остаться анонимными, источников независимо информационному агентству «Чебак.fm» стало известно, что вся область находится на грани геологической катастрофы. Активное, прогрессирующее выкачивание из недр минеральной воды привело к образованию громадных пустот.

По компетентному мнению геологоразведчиков, коллапс неизбежен! Идёт масштабное проседание пластов земли. Увы, сейчас это не всегда удаётся вовремя отследить, так как в разгаре паводок и значительные территории залиты талыми водами. Но и на незатопленных участках уже имеются случаи провалов грунта на глубину до 100-150 метров. Местные жители в панике, главы муниципальных образований в растерянности и в шоке.

Буквально вчера вечером житель деревни Муллаши провалился вместе с телегой и лошадью в образовавшуюся под ним пустоту. Чрезвычайное происшествие произошло на глазах у ошеломлённых соседей. Докричаться до односельчанина так и не смогли.

Учёные прогнозируют неблагоприятное развитие ситуации в ближайшие дни вплоть до землетрясений. Угроза возникла и для областного центра. Необходима срочная эвакуация населения и культурных ценностей. Напрашивается резонный вопрос: почему молчит и бездействует региональное управление МЧС?

Ответ на поверхности – нет правительственной отмашки. Областные власти как воды в рот набрали. Хотя своих родных и близких они уже заблаговременно вывезли несколькими чартерными рейсами. Наблюдательные жители Новорошино не могли не заметить, как четыре дня назад поздним вечером вне всякого расписания из аэропорта вылетели с минутным интервалом семь авиалайнеров.

Мы попробовали обратиться за комментарием в пресс-службу губернатора, но, к сожалению, кроме вежливого голоса автоответчика, ничего вразумительного не услышали.

Тем временем на федеральных трассах километровые пробки. Автообозы с тюменцами пытаются выбраться из местной апокалиптической кухни в сторону Уральских гор.

Ситуация настолько напряжённая, что даже мародёры опасаются тратить драгоценное для спасения жизни время на грабёж опустевших квартир. Более сотни жителей города настолько близко, как личную трагедию, восприняли известие о надвигающейся геокатастрофе, что их пришлось срочно госпитализировать в кардиологический центр с острым сердечным приступом.

Не повторит ли завтра Тюмень судьбу Атлантиды и Китеж-града?..

Мы будем следить за развитием событий.

Служба новостей Чебак.fm.»

– Бред какой-то! – первым нарушил тишину начальник управления гражданской защиты населения.

И сразу как прорвало:

– Точно – бред!

– Во! Сивой кобылы!

– Совсем журналисты с катушек съехали!

– Полная дурь!

– Может, это шутка такая?

– Хороша шутка!

– Издевательство, а не шутка!

– А вы что думаете, Михайловский? – прервал бурные восклицания замов Непылаев.

– Это газетная утка, Виктор Константинович.

– Как газетная? Это же в Интернете размещено. Сайт «Чебак эф эм» какой-то.

– Суть та же, товарищ полковник. Преднамеренно ложная информация под соусом кажущегося правдоподобия. К тому же известно, что чем больше и невероятнее соврёшь, тем вероятнее и больше поверят.

Начальник юридического отдела при этих словах коротко хохотнул и согласно закивал.

– Так-то оно так... – задумчиво произнёс Непылаев и следом возмущённо добавил:

– Но уж так-то зачем? Нагло!.. Мужика ещё какого-то из Муллашей вместе с лошадьёю и соседями приплели, мародёров до кучи.

– А зачем в Сеть новые вирусы то и дело запускают? – парировал Михайловский.

– Так и тут. Какая-то корысть, видимо, есть.

– Ясно, – резюмировал начальник. – И что же это за «чебак» такой воду мутит? Кто там, в агентстве этом независимом у руля, известно?

– Известно. Тарас Печёнкин. Блогер. Но у нас он для освещения деятельности МЧС не аккредитован.

– Почему?

– Независим. И неблагонадёжен. Даже среди своих.

– Яа-а-сно, – выразительно протянул Виктор Константинович и с тоскливой нотой в голосе в рифму добавил:

– А теперь Печёнкин с утра сидит в печёнках.

– И нас в молчаливом бездействии обвиняет, – поддакнул первый зам.

– Какие будут соображения по сложившейся ситуации? – обратился глава управления ко всем присутствующим. – Через два-три часа эта утка запросто может превратиться в бомбу. Так что думаем быстро.

Спустя несколько минут мозгового штурма алгоритм действий на возможные

варианты развития событий был выстроен. Непылаев раздал необходимые указания и распустил участников экстренной планёрки. Попросил задержаться только Михайловского.

– Расскажи-ка мне, Андреич, об этом сайте и его чебаковде, – в доверительной беседе с глазу на глаз начальник перешёл на «ты». – Чего нам можно ожидать? А то государственный праздник на носу, а нам тотальную эвакуацию тут пророчат.

– Да что особо говорить... Редактору я оценку уже дал, и далеко не одинок в таком мнении. А сам сайт новый, только завоёвывает ещё медиа-поле и своих посетителей. И тут, как говорится, все средства хороши. Скорее всего, и у нынешней утки ноги именно отсюда растут.

– Как считаешь, много на эту утку клюнет?

– Прочитают, вероятно, многие. Уж больно заголовок «вкусный». А вылетится ли это в панику – это сложно просчитать. Статейка, конечно, абсурдная, но... – развёл руками Михайловский. – Сейчас многое от нашей оперативности зависит. Пока рабочий день не наступил.

– Что ж, действуй. И держи меня в курсе.

– Есть! Кстати, во второй половине дня будьте готовы к пресс-конференции. На всякий случай.

– Добро.

– Разрешите идти?

– Иди.

Оказавшись в своём кабинете, Александр первым делом включил компьютер, зашёл на «Чебак.fm» и скопировал статью на рабочий стол. Затем набрал мобильный номер директора новостного отдела областной телерадиокомпании.

– Женья, привет!

– Привет!

– Не разбудил?

– Бреюсь уже.

– Ты ведь Печёнкина знаешь?

– Ха! Лучше б не знать! Попортил он мне кровушки и нервов.

Далее Александр кратко, но красочно рассказал о новом опусе рыбного главреда и чем это всё потенциально грозит.

– Вот барбос! – ругнулся в трубку излюбленным словечком Евгений. – Ничего, мы ему не позволим нас из родного города выселить!

– Ясное дело! Слушай, Женья, ты как-то раз обмолвился, что у тебя младший брат в программах лихо шарит, так?

– Сёмка? Ха! Растёт, хакер! Только в восьмой перешёл, а по примочкам разным ас просто! И ведь никто не учил барбоса.

– У меня тут одна идея с его участием нарисовалась.

– Заинтриговал.

– Ты, давай, поторопись на работу, а я сейчас пресс-релиз руководству в резерв накаताю и к вам в телекомпанию подъеду.

– Лады. До встречи.

– Ну, что за идея, дружище? – пожимая в приветствии руку, нетерпеливо спросил Евгений подъехавшего Александра. – Как чебачьего барбоса прищучить собираешься?

– Чем героически бороться с грядущими последствиями, разумнее ликвидировать проблему в зачатке, так?

– Так.

– Идея у меня, по сути, проста, но без твоего юного компьютерного гения нам не обойтись.

– Это я усёк. Рассказывай дальше, не томи!

– Ты печёнковский меморандум апокалипсиса уже прочитал?

– Ну.

– Цепляет?

– Sapienti sat.

– А если кто-нибудь не очень sapienti?

– Хм, мда... А идея-то твоя всё же в чём?

– Надо, Жень, кожуру обманного правдоподобия с материала счистить. В шутку всё обернуть.

– Это хорошо бы. Но как?

– Сёма поможет. Я уверен.

– Кажется, я уже догадываюсь. – расплылся в заговорщицкой улыбке Евгений.

– Ему это только позволь! Сейчас звякну этому чудо-барбосу, чтобы не убежал куда-нибудь из дому.

– Давай.

– Да, кстати, – вспомнил после предупредительного звонка брату Евгений, – я эту крякающую портянку коллегам на ознакомление по электронке скинул с инструкцией по полному игнору темы.

– Думаешь, надо было?

– А как же. А чего ты испугался?

– А вдруг, наоборот, сдетонирует?

– Не-е, тут без вариантов. Во-первых, все наши ведущие СМИ-шники одним

разом в теме будут. Отпадёт дух соревновательности в её освещении. Во-вторых, массовой рассылкой я предотвратил прямой заход на сайт-первоисточник, а значит, кастрировал Печёнкину рейтинг посещаемости. Ну и, в-третьих, таким способом я подстраховал нас на тот случай, если этот вероломный барбос догадался запустить ребятам аналогичную рассылку, только наоборот: с каким-нибудь аппетитным анонсом-наживкой и адресом ссылки на страницу своего чешуйчатого детища.

– Ладно. Почти успокоил. Ну что, поехали?

– Поехали.

Тринадцатилетний каникуляр встретил визитёров с серьёзным видом. По всему чувствовалось, что паренёк цену своим способностям знает. Выслушав задумку Александра, он деловито отправил гостей на кухню пить чай.

– А ты, брат, точно справишься? – с некоторой опаской в голосе поинтересовался Евгений. – Не подведёшь под монастырь?

– Жека, я тебя умоляю! – комично воскликнул Сёмка, театральным жестом вздев руки. – Я же в любом случае демо-версию вам сперва покажу.

– Понял. Уже ретируемся.

Каких-то полчаса спустя Сёмка крикнул из комнаты ожидающим заказчикам:

– Готово!

Александр и Евгений буквально прильнули к монитору. Перед их глазами как и прежде чернел знакомый заголовок. Чернел и не пропадал.

– И что?.. – обескураженно выдохнули оба. – В чём подвох?

– А вы крутаните мышкой на конец статьи, – подсказал хакер-самоучка довольным голосом.

Текст до последнего абзаца легко убежал вверх.

– Алле-оп! – подобно цирковому дрессировщику громко воскликнул Сёмка.

И в тот же момент из финальной точки статьи с хихиканьем выросла цветная мультяшная рыбка (чебак чебаком!) с клоунским колпаком на макушке. Она презабавно махнула хвостиком и смешно раскрыла рот, из которого выдулся пузырь с незамысловатым текстом внутри: «Вот и сказочке конец! Прочитавшим – леденец!»

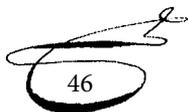
Взрыв хохота потряс комнату!

– Да ты у меня, братец, ещё и поэт! – выдавил сквозь смех Евгений.

– По-моему, самое то! – весело кивнул Александр. – Утка-бомба обезврежена!

– Пока ещё нет, – остудил радостный пыл Сёмка. – Это «демка». Но раз всех всё устраивает, то я хоть сейчас готов запустить нашу дружелюбную рыбку на вражескую территорию.

– Здорово! – восхищённо покачал головой Александр, но тут же встревожился. – А вдруг рыбку нашу удалить смогут? Противник-то у нас тоже не дурак.

– Это вряд ли, – с удовлетворением протянул Сёмка. – Он до пенсии мой пароль отгадывать будет.

– Ну, ты голова! А какой пароль-то?

Сёмка хитро стрельнул глазами на Александра:

– Столицы Мадагаскара и Гондураса. Причём набранные слитно русскими буквами в английской раскладке. 24 знака. Не хухры-мухры!

– Не хило. Тут ЦРУ и то бы вспотело сто раз.

– Так я что? Запускаю?

– Запускай!

Ближе к одиннадцати дня Александр вернулся в Главное управление и постучался к начальнику.

– Разрешите?

– А, Михайловский. Проходи. Что-то ни слуху, ни духу от тебя. А у меня тут телефоны звонят-надрываются.

– Странно. А кто звонит? Зачем надрывается? – в шутку прикинулся непонимающим Александр, сохраняя при этом вполне серьёзный вид.

– Замы звонят. Все же на ушах стоят, к худшему готовятся. Что тут странного, по-твоему?

– Так ведь всё худшее позади, Виктор Константинович. Я уже всё уладил. Армагеддон отменяется.

Полковник долгим немигающим взглядом уставился на своего пресс-атташе.

– Не понял, майор. Если это шутка, то неудачная.

– Вы на «Чебак.fm» давно заходили?

– Всё шутишь? И не думал уходить.

– И ничего не заметили? – интригуяще улыбнулся Михайловский.

– Нет, – начальник непонимающе перевёл взгляд на экран и посмотрел более пристально. – А что я в этом безобразии ещё должен заметить?

– Хм... Ах, да! Вы же наверняка не перезапускали страницу. Обновите её.

Непылаев кликнул мышкой, бегло скользнул утомлённым взглядом по пресловутым абзацам и... брови его неудержимо взлетели вверх, а губы непроизвольно вытянулись в трубочку изумления. Под раздавшееся из динамиков заразительное хихиканье он шумно выдохнул, откинулся в кресле, буквально расцвёл и, наконец, дал волю смеху.

– Крррасиво сработано! – наконец смог выговорить он. – Кра-си-во. Значит, Армагеддон отменяется, говоришь?

– Отменяется, товарищ полковник. Пресс-конференция, кстати, тоже. За ненадобностью.

– Слава Богу! – ещё улыбаясь, но с заметной усталостью в голосе ответил Виктор Константинович, растирая большими пальцами рук седые виски. – И так с утра вымотался вконец. Даже какой сегодня день, не помню.

– Четверг.

– Да, верно. Рыбный день.

– Что?

– Четверг – рыбный день, говорю.

– В смысле?

– Ах, ну да, ты, наверно, и не помнишь... В советское время на многих предприятиях общепита традиция такая была: по четвергам всегда рыбный день устраивали. Все блюда готовили из рыбы.

– Точно. Припоминаю. Смутно, правда. А я подумал сначала, что вы нашу эпопею так окрестили.

– Какую?

– Сегодняшнюю. С «Чебаком.fm» и мультяшной рыбкой.

– Мда, вот совпаденьице... Ладно, иди, спаситель города. Родина тебя не забудет. А мне ещё отбой по службам объявить надо, пока телефон окончательно не расплавился.

В эти же самые минуты в своей квартире очнулся ото сна Печёнкин. Сгорая от любопытства, он мгновенно вскочил с дивана и в одних трусах сразу метнулся к компьютеру.

– Давай! Давай! Давай! – торопил он безучастную шкалу загрузки, нервно барабаня пальцами по столешнице. С таким же успехом главред независимого информгентства мог бы поторапливать движение луны по ночному небу. Наконец техника сообразовала допустить человека к работе.

– Так-так-так... Уже восемьдесят четыре читателя. Нормалёк! Процесс пошёл. То ли ещё будет! – алчно забормотал он, взглянув на строку статистики посещений материала в углу экрана. – Чудненько! А что там у нас с комментариями?

Печёнкин прокрутил мышкой текст и с вытаращенными глазами остолбенел. Ещё один, эксклюзивный только для администратора сайта, сюрприз от Сёмки дождался своего звёздного часа.

Из финальной точки статьи под зловещий скрежет звуковых колонок вырос на всю высоту экрана ядовито-зелёный анимационный монстр Халк. На рельефном обнажённом торсе громилы красовалась крупная татуировка-надпись «НЕ БАЛУЙ, ПАДЛА!», а пудовый кулак недвусмысленно грозил в сторону оцепеневшего у монитора «аффтара».

– Что за хрень! – возмущённо и растерянно смог проронить Печёнкин после затянувшейся немой сцены и машинально навёл курсор на супергероя. Кликнул.

В ту же секунду Халк взбурлил до предела мускулы, рот на его свирепом лице ещё больше оскалился и сквозь стиснутые зубы, с хищным рыком в динамиках, поверх текста выдавился прозрачный пузырь с многообещающей гневной репликой: «Ещё раз кликнешь по мне – обнулю всю статистику!»

Печёнкин затравленно взвыл.

Вернувшись на рабочее место, Александр поглядел на часы. Приближалось время обеда. Желудок, словно подтверждая это, продолжительно заурчал.

– Где бы мне сегодня перекусить? – спросил он вслух самого себя. Поперебирал в памяти ближайшие забегаловки и кисло поморщился. Не то, всё не то... И вдруг встрепенулся, вынул мобильник, нашёл нужный номер и нажал кнопку вызова:

– Жень, в ресторан мне компанию не составишь?.. Ну и что «дороговато», я думаю, мы с тобой это сегодня стопудово заслужили!.. Что я буду? Рыбу. Сёмгу... Почему-почему – четверг сегодня, рыбный день... Ну всё, замётано! Через полчаса жду в «Шульце». Отбой.

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

ПОД КРЫЛОМ

Как-то на даче загнали меня зной и несносное комарье в домик. Июль – макушка лета. Вода в реке на убыль пошла. Оголились грязные берега. Комарье стало плодиться тучами. Нет никакой возможности работать. Пережду, думаю, до вечера, вечером обдует. По дому хлопочу. Увлёкся кое-какой работенкой, может, и никчемной, но никчемной только на первый взгляд. Оно ведь как: что бы ни сделал по дому – все вперед.

И не сразу я обратил внимание, что за окном сорока трещит. Ну, трещит и трещит – так каждый день трещат они, воровки, развелось их, не обращаешь. Да только эта так принялась стрекотать, будто хвост ей прищемили. «Сорока даром не сокоchet – то ли к гостям, то ли к вестям!» – вспомнил я приметую и глянул в окно.

А там вижу картину. По клубничным грядкам, переваливаясь с боку на бок, вышагивает серая утка, а под распушенными крыльями серыми комочками липнут к ней четыре утенка – махонькие такие писклята-пуховички. Жмутся к мамке-защитнице. То из-под крыла появятся, то из-под листа клубники. Сорока на них зарится, перелетает с одного столбика забора на другой и орет так, что на месте подпрыгивает. Ждет удобного случая. Утка развернется на месте, бросится в ее сторону, расправив крылья – пугает. Сорока отлетит на другой столбик и оттуда снова орет, даже слюной

исходит, глаз с писклят не сводит. Утка снова под крыло своих пуховичков спрячет да так, что и не заметишь их там.

Дотопали так до забора. Там трава высокая, есть где спрятаться. А сорока пуще прежнего затрещала, прямо над уткой с детками уселась, шею вниз тянет – так бы и схватила кого. Но нет ей, воровке.

Утка под забор пролезла. Осталось ей до воды перевести деток через дорогу. Место открытое. Никак она не решится из травы выйти. Только ее голова с разинутым клювом из травы виднеется, а писклят и вовсе будто нет. А раскрытый клюв у утки – это она на сороку шипит, на позарицу: «Не зарься! Не достанется!» А потом вдруг крякнула сипло – и покатило напрямиком через открытое пространство дороги. Утятки под крыльями, словно прилипли, – не видать сереньких.

А как до воды добрались, тут и рассыпались по двое с каждой стороны. Потянулись стрелочки по водной глади. «Кря, кря!» – уже спокойно и деловито распорядилась, мол, вода, и бояться нечего, опасность миновала. Застрекотала, забранилась от досады сорока и убралась восвояси. Вода – на воде ей по утиному делу облом.

НЕОБЫЧНЫЙ СЛУШАТЕЛЬ

Все любят слушать охотничьи байки. Но представить себе слушателем зайца вряд ли кто решится.

По первоснегу собрались мы с Григорием Спиридоновичем тропить зайца. Друг мой большой любитель распутывать мудреные заячьи кроссворды. Это только в сказках заяц косоглаз, труслив и глуп. А на самом деле многие охотники согласятся со мной, что он необычайно изобретателен в своих петляниях. Как говорится, жить захочешь – и схитришь, и смудишь, и рубль сменяешь на шиш.

В тот год все в нашу пользу пошло. Снежок выпал ровный, без надувов и на промерзлую землю, и, что немаловажно, не подсыпало давно, а сегодня чуть притрусил. Можно стало ходить по чистому переновку свободно, следы распутывать без особого труда. Часто ведь в здешних местах случается так, что первый снег сразу ложится толстым пуховым одеялом – ходить по нему тяжело что пешком, что на лыжах. Навалит, бывало, враз сугробы и порезвись попробуй, охотничек, потропи белячка пешком, без лыж: опостынут они за долгую зимушку-то! А тут все ладом сложилось – лучше не бывает.

В дальнюю избушку, что стоит в пойме реки Ватинский Еган, добрались мы уже за полдень и сразу заготовили дровишек, избушку поправили: запасной рубероид приладили – пакостливый медвежонок порвал. Тут частенько так бывает. Живет в

гривах неподалеку медведица. Давно с ней заочное знакомство ведем. Сама она не пакостит. А ее последыши любят поозорничать. Избенка жиденьякая – четыре кола обтянуты рубероидом, малюсенькая буржуйка да нары на три-четыре человека. Сделана она для весенней да летней рыбалки. Но, пока морозы не расходились, можно в ней и осенью ночь-другую скоротать – знай в буржуйку дровишки подкладывай..

Места здесь заячьи. Не более недели лежит снег, а следов по осинникам настрочено много. Ну, вот, сидим мы в избушке. Швыркаем утренний чай, дровишки подкладываем, тихо меж собой беседуем.

Вдруг за стенкой слышим шорох. Мы прслушались. За стенкой сразу смолкло.

– Кедровка шарится! – предположил Григорий Спиридонович.

– Она! – подтвердил я.

Кедровка каждый раз встречает нас в избе. Она даже сопровождает нас, всему свету извещая о нашем приходе. Потому на попутную охоту мы не надеемся. Да еще я ее приучил. Как-то бросил ей кедровую шишку. Она бесшумно спланировала с кривой сосны, ловко подцепила ее и уселась на витой сухаре лущить. Я снова бросил шишку. Она снова схватила. И так дошло, что она у меня шишку с руки сняла.

Ну, решили, кедровка так кедровка. Григорий Спиридонович качнул характерно головой и, обозначив решение указательным пальцем, начал новую байку. Их же у него неисчислимо множество. Он рассказывает, а за избушкой что-то шуршит. Мы прслушаемся – там притихнет. Мы сказывать – там зашуршит.

Наговорились, чаю напились, вышли из избушки. Снег свежий, припроршенный.

– Повезло! Все сегодня следы свеженькие! – сказал Григорий Спиридонович и пошел за угол и вдруг оттуда мне: – Смотри, смотри, кто все утро шуршал!

За избушкой, где всегда продувало сквозным ветром, снег только притрусил опавшие листья, и на самом углу виднелась заячья сидка – вытаянный пяточок, а к нему и от него следы в березняк по нашей старой тропинке.

Так вот кто слушал наши байки и шуршал сухими листьями!

Вероника ЧЕРНЫХ

ПОТОМУ ЧТО ОН УЛЕТЕЛ

С кровати Коле Чканикову видна белая дверь со стеклянным окошком, а в окошко – часть белой стены в коридоре и край потолка. Ещё недавно Коля вставал и подходил к двери, пытаясь дотянуться до окошка. Роста не хватало. Зато он трогал пальчиками выступающую раму небольшого стеклянного полотна и саму дверь с её замком и ручкой. Ещё недавно он мог стоять у настоящего большого окна, смотреть на улицу, высма-

тривать в напрасной надежде папу, маму или двоюродную тётку. Конечно, он знал, что мама и папа живут в далёком Владивостоке, зарабатывают деньги и приехать в маленький уральский городок не могут, потому что у них «конт-ракт». Знал, что двоюродная тётка сама инвалид, и добраться до больницы с окраины города ей не то, что тяжело, а вообще невозможно. И ещё знал, что у неё нет мобильного телефона, а письмо, чтоб отправить, надо, опять-таки, идти на почту, а чем идти, если ноги нет? Была бы бабушка, она бы Колю навещала. Но она вслед за своим дедушкой умерла месяц назад, перед тем, как восьмилетний Коля Чкаников получил ожоги и очутился в палате – сперва с мальчишками, а теперь один – потому что, несмотря на уколы, перевязки, капельницы, таблетки и прочие процедуры, лучше ему не стало... Только больнее.

Ожоги он получил по дурусти. Собрались на пустыре мальчишки, стали играть в террористов и в «хоррор», то есть, «ужастики». Решили поджечь кого-нибудь, по жребию. Вышло – Коля. Его облили бензином, говоря положенные слова о казни злодея из мультяшного сериала, зажгли и поднесли к его одежде спичку. Коля вспыхнул. Мальчишки от страха улизнули по домам. Колю спасла проходившая мимо пожилая женщина, вызвала «скорую помощь». Вот с тех пор он и лежит в палате «смертников». И никто из мальчишек, поджигавших его, ни разу не побывал здесь...

В одноместке он страдал и скучал так сильно, что часто плакал. Плакал и потому, что очень боялся умирать. Он даже представлять этого не хотел. А всё равно представлялось. И это, оказывается, холодно. Настолько холодно, что не согреться ничем-ничем!

На плач никто не приходил. Медсёстрам и персоналу некогда. Когда особенно болело, он звал Альфию Рафаэлевну или Веру Аггеевну Пшеничную – дежурных медсестёр, и они приходили уже со шприцами с обезболивающим и снотворным. Обе его, конечно, жалели, да времени на него не доставало. Так и лежал Коля Чкаников один в тесной палате, где имелись кровать, тумбочка, стул и плафон, терпел боль, и никто его за это не ласкал и не хвалил...

И вот как-то раз зашла к нему с обедом пятого стола (всё протёртое, размазанное, несолёное) Вера Аггеевна Пшеничная и сказала:

– Коля, у нас тут новый врач появился. Он к тебе зайдёт. Но ты его не бойся, договорились? Он тебе ничего больного не сделает. Ну, поразговаривает немножко, и всё.

Коля разучился бояться. Он кивнул и молча съел протёртый размазанный обед – несолёный, скудный, но полезный, как частенько уговаривала его Альфия Рафаэлевна. Appetit у Коли не просыпался уже почти месяц, поэтому накормить его получалось только с уговорами или с помощью жалоб на собственные рабочие заморочки. Тогда Коля сочувствовал им и проглатывал всё, что мокло в тарелках – суп и гарнир с варёным фаршем.

Интересно, зачем к нему придёт новый доктор? О чём он будет спрашивать? Лучше бы не спрашивал, а рассказал что-нибудь милое, доброе... чтобы смерти не бояться. Тут Коля снова забоялся смерти и поспешно закрыл глаза, пытаясь не бояться. Но и в темноте закрытых глаз его страшила смерть.

После обеда санитарка помогла Коле сходить по-маленькому в «утку», а потом Вера Аггеевна Пшеничная воткнула ему в вену очередную капельницу и дала выпить таблетки. А потом осторожно сделала перевязку.

– Я выздоровею, тётя Вера? – с робкой надеждой спросил Коля и пожалел, что спросил: ведь, если бы не спрашивал, можно было сохранить надежду...

Вера Аггеевна отвела взгляд и заспешила:

– Конечно, конечно, Коленька, а как же? Тебя скоро выпишут.

– Когда? – тихо произнёс Коля, страдальчески сдвинув брови.

Он понял, что медсестра его обманывает. Пшеничная бросила на ходу, закрывая дверь:

– Через месяц, Коля. В крайнем случае, через полтора. Потерпишь?

– Потерплю, – согласился мальчик и посмотрел на иголку, прикишующую к его коже и вливающую в кровь лекарство.

Вера Аггеевна заморгала, уходя: через месяц – а то и раньше – Коля Чкаников умрёт, потому что у него слишком обширные ожоговые области. И они совсем не заживают.

Сон опутал маленького мальчика по рукам и ногам и распутал его к полднику. Коля обнаружил, что, пока он спал, Вера Аггеевна убрала из руки иголку капельницы. Затем его накормили, помогли сходить по «маленькому» в «утку», сменили подушку, простынь, пододеяльник. Хоть Коля и устал, но был доволен: он не один! И это не скучно. Весь вечер Коля Чкаников ждал обещанного Пшеничной нового доктора, но не дождался. И весь следующий день ему снова пришлось изучать дверь, стеклянное окошко, стены и потолок. Тогда он отчаялся ждать и просто терпел боль, не понимая толком, отчего терпел. Вполне можно было и повопить, и покапризничать, и звать душераздирающе маму и папу... Но Коля ничего такого не делал. Он лежал на кровати в совершенном одиночестве и просто неотрывно смотрел на желтоватую больничную дверь в терпеливом ожидании, что она, в конце концов, сдастся и пропустит в палату нового человека, нового врача.

И чудо произошло. Когда однажды после сончаса Коля открыл глаза, перед ним на стуле сидел высокий пожилой человек с усами и короткой бородкой, в очках, сквозь которые внимательно смотрели серые глаза; он был в белом халате, отглаженном, застёгнутом на все пуговицы, в белой шапочке ведёрком.

– Драсти, – прошептал мальчик, разглядывая незнакомого доктора.

– Драсти. С добрым... э-э... полдником, – ответил доктор.

Его красивый низкий голос прозвучал так искренне, доброжелательно, что Коля моментально, принял его, как своего. И хихикнул. Новый доктор улыбнулся и сказал:

– Э-э... Разрешите предположить, что вы, в самом деле, Николай Олегович Чкаников.

– В самом деле, – прошептал Коля.

Глаза его радостно сияли в предвкушении интереснейшего разговора, который никак не должен кончаться, чтобы он не умер.

– А я Абрам Егорович Анатольев, – представился бородатый доктор. – Прошу любить и жаловать.

– Хорошо, – серьёзно пообещал Коля.

Потом Абрам Егорович покормил Колю булочкой с киселём, которые принесла на полдник Альфия Рафаэлевна, помог ему сходить в туалет, подержал за левую руку, пока в правую ставили укол, и, наконец, начал расспрашивать Колю о его жизни до несчастного случая, о друзьях, играх и игрушках, родителях и многом другом. Долго разговаривали. Коля даже устал. Но, когда Абрам Егорович встал, он спросил тихо:

– А вы ко мне ещё придёте?

И Абрам Егорович твёрдо пообещал вернуться. С тех пор день Коли разделился на двое: длинные часы больничного небытия и пара часов полнокровной жизни. Потому что Абрам Егорович приходил к нему каждый вечер после ужина, который подавали в шесть, и покидал перед самым отбоем в десять. Персонал диву давался: ведь за эти посещения доктору не выпадало ни рубля. Тем более, что мальчик угасал, а в других палатах лежали дети, ступившие на путь выздоровления, или, наоборот, недавно заболевшие, и им тоже не помешала бы встреча с врачом Анатолевым.

Абрам Егорович ничего не объяснил. Он проходил в триста седьмую палату, сидел возле кровати, и никто уже не смел его беспокоить. О чём они говорили? Сперва обо всём на свете. А потом Анатольев стал рассказывать Коле Великую Сказку о Рыцаре в Сияющих Доспехах. Это получилось так. Во время второй встречи Коля попросил:

– Расскажите мне сказку. Только, чтоб я не знал. И чтобы ещё длинную. Можно?

Для Абрама Егоровича нет ничего невозможного. Так что ему в срочном порядке пришлось придумывать сказку, которую никто никогда не слышал, которую никто никогда не читал и никто никогда не смотрел, что, между прочим, само по себе сказочно.

Когда Абрам Егорович рассказывал, маленький страдалец, казалось, не чувствовал боли...

– Жило да было в большой стране среди гор, лесов и озёр, на обширном холме

на берегу красивого глубокого озера симпатичное село, – сказывал Анатолев, а Коля слушал, затаив дыхание. – И жил да был в симпатичном селе, в переулке, в крошечной избушке мальчик. Твоих, собственно, лет. До поры, до времени, жил он с мамой и папой ничего себе, вполне даже хорошо. А как-то раз решили папа и мама поехать в дальние края на заработки, да и пропали без вести – что с ними приключилось, никто не знал.

Коля вздохнул, не открывая внимательного взгляда от лица доктора. Абрам Егорович продолжал:

– Остался мальчик один-одинёшенек. Была, правда, у него бабушка, да старенькая, и вскоре Богу душу отдала. А тётка злющая оказалась, несправедливая, куском хлеба попрекала, била племянника за малейшую провинность. Совсем тяжко стало жить мальчику...

– А как его зовут? – с любопытством спросил Коля Чкаников.

Абрам Егорович ненадолго задумался.

– Ну, что ж. пожалуй, звали его... Николая.

– Ух! Как меня почти! – польщёно улыбнулся Коля.

– Точно! Смотри-ка! – подивился Абрам Егорович. – Почти, как тебя!

Коля застенчиво объяснил:

– Меня мама называла Николая, а папа – Колухой. Ну, давайте дальше.

– А дальше вот что, – ответил Анатолев. – Как-то раз малыш Никола сидел с мальчишками постарше на краю оврага. Развеселились мальчишки и стоворились промеж собою подшутить над малышом Николаем. И вот говорит ему самый его близкий товарищ! «А слабо с нами с оврага прыгнуть?». Конечно, Николай сказал «Не слабо».

– И прыгнул?! – ахнул Коля.

Абрам Егорович кивнул.

– Прыгнул. Но только один. Вслед за ним никто не прыгнул.

– Но это же нечестно! – возмущённо воскликнул Коля.

– Нечестно, – согласился Абрам Егорович. – Николай скатился на дно оврага и сильно переломался. А виновники злой шутки прыснули оттуда прочь. Стоны Никола услышал мужик с косой на плече. Он поднял мальчика наверх и отнёс в деревенскую больничку. И там его долго лечили, но до конца так и не смогли вылечить. Когда Николай выписали, он хромал. А на спине его стал расти горб.

Коля шумно выдохнул и сдвинул тонкие бровки. Он так пожалел сказочного тёзку, что на глазах у него выступили слёзы.

– И вот, – говорил Абрам Егорович, – время шло, дети вокруг росли, а Николай так и оставался маленьким да горбатеньким.

– Он, наверное, сильно злился на того, кто его толкнул в овраг, – сказал Коля.

Но Абрам Егорович не согласился.

– Ничего подобного! Он был приветлив, ласков и добр со всеми, и с тем мальчиком тоже. Но, конечно, не всё было так просто и хорошо. Виновник его несчастья, которого звали Артуром, возненавидел жертву своего розыгрыша. Николая постоянно ему напоминал о его ужасном проступке. И однажды он подкрался к нему, облил керосином – вонючей такой жидкостью – и поджёт спичкой. Николая вспыхнул, как факел! Он упал в снег и только тем и спасся. Но обгорел и после долгого лечения в больничке вернулся в тёткин дом обезображенным, в рубцах и в шрамах...

Дверь приоткрылась, Альфия Рафаэлевна вполголоса напомнила, что через пару минут в корпусе отбой. Абрам Егорович кивнул. Когда он встал и, попрощавшись с Колей, уже уходил, тот вдруг вслед спросил прерывистым громким шёпотом:

– Абрам Егорыч... вы придёте завтра? Придёте? Приходите, пожалуйста! Ну, пожалуйста! Вы придёте?

И Анатольев, обернувшись к нему, очень убедительно пообещал прийти. Так сказка о мальчике Николая продолжилась. Анатольеву, далёкому от литературного творчества, приходилось каждый вечер сочинять новые истории про Николая.

О том, как он помог больной нищенке с ребёнком на руках. О том, как спас от воров дом ремесленника с шестью детьми, женой и престарелыми родителями. Как в одиночку потушил в тёмную осеннюю ночь начинавшийся в деревянной церкви пожар. О том, как молился за больных и убогих. Как не замечал боли, насмешек, издевательства, не помнил их и прощал обидчиков, не дожидаясь их раскаянья. О том, как просил у Бога дождя в засуху, солнца в долгие пасмурные дни, снега на поля, урожая и приплода скота. О том рассказывал, что с каждым добрым делом, с каждой молитвой лицо Николая, руки и ноги, всё тело преобразались, потому что исчезали, разглаживались рубцы и шрамы от ожогов, на миллиметр убавлялся горб, распрямлялась спина. Правда, происходили изменения медленно и были не всем заметны.

А вот Артур рос лживым, завистливым, злым, замкнутым человеком. И с каждой ложью, с каждой злой мыслью или проступком Артур становился всё безобразнее, всё гаже, но не все это замечали, потому что изменения происходили медленно и были не всем заметны...

«И вот однажды, – рассказывал Анатольев Коле, – случилось в их краю страшная беда. Пришла она неожиданно-негаданно, с чужих краёв, с чужих берегов. Жаждали враги захватить сокровище из сокровищ, великое чудо – Серебряный Колокол, отлитый из чистого сердца святого человека. Хотели супостаты украсть Серебряный Колокол, чтобы лишить нас надёжной защиты, привезти его в свою страну, а там распилить на части и начеканить новых монет. И вот встали они возле села, где жил Николая, к битве приготовились. А никто супротив них не идёт! Боятся. Тогда Николая

вышел в чисто поле, позвал к себе самую крепкую лошадь, сел и поскакал к кузнецу. Сказал: «Скуй мне доспехи и меч!». Сковал кузнец доспехи и меч. «Для игры тебе, что ль?» – горько посмеивался. А Николая сурово: «Воевать еду». Облачил его в доспехи кузнец. Ускакал маленький горбун на коне в поле, где стояло войско недруга. А кузнец призадумался. Малолетний калека будет Родину защищать ценою своей жизни, а он, кузнец, у горна и мехов, возле груды холодного железа отсиживаться будет?! И наковал кузнец и оружия, и доспехов, и подков для лошадей, и походной посуды – котелков, мисок, кружек, ложек, половников. Поутру вывез в село, оставил всё на сельской площади, а сам вооружился и вслед за Николаем отправился.

Увидели такое дело сельчане, призадумались: маленький калека отправился воевать; старый кузнец отправился Родину защищать. А они что – за печками отсиживаться будут? Вооружились и вслед за Николаем и кузнецом отправились. А позже к ним из других сёл и городов люди присоединились: прослышали про Николая и устыдились, что дома сидят и Родину не защищают. Собралось у Николая большое войско... ну, может, поменьше немного, чем вражеское. И стали они биться за серебряный сердце-колокол. И Николай вёл своё войско в бой, не жалея себя, но болея за раненых, плача об умирающих...»

– А колокол что? – спросил в этом месте Николай. – Он в селе остался? Вы расскажете завтра? Уже отбой.

Пришлось срочно додумывать.

– А в селе, – продолжал на следующий день Анатолийев, – дежурил на колокольне старый кузнец, которого Николай специально прислал, чтобы он охранял святой колокол. И кузнец не отходил от него, а на восходе, в полдень и на закате звонил, чтобы наполнить души сражающихся отвагой, надеждой и любовью к Родине. Не могли враги одолеть сельчан, пока звонил Серебряный Колокол. Распустили они тогда слух, что сохраняют жизнь и дадут миллион монет тому, кто украдёт для них Серебряный Колокол. Но ничего у врагов не вышло. Никто не захотел предавать свою землю, свой народ. Кроме одного человека...

– Артура? – догадался Коля, и Абрам Егорович кивнул.

– Совершенно верно. Забралась в его душу тьма и превратила его сердце в железо. Прокрался Артур ночью в храм, убил уснувшего на минутку старого кузнеца и утащил святой Серебряный Колокол.

– Подлец, – твёрдо прошептал Коля и нахмурился.

Абрам Егорович рассказал ему, как Артур притащил колокол врагам и получил миллион монет в мешках. Погрузил он их на телегу и прочь кинулся. Да не разобрал дороги и попал в болото. И сгинул в топях вместе с миллионом монет. А лошадь выбралась и домой ускакала, и много ещё послужила добрым людям. Враги, тайно получив

великое чудо, покинули поля сражения. Сельчане порадовались победе и вернулись в родные края строить, сеять, косить, скотину и птицу кормить, Богу молиться. В церковь зашли – а старый кузнец убит и Серебряного Колокола нету! Горе какое! Что делать? Переглянулись сельчане, затылки почесали, в землю глаза опустили. И тогда вызвался маленький Николая в поход за колоколом. Надел свои помятые, поцарапанные доспехи, сел на крепкого скакуна и по следам вражеского войска отправился. Долго скитался Николая, много лишений выпало на его долю. Наконец, перед самой вражеской столицей нагнал чужаков и потребовал вернуть святыню. Но главный враг ему так ответил: «Пройдёшь, мол, три испытания, тогда заберёшь Серебряный Колокол!». Согласился Николая. Всю ночь молился Богу, а утром предстал перед главным врагом...

На этом месте Абраму Егоровичу погрозила в окошечке двери Вера Аггеевна Пшеничная. Так что пришлось сказителю домой собираться, а слушателю – в палате оставаться. И снова Коля спросил с надеждой и отчаянием:

– Вы придёте ко мне завтра? Доскажете мне сказку? Пожалуйста, приходите!

– Конечно, – проговорил Абрам Егорович и поспешно вышел, скрывая от Пшеничной лицо.

На следующий день Коля терпеливо перенёс перевязки, уколы, туалет и после сончасы, во время которого не мог уснуть, ни на минутку не открывал кристального взгляда с желтоватой двери, ведущей в коридор. Анатолев не подвёл, хотя и приподдал немного. Увидев лицо перебинтованного мальчика, он с трудом подавил волну пронзительной жалости, стремящуюся выплеснуться наружу. Он улыбнулся ему, нагнувшись к нему, поцеловал легонько в щёку.

– Привет, Коля.

– Привет, Абрам Егорыч, – прошептал Коля. – Скорее: что там за испытания? Я уж всякого напридумывал...

И Абрам Егорович обстоятельно, не спеша, вплоть до неизбежного прихода медсестры – на сей раз, Альфии Рафаэлевны – рассказывал о приключениях Николая.

Первым испытанием было выйти невредимым из чрева громадного кита. Подвели Николая к морю и бросили его в раскрытую пасть чудовища. Целых три дня радовались, что избавились от горбуна-надоеды с обожжённым телом. А наутро четвёртого дня подплыл к пристани кит, разверз пасть, и выбрался из неё Николая – живой и невредимый, только мокрый! И не было на нём горба!

Назначили тогда враги второе испытание: выйти живым из огня. Одели Николая в чёрные одежды и заставили войти в пещеру, где полыхал огонь. Через два часа утихло пламя, и вышел из пещеры живым и невредимым отрок в белых одеяниях. И не было на нём ожогов.

Назначили тогда Николая последнее, третье испытание: пройти по воде, как по

суше. Злорадствовали супостаты: никому подобное не удавалось! А Николая что-то прошептал про себя, перекрестился и ступил на длинные волны, и пошёл себе к горизонту, пока не превратился в тонкий силуэт. А потом вернулся, сошёл с волны на берег и потребовал заслуженное – Серебряный Колокол.

Обозлился главный враг, что Николай все задания выполнил, да ещё жив-невредим остался, да ещё от горба и ожогов избавился и стал прекрасным Рыцарем в Сияющих Доспехах. Повелел он его бросить в темницу, а сам отдал колокол кузнецам, и те распилили колокол и начеканили из серебра монет. И как только отчеканили последнюю монету, так и повели Николая на казнь. Да только худо это для врагов оказалось! Прилетели к телу Николая ангелы, вынули из груди его сердце, выковали из него новый Серебряный Колокол. Зазвенел Колокол во всю свою мощь. Все монеты, выкованные из прежнего Серебряного Колокола, взмыли звёздами вверх и засияли в небесах. Заплакали враги, зарыдали. Дурно им стало. Совестно. Взяли они новый Серебряный Колокол и отнесли в родную страну Николая. А Бог воскресил Своего рыцаря, Своего подвижника и с почестями принял его в Своём Небесном Царстве... И там пели прекрасные ангелы, чудесные птицы, распускались невиданной красоты, благоуханные цветы... И ты, Коля Чкаников, там будешь, и тебе будут петь ангелы за твои страдания.

Кончилась сказка. Неожиданно Коля радостно улыбнулся и сладко уснул, держа Абрама Егоровича за руку. Когда Анатолев тихонько уходил, он видел, как спокойно дышит Коле, какое умиротворение царит на его бледном исхудалом личике...

Анатолев пришёл к нему, как обычно, следующим вечером. Он надеялся, что мальчику полегчало, и он потихоньку встанет на ноги и будет бегать, плавать, играть, учиться... Жить. Его с унылым видом встретила Вера Аггеевна и сообщила, что рано утром Коля Чкаников умер.

Абрам Егорович долго стоял возле пустой, заправленной чистым бельём, кровати.

– До свиданья, мой маленький рыцарь в сияющих доспехах, – проговорил он. – Мы ещё встретимся с тобой...

И поспешно ушёл, пряча лицо. А через пару дней в больнице появились Клара Фёдоровна и Олег Константинович Чканиковы, приехавшие, наконец, из Владивостока. Они потерянно выслушали горестное известие и переглянулись. Клара Фёдоровна, запинаясь, начала зачем-то оправдываться, утирая глаза:

– Мы думали, что у него небольшие ожоги, и не торопились выезжать... разные мелкие дела доделывали... одежду вот ему покупали, игрушки... книжки... он конструктор «лего» любил... бабушка писала перед смертью... так вот нашли ему самолёт... думали, соберёт его, летать будет...

Вера Аггеевна, не глядя на неё, ответила:

– Теперь сами соберёте, без него. И без него полетите. Потому что он улетел.

ЗОЛОТОЙ САМОРОДОК

– Пацаны, кончай футбол, айда купаться!

Ребята бросились разбирать ворота, сделанные из наших штанов, разбитых ботинок и поношенных рубашек. Все потные, разгоряченные, с возгласом «Ура-куп-куп!» забросили тряпичный мяч за сараи и стаей растрепанных воробьев уже готовы были бегом нестись на Калиновские разрезы.

Горячая пыль текла между пальцами, солнце так накалило дорогу, что она обжигала босые ноги, и так-то потресканные от цыпок, со сбитыми ногтями, которые больше походили на обгорелые головешки. Бараки Эльмаша скрылись за соснами, в лесу стало прохладнее. Мы, дети, рожденные в войну, все лето были предоставлены сами себе. У многих отцы погибли на войне, матерям приходилось работать, приходиться поздно и уходить рано, у них была одна забота – чем бы накормить нас, вечно голодных... Мы болтались в Калиновском лесу – собирали подножный корм. Ели пестики и крупянку с сосен, собирали щавель, ягоды, заячью капусту, и вообще все, что казалось съедобным, пихалось в рот. Строили шалаши, играли в войну, и Калиновка была нам больше домом, чем бараки Эльмаша. Купались до посинения, загорали, а вернее, сторали до такой степени, что с плеч кожа слазила лохмотьями.

Раньше мои родители с Верхней Пышмы переехали на Калиновку, где наша изба стояла на самом берегу этого озера. По берегам было еще много бараков, баня, начальная школа, а в бараках жили питерские рабочие, эвакуированные в войну с завода «Электросила». Жили и узбеки, казахи, которые работали в так называемой «Трудармии», где они очень страдали в своих халатах от наших морозов, многие умирали... Через Калиновку шла железная дорога на Реж, по ней возили торф на Уралмаш. За железной дорогой начиналось таинственное жуткое болото, образованное рекой Пышмой, оно и называлось так же жутко – Гиблая елань. Заросшее густо камышом и осотом, среди которого блестили свинцовой водой «окна», одни – подернутые ряской, а на других росли красивые белые лилии. Заросли черной смородины были непроходимы, но мы, ради вкусной ягоды, рискуя, пробирались по зыбунам к этим кустам. Зимой те, кто держал коров, косили отаву и на коровах вывозили ее, а под санным следом проступала коричневая вода, и всегда со страхом ждали, что сани уйдут под воду. Гиблая елань даже зимой, даже в сильные морозы, не замерзала. Над окнами озер стояли клубы пара, а на кустах белели белые бороды куржака. По ночам там выли волки, и даже местные собаки, поджав хвосты, прятались в тамбурах бара-

ков. Не только мы, дети, но и взрослые старались ночью не выходить на улицу, потому что волки бродили по помойкам и, не боясь, стояли под окнами. Ружей не было, их никто не отстреливал, и они нагтели. Шла война, наши родители вставали очень рано, чтобы пешком через лес дойти до заводов в город и так же поздно приходили домой, ходили, собираясь все вместе, боясь волков, потому что были случаи нападения. Электричества не было, жгли керосиновые лампы, топили печи, и грудились все у раскрытой дверки, смотрели на огонь и рассказывали друг другу жуткие истории, а пламя от лампы то вздрагивало, то потрескивало, по стенам бродили и шевелились тени, становилось страшно и таинственно. Так проходило детство, рядом был город, но мы жили, словно в Тридевятом царстве, у Берендея в лесу.

Калиновское озеро образовалось из огромных ям, где еще до революции старатели мыли золото. Потом эти ямы заполнились родниковой водой, берега заросли соснами, а пляжи были из чистого промытого песка и галечника. У нас в доме тоже останавливались старатели, которые в сосновом лесу у станции Калиновка рыли дудки, доставали золотоносный песок и гальку. Делали весной запруды, ставили эстакады и тачками завозили песок наверх, ссыпали на желоба, а женщины качали воду деревянными насосами и резиновыми скребками перемешивали эту смесь, чтобы отделить глину. Промытая порода катилась по желобу на железные плиты с дырками разного диаметра, где отделялась крупная галька от мелкой, пока чистый промытый песок не попадал на резиновые коврики, с которых и снимали золото с черным магнетитовым порошком. Потом у нас около дома на летней печке в сковороду высыпали эту золотую смесь, наливали ртути и выпаривали. Получался золотой королек, который бросали в жестяную опечатанную банку. Я всегда смотрел и слушал, открыв рот, и это таинство добычи золота врезалось в память. Особенно руки старателей. Огромные, с набухшими пальцами, со сбитыми ногтями, они с такой нежностью перебирали золотишки, гладили мелкие самородки, что казалось, будто в жизни нет ничего дороже этого тусклого желтого металла...

Вот и нет нашего дома на Калиновке, нет и таинственного болота Гиблая елань, его сожрала драга. Опять это золото, ради которого вздыбили землю, намыли огромные кучи отвалов, и нет больше ни купавок, ни черемухи, ни смородины. Пусто, голо, и только огромная драга – с трехэтажный дом, со всепожирающими ковшами, которые беспрерывной лентой несут в ненасытное чрево этот золотоносный грунт, а с другой стороны выплевывают ненужную пустую породу помытого песка и галечника, и так днем и ночью, ночью и днем... Все стало безжизненно, и только мне она доставляла немного радости: там можно было найти куски яшмы, а главное – окатанную гальку горного хрустала да еще волосатика, проросшего зеленым турмалином. Казалось, что в хрусталь каким-то чудесным образом попали сосновые иглы, да и оста-

лись там навечно. Ребятам тоже нравилось бродить по отвалам, подбирать плоскую гальку, чтобы потом на озере «печь блины». Когда ее ловко бросаешь, она скользит, прыгая по волне, и не сразу тонет. Сколько раз прыгнет, столько, значит, испеклось блинов. Любили подолгу сидеть и смотреть на работающую другу. Единственное, что портило это наше удовольствие – это запах от канализационных стоков с Эльмаша и Уралмаша, особенно в жару – целая река текла между отвалами, затекала в тупики и застаивалась там, медленно высыхая.

Вот и озеро. Вся ватага, не останавливаясь, сходу, на бегу сбрасывая штаны, врезается в воду: брызги, вой – вода холодная обжигает, родинки не дают ей согреться, но зато как здорово она охлаждает, и хочется нырнуть еще глубже, достать до дна, страшно, жутко медленно ты опускаешься в глубину, выпученные глаза, надутые щеки от воздуха, который хочет вырваться из тебя... Вот и дно, хватаешь горсть песка, чтобы доказать: ты достиг дна, и с гордостью показать ребятам – не все могут сделать это, и ты на несколько минут становишься героем. Кое-кто уже докупался до такой степени, что сидит на берегу, мелко цокая зубами, весь покрытый «гусиной кожей», но, чуть придя в себя, снова лезет в воду...

Солнце зашло за тучу, стало прохладно, и я предлагаю пойти на отвалы и посмотреть, далеко ли продвинулась драга за неделю, что мы тут не были. Снова летим через железную дорогу, вот и отвалы. Разбредаемся по ним, медленно продвигаясь к драге, на ходу подбирая красивую гальку.

Вдруг Вовка, самый младший из нас, издал какой-то возглас, больше похожий на вопль, забегал по отвалу, видимо, в поисках чистой воды, потому что пытался что-то отмыть даже в канализационном потоке. Ошалелыми глазами смотрел на раскрытую ладонь, на которой лежало что-то желтое, отдаленно напоминающее небольшую черепашку. Мы все подбежали к нему, сгрудямь вокруг, но он, пятясь, медленно отходил от нас, зажав в грязной руке свою ценность, и повторял: «Мое золото, мое, никому не дам!..»

– Дай посмотреть-то, жадюга! – орали мы, – Может, это и не золото.

– Ага, отберете, золото это, чижелое! – и продолжал пятиться. – Смотрите в моей руке, только издаля, – он раскрыл ладонь, рука мелко тряслась, желтая черепашка вздрагивала, блестела на солнце, и видно было, что это и взаправду золото.

Кто-то сватил крупную гальку и с возгласом: «Дай подержать, а то вмажу», стал приближаться к нему. Он хотел опять зажать свое богатство в кулак, повторяя, как молитву: «Мое это, мое, отберете!» – как чья-то нога, изловчившись, снизу ударила руку, и самородок, описав дугу, еще раз блеснул на солнце и шмякнулся в небольшой залив чуть засохшей сверху канализационной жижи. Вовка с диким воем бросился за своим богатством в эту зловонную мяшу, брызги полетели во все стороны. Он стал

цедить руками то место, куда упал самородок, и ревел так, что слезы лились ручьем, он пытался рукавом вытирать, но только размазывал по лицу грязь, мы все падали от смеха, видя, как он барахтается в этой зловонной жиже, повторяя лова: «Мамка сдала бы золото, мне колбасы бы купила!»

Он медленно опускался в этом месиве, жижа подошла уже под самую грудь, но он все еще пытался выловить свое богатство, повторяя: «Мамка колбасы бы купила!..» Когда уже мяша подошла к горлу, мы поняли, что он тонет.

– Вовка! – заорали мы, – Ты тонешь!

До него дошел, наконец, наш вопль, в глазах появился дикий ужас, он стал биться, и чем больше бился, тем быстрее погружался. Рядом не было ни кустика, ни палки, чтобы бросить ему. Серега, самый старший из нас, заорал: «Снимай рубашки, связывай рукава!» Было уже не до смеха, мы вышли из оцепенения, быстро связали узлами рукава своих рубашек. Бросили ему в последний момент, он судорожно успел схватиться за конец нашей импровизированной веревки. Схватившись друг за друга цепочкой, упиравсь ногами в отвал, пытались тянуть, но галька сыпалась из-под ног, и все-таки он стал медленно появляться из этого месива. Глаза смотрели с грязного лица с такой мольбой, а кожа, где оставалась чуть чистой, была белей белого мела. Наконец-то, извиваясь, он выполз на край отвала. Снова крупные слезы полились из глаз, но это уже были слезы радости, хоть он продолжал шептать: «Мамка за золото колбасы бы купила...» Мы смотрели на него с жалостью, потупив глаза, виновато отворачивались, словно стыдясь чего-то, словно не спасли его, а сделали какую-то подлость. Развязали рубашки и двинулась к озеру стирать их. Он шел последним, и его всхлипы были долго слышны даже тогда, когда он сидел в воде, отмокая от грязи. Уходили уже по одному, словно стесняясь друг друга. Так же светило солнце, пыль мягко обволакивала ноги, пели птицы, но мне было грустно, я шел, слизывая горько-соленые слезы, которые катились из глаз без моей воли, грязная рубашка волочилась по песку, я знал, что дома за нее будет взбучка, но это не пугало меня. Перед глазами все еще виднелся самородок в грязной дрожащей руке Вовки.

Следующим летом сосед, который работал на мельнице, устроил меня на халтуру, как он выразился, чтобы я заработал немного денег. Я с радостью согласился, и весь месяц помогал мужикам грузить мешки с мукой. В день, когда я заработал свои первые в жизни деньги, я, зажав их в кулак, пошел в продуктовый магазин купить колбасы. Я тоже мечтал съесть столько колбасы, сколько влезет в живот, она лежала крапками, батонами, на срезе блестела белыми квадратиками жира, и во рту уже был ее вкус. Сглатывая слюну, я купил целый батон, зашел в чей-то двор, надкусил ее, но она не лезла в горло. Вовкины глаза выплыли из ниоткуда, словно следили за мной, а его грязные губы повторяли: «Мамка сдала бы золото, колбасы бы купила...» Я шел

домой и заново переживал тот случай, снова было грустно, и ничего уже не радовало меня. Больше Вовки я не видел, с матерью и еще двумя братьями они переехали из барака в другой район, а наелся ли он колбасы – этого я уже никогда не узнаю.

Шел 1949 год, на улице было жарко! Золотым блеском отливали бронзовые дверные ручки старых купеческих домов на улице Свердлова. Раньше я с удовольствием трогал их, но сегодня отворачивался, боялся затронуть, словно они могли обжечь мои руки.

Рифма – звучная подруга...

Ольга ЮРЛОВА

МАЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ

Непроизвольно вырвалось: «Родина!»
Остановилась. Молчу.
Май на дворе. Мною с детства усвоено:
«Майские» – вот и кричу.

– Мальчик, другое совсем поколение,
что ты так смотришь? Иди!
Тётя вдруг вспомнила дедушку Ленина
и, что фашисты – враги.

Мальчик, иди и играй в Шварценеггера!
Что ты уставился так?
Тётя не пьяная, тётя не вредная.
Этот платок? Будто флаг!

Хочешь отдам? Пригодится для Робина.
Мне он не нужен, возьми!
Тряпочный символ, представь – это «Родина»,
можешь карать и казнить.

Пусть, как в кино, всё взлетает и рушится,
дуй свою жвачку. Сильней!
Джинсовый мальчик, торчащие уши,
Родиной будешь моей?

* * *

Ветер у дороги обласкает,
на прощанье пылью обнёсет.
Доченька ни в чём не упрекает,
на прощанье дарит василёк.

Сяду в переполненный автобус,
улыбаясь, слёзы облизну.
Кончился мой вдохновенный отпуск,
надо снова пополнять казну.

Василёк, оставленный в кармане,
символ боли предстоящих дней.
Бабушка её опять обманет,
скажет: «Завтра мы поедem к ней».

Вырастет моё дитя без мамы
и без папы, вырастет себе.
Василёк, засушенный в кармане,
не принадлежит уже траве.

* * *

Так влюбляются, милая, слышишь!
И писать начинают стихи,
и других забывают мальчишек.
Дни бездумны, хмельны и легки.

И зовёт неизвестность в дорогу,
и берёзовый сок, как вино.
Только светит печально и строго
одинокое чьё-то окно.

Поцелуи, рассветы, туманы.
Как в романах: любима, люблю...

* * *

Нет, не жаль, что люблю, не жаль
Моя грусть – не твоя печаль,
моя боль – не твоя беда,
мои слёзы – вода.
Моя память – всего лишь сон.
Пробуждаюсь: а был ли он?
Целовались ли мы тогда?
Не вода.
Помнишь, как провожал-встречал?
Очень многое означал
Тот, единственный в жизни, раз –
без прикрас.
Жар, в автобусе толкотня,
у тебя на коленях я,
и волшебных ночей туман –
не обман!
Лёгким взмахом накинёт сеть
спутник-время – пора стареть
и любить тебя, как тогда!
Ты – судьбы моей невода.

Александр КЕРДАН

* * *

Я радости боюсь сильнее, чем скорби.
Они – две неразлучные сестрицы:
Одну увидишь – замаячит горе,
Вторую встретишь, и спасенье мнится...

Ах, как бы мне прожить без встреч ненужных,
Не радуясь и не скорбя при этом,
Уверившись всем сердцем простодушным,
Что мироздания разгадал секреты.

Что – прошагаю путь земной бесстрастно,
Не провожая дни протяжным взглядом,
Забыв о том, как всё-таки прекрасно
Скорбеть и знать, что радость где-то рядом...

ДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

Люблю быть в поезде один,
Не потому, что – нелюдим,
Но осторожней стал при встречах
С людьми...

И кажется, что нечем
Им, встречным, удивить меня.
А может, просто нет огня
В моей душе для встреч случайных,
И всё, что представлялось тайной,
Во мне самом заключено.

И вот стою, смотрю в окно
На пробегающие доли –
Речушки, переправы, села,
Как будто бы пришёл в кино...
А сердце мучает одно:
Как долго лицезреть дано
Мне выпадет по воле Божьей
Святое наше бездорожье
И отражение в окне,
Меня напомнившее мне...

ПРЕДГРОЗОВОЕ

Скажите, откуда
Крылатое чудо –
Стремительные стрижи?
Ответьте, кто знает,

Зачем они стаей
Выписывают виражи?

И вновь на рассвете
Пищат, точно дети,
Зовущие мать.
Трепещут, как знамя,
Что над полками
Идёт воевать.

Бесстрастно, как пули,
В звенящем июле
Срезают траву
И каждой былинке
Пророчат поминки
Почти наяву.

И снова взмывают,
И нам обещают
Весенних соцветий салют.
Архангелы будто –
В прозрачное утро
Опять за собою зовут.

* * *

Насытились любовною игрой
И сделались прохладней поцелуи.
И дышим мы с тобою вразнобой,
Уже ничуть друг друга не ревнуя.

И всё же что-то рядом держит нас
И не даёт расстаться, сожалея,
Что в очаге давно огонь погас,
Но угольки под пеплом всё же тлеют...

НАДЕЖДА

Уже холодны небеса,
Блестит седина на полях,
И всюду сквозные леса
Грустят об иных временах.

Слезами предутренних рос,
Спокойствием вещего сна,
Печалью раздетых берёз
Окутала всё тишина.

И в сердце осенний покой
Излившихся в золото сил,
И грусть о поре золотой,
О том, как безумно любил.

И манит прошедшего даль,
И тянет в неё заглянуть...
Когда посещает печаль –
Былое возможно вернуть.

Весенние ветры умчат,
Развеют холодную жуть,
И мы, оглянувшись назад,
Заступим на хоженный путь.

И станут теплей небеса,
Земля возродится в лучах,
И новой листвою леса
О новых спюют временах.

Владимир КОРОВИН

КЛУХОРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Среди интуристов шагает grosфатер,
Шагает не хуже других.
Имеет нордический, стойкий характер
И волю в глазах голубых.

Здесь в сорок втором не жалел он патронов
По зову военной трубы.
Но стал перевал роковым переломом
Его незавидной судьбы.

Сейчас же у моря и в Сочи, и в Варне
Веселые песни звучат.
А здесь – егеря и советские парни
Сквозь лед, не моргая, глядят.

Ах, как же бескрайни просторы России!
По кручам непросто идти.
Он должен успеть. Он обязан осилить
Последние метры пути.

И вот уже в сборе почти всё семейство.
И, кажется, стало теплей.
На солнце сияют цветы эдельвейсы,
Как будто глаза сыновей.

Фёдор ВОСТРИКОВ

* * *

Александр Снитко

Что может сниться человеку
Перед уходом в мир иной?

Кто жил без матери от века –
Приснится мать в красе земной.
Оратаю приснится поле –
В ромашках, в травах и во ржи.
Страдальцу-зэку – дом на воле,
В котором не успел пожить.
Пилоту в сон ворвётся птица,
Гармонь увидит гармонист.
Слепому солнышко приснится,
А вот поэту – белый лист.

* * *

Тает ночь. Ещё немного
И светать начнёт.
Обозначится дорога,
Птица промелькнёт.
Шевельнувшись робко, ветер
С рощи сны стряхнёт.
Упадут росинки с веток,
Как слова в блокнот.

* * *

Грачи собираются в дорогу,
А путь-дорога далека.
Уже в грачиную тревогу
Моя вплетается строка.

Конечно, вовсе не пытаюсь
Перекричать горластый грай...
Без нас с тобою, птичья стая,
Осиротеет отчий край.

ХЛЕБ

Со скрипом открывается фургон,
Буханки из лотков поглядывают в небо,
Сдвигает продавец их, и кругом
Всё начинает пахнуть свежим хлебом.
Дома, деревья, птицы, рыжий кот...
Лотки вливаются в двери магазина,
И кажется, что он огромный рот,
Как чудище, от жадности разинул,
И хлеб глотает прямо на глазах,
Оставив нам лишь запах на одежде,
Который не поймать и не связать,
Как призрак ускользающей надежды.

ИРИСЫ

Июньский вечер. Ясная прозрачность
Хрустально светится вдали.
Затих в бездействии поселок дачный
Во влажном мареве земли.
От грядки ирисов струится смутный,
Чуть уловимый аромат.
Он все сильнее с каждой минутой.
Открылись, видно, закрома,
В которых испокон веков хранились
Насыщенные запахи цветов.
И вот уже совсем не виден ирис –
Лишь аромат один готов
Пронзить собою время и пространство,
И в загустевшей темноте
Дарить Вселенной веру в постоянство
Во всей ее глубинной полноте.

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и дымка. Солнца мало.
Дома в тумане, как штрихи.
А у пивной – в глухом подвале –
Лежат убитые стихи.

И лишь одно стихотворенье,
Ждет неуместной рифмы – роз.
Обычно так – перед Крещеньем –
Строфа – метель, строфа – мороз.

Ещё ты дремлешь? Спи, родная.
Мы не поедem никуда.
Стихи сегодня убивают
Непрофильность и суета...

Грядёт Крещенье, к иорданиям
Уже готовится народ.
А тут стихи – как ком в гортани –
И молча падают на лёд...

Стихи не стоят ни полушки,
И вязнет в твиттере народ...
Уносится на тройке Пушкин,
И гроб Рубцова не всплывёт.

Мороз. Душа давно застыла.
А вдруг, как старый новый год,
Уйдёт ямбическая сила,
И вместе с нею Русь уйдёт?..
И будут детям на ночь мамы
Читать лишь слоганы рекламы...

* * *

В распинающих снова Христа ныне даже не целюсь,
Можно просто стрелять наугад, всё равно попадёшь,
Можно молча молиться сквозь этот безумный галдеж,
Потому и молюсь, что ещё хоть на что-то надеюсь.

Из каких появились помоек, бездонных трясин
Предающие Бога и Родину, сына и дочку?..
Апокалипсис длится, скорей бы поставили точку...
Лишь боюсь, что иудам в России не хватит осин.

Юрий ТАТАРЕНКО

* * *

У проводов учиться прямоте.
Впитать в себя радушие колодца.
И облака всегда на высоте,
Не знаю, как – им это удастся.

У муравья учусь смотреть вперед,
Всё находить блестящим – у сороки.
Уменья жить мне так недостает,
Но не беда – мне все дают уроки.

Костер горит желаньем помолчать –
Как глотку драть, когда такой наставник...
Меня рассвет учил рубить плеча,
Мне пить до дна наказывал «Титаник».

Я по камням скорей спущусь к воде,
Что не спеша научит торопиться.
Учусь всему... И только правоте
Мне не к кому, увы, пойти учиться.

РУССКАЯ ЗИМА

Вдали от творческих открытий
Врастает повседневность в праздность,
И жизнь в отсутствие событий
Уже не кажется напрасной.

Вершины съжились в вершинки
И с этим свыклись мал-помалу...
А буквы – черные снежинки –
Летят на белую бумагу.

Февраль погас. В глазах стемнело.
И плакать хочется безумно.
В окне у Казимира – небо
Необоснованно безлунно.

Затянем пояса и песни.
Слова толкуются впрямую.
«Мороз и солнце, день чудесный...»
Ну, ничего, перерифмуем.

Иван МОРДОВИН

СОН

Видишь, звезда ледяная
Над изголовьем висит.
Крикнешь – равнина пустая
В гулком безмолвии спит.
Не понимаю, какое
Время природы сейчас.
Разве хотел я покоя,
Был ли на скупость горазд?

Разве был сделан не мною
Дерзкий под звёзды бросок?
В непостижимом покое
Запад лежит и Восток.
Кости с камнями смешались,
Снежные горы глядят
В пустошь,
Где люди смеялись,
Где не поют, не грустят...

В этом не я ли повинен –
Мальчик, лукавый старик?
В чёрной оплывшей равнине
Мой задыхается крик.
В каждом желании малом –
Сам для себя господин.
Как вымирающий мамонт,
Я на планете один.

Что же такое случилось,
Что это стало со мной?
Только что солнце лучилось,
Ветер гулял над волной!
Это какая же сила
Смяла улыбку с лица,
Словно лавиною смыла
Дом и щенка у крыльца?

В ГОРНОМ АЛТАЕ

1

Ясная осень над миром,
Свет излучают леса.
Рерих ли ультрамарином
Выразил вдруг небеса?

Путь восхождения вспомним
В горы...
И, как не спеша,
Небом и воздухом горним
Дышит живая душа.

2

Чем выше горы –
меньше кислорода,
свободы больше,
памяти живой...
В долинах неизвестные народы
хранят себя
под вечной мерзлотой.
Я к вам пришёл,
Уймонская равнина,
мой древний предок,
непокорный конь,
пиктографов таинственных картина,
магических сказаний паутина
и в недрах каменных
космический огонь.

ЖУРАВЛИ

Я ничего, мой друг, не понимаю,
В немом оцепенении стою,
Птиц запоздалых провожаю стаю,
Тоску неразрешимую свою.

В полёте птицы ощущают волю,
Ты их назад вернуться не зови.
Пусть льётся песня над затихшим полем
Последним откровением любви.

Не рви цветов прощальных, уцелевших
Среди пожухлых золотых садов.
Не надо слов дежурных, надоевших
В предчувствии осенних холодов.

Александр ПОПОВСКИЙ

* * *

На подоконнике лампа –
Лучшая в мире приманка.
С крыльями сунешься – амба,
Или планида подранка
Ждёт – до скончания века
Приступы жуткой печали,
И препиранья в аптеках:
– Вы здесь, милоч, не стояли!

* * *

Пролился лунный свет в прорехи.
Не удержался от соблазнов
И – мне досталось на орехи –
Впредь чтобы было неповадно.

Меня швыряло в жар и холод.
В итоге – победила жалость –
Без стонов утолили голод,
Да так, что силы не осталось.

На званный завтрак опоздали –
Возились с райскими ключами.
Но запись сделали в журнале,
Что ночь прошла без замечаний.

* * *

Летят в силки моих усов
Снежинки. От восторга – вою.
И битый час с нуля часов
Ношусь я с этой красотой.

В глазах невероятный блеск –
Мне мнится жизнь иного толка.
И нет отбоя от невест
По обе стороны посёлка.

* * *

Главное останется за скобками.
Что тут скажешь – жизнь такая штука –
Носишься с картонными коробками –
Запасаешь лежбища для лука.

Подгоняют запахи аптечные
Хворостиной, в общем, не до отдыха.
И мельчают постулаты вечные –
Им всё время не хватает воздуха.

Татьяна ЮРГЕНСОН

* * *

В прошлой своей жизни
я была тростинкой бамбука,
из которого нищий поэт
сделал свою свирель.
Он бродил по дорогам Индии,
слагая грустные мелодии,
и они светлыми каплями слёз
стекали по лицам людей.

* * *

Сотвори меня, Господи,
В чистой воде,
Из ручья бесконечного и тишины,
Из рассветов весенних и холодов,
Из ночной непроглядности,
Света луны.
Сотвори меня, Господи,
Силой любви.
Сердцем будет огонь, а разумом лёд.
Я пойду по дороге, ведущей к тебе,
Спотыкаясь и падая,
Но все время вперед.
Может быть, где-то там,
Подойдя к рубежу,
Буду я сожалеть о молитвах к тебе.
Но сомненья мои ещё не взошли.
Сотвори меня, Господи,
В чистой воде.

Геннадий СКАРЛЫГИН

* * *

Просто начинает ныть душа.
Что ей нужно? Кто же это знает.
Просто, дымом Родины дыша,
Всё она на веру принимает.

* * *

Решетчатое небо сентября,
Размывами блистает побережье.
Я становлюсь и тише, и прилежней.
Но так же всё смотрю я на тебя.

И в череде обыденных забот
Прокрутим эту жизнь наоборот.
Опять зазеленеют наши всходы,
И мы светлеем от любой работы.

А я смотрю всё так же на тебя.
А ведь прошло уже тысячелетье...
И прорастает в наше долголетье
Решетчатое небо сентября.

* * *

Несутся весёлые дроги,
Туда, где желтеют поля.
Сердца наши, нет, не продрогли,
Их греет родная земля.

Их греет полёт лебединый
Над дымкой и над жнивьем.
И день разгорается длинный,
А значит – ещё поживём.

* * *

Скрипят журавли колодезные,
Кричат вдалеке петухи.
Как чутко дыхание Родины
Вот здесь, у холодной реки.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

* * *

Вечер смётан в огромный стог –
Колется и шуршит.

Шёлковый августовский платок
Серебряной ниткой шит.

Кажется, только что здесь была,
Лёгкую нить за собой тянула
Тоненькая игла
Вечернего гула...

Края пространства соединяя
По невидимому лекалу,
Холодную искоркою огня
В траву упала –

И чья-то уверенная рука
Явственно, ласково, но бесплотно,
Спугнув мотылька,
Встряхивает полотна...

* * *

Михаилу Стригину

О, я угадаю, наверно, не скоро,
Какими судьбами мы в небе носимы...
Высокие амфоры зноя морского
Везёт караван через душные зимы.

Сломать бы сургуч, приложиться губами
К шершавому горлышку с привкусом глины –
Но волны, что прежде несли и купали,
Беззвучно уходят в ночные долины,

И амфора, ахнув, ложится на камень
Тяжёлым, округлым коричневым боком –
И влажно блестит в полутьме черепками,
Как частыми звёздами в небе глубоком.

И жажда моя неутешна отныне,
И сколь ни мечтаю забыть – бесполезно,
Как ветер качает мосты навесные –
Пути караванов сквозь гулки бездны.

* * *

Огонь неизбежного ада
Неведомой клятвой заклят:
Сквозь влажную ткань листопада –
Закат.

О, эти небесные ткани
Надёжнее стен крепостных!
То пламя, то холод рывками
Колеблют их –

Но падают в страшную бездну,
Откуда нежданно пришли,
И я замираю безвестно
У края земли:

Ничем ни одну не меняя
Из наших губительных тайн,
Струится, сердца заслоня,
Прозрачная ткань,

И многое видно за нею –
Не в силах глаза отвести,
Одно повторяю, немея:
Прости...

* * *

Спит в кувшине молоко,
Дочь уснула в колыбели.

Половицы заскрипели...
Оглянулась – никого.

Только дышит глубоко,
Белоснежна, как невеста,
Тоненькая занавеска –
И за нею никого.

За окном сплетает сад
Полудённую прохладу,
А по самой кромке сада
Колокольчики звенят.

Кто-то ходит стороной,
Просит птиц уgomониться,
На узорчатые листья
Осыпая лёгкий зной.

Пригляделась – никого,
А прислушалась – молитва...
Тихо скрипнула калитка
Где-то очень высоко.

Валерий АКИМОВ

ДЕНЬ СКОРБИ

На улице – безрадостный народ
И тучи, словно чёрные полотна,
Печалью заслонили небосвод,
В домах блестят заплаканные окна.

Как будто судный час неотвратим,
И горе россиянам спины горбит!
Но страшно, что не просто мы грустим,
А привыкаем к повседневной скорби.

Тлемя младое, незнакомое...

Руслан КОШКИН

ПРОПЕЛЛЕР

Не то над палёным афганским нагорьем,
не то над кавказским хребтом,
своим – на спасенье, бандитам – на горе
Ми-8 мотыжил винтом.

Не зря перед ним и вершины робели.
Но есть всему срок и черёд.
Разрывом снаряда сорвало пропеллер –
и рухнул в провал вертолёт.

Но странное дело: в лепёшку вертуха,
огонь по ущелью и дым,
а винт, к изумленью пальнувшего «духа»,
продолжил полёт невредим.

Года под откос. Но доносится глухо
пропеллера гул маховой
порою до всякого чуткого уха,
пыль вихрится над головой.

И садит порой по винту батарея,
не видящая наперёд,
что без толку это: ни стингер, ни время –
ничто летуна не берёт.

Над кручами реет он призраком, тенью,
на горних парит сквозняках.
По чейному только велению-хотению –
внизу не сойдутся никак.

Кивают на правую сторону эти,
иные налево плюют;
одни салютуют ему, словно дети,
другие поносят салют.

А грозный пропеллер, архангела вроде,
решает задачу свою:
мотыжит себе на нетутошнем фронте,
в неявиленном бьётся бою.

* * *

Если статью не вышел, лицом уж тогда – хоть куда.
А когда и лицом не пригож – так умища палата.
Если нету царя в голове, так уж верно удал.
Коль и тем не богат, то душа-то уж всяко богата.

Приглядись позорчей – лепота-то какая вокруг:
не один, так другой – богатырь – моготы или духа.
Как ты, Дима? Привет, Алексей, без тебя, как без рук.
Выше голову, Сашка! Гляди веселее, Андрюха!

Вот – один из народа, и он – не герой, не подлец.
Он – как все, и не больше других перед миром оболган.
В общем, как ни крути, а не тем, так другим – молодец.
Молодец. Потому что других не бывает у Бога.

Осени его взглядом, и вот он – покой на душе.
Вот ведь как хорошо! Хорошо так, что плакать охота.
Ты же этого ждал. Разуверился было уже.
Вот оно и дошло. И другого не надо дохода.

* * *

Не надо свечей и кадильного дыма.
Глазёнки пошире разувши,
смотри-ка, как светятся непобедимо
окаружные души.

И наверняка только вышним вестимо,
откуда взялось столько света
и как этот свет приняла и вместила
вон та или эта.

И преображаются в этом свеченье
и тяготы все, и увечья.
С того и сравнима с зарей невечерней
душа человека.

Любовь КОРОБИЦЫНА

Negative

Нельзя босиком по лужам
Весною и летом гулять.
И если ты очень простужен
В сугробах нельзя лежать.
Нельзя разговаривать громко
В автобусах и кино.
Нельзя надрывать, где тонко,
Нельзя выходить в окно.
Конечно нельзя с прохожим
Разговаривать по душам.
И с теми, кто больше прожил,
Не спорить, а уважать!
И если же что-то не нравится,
Нельзя обижаться на мать!
А я ненавижу правила
И буду их нарушать!

* * *

Хорошо и печально...
Мне нравится –
Это чувство случайное,
Справиться
Не пытаюсь я –
Мне не хочется
Возвращаться
В своё одиночество.

Нина ЧЕБАН

* * *

Без любви и цветов
Не войти в мир поэзии.
На созвездье Весов
Мои радости взвесили.

И остался во мне
Дух Рифея древнейшего,
Благодарна весне
За её воды вешние.

И наполнен Урал
Соком, красками, звуками.
Он для нас мир создал,
Чтоб любили друг друга мы.

Как мне хочется жить
Счастьем встречи, надеждою,
Доброй песней входить
В утро родины свежее.

* * *

*Как здорово, за всё сказав «спасибо»,
В ответ услышать: «Приходи ещё!»
Александр Кердан*

Август улыбался спелой вишней,
Солнцу распахнув кафтан зелёный,
И с поспешностью совсем излишней
Градом падал в туюсок плетёный.

Взглядом провожая кустик новый,
Снова я Творца благодарила:
Божий дар! Цветов закат вишнёвый,
Вновь компот из ягоды варила,

И пила божественный напиток,
Радости земные ощущая.
В лес дорога каждому открыта,
Щедрая, зовущая, большая.

Любовалась листьев паутинкой,
Словно драгоценным украшением.
Лес шептал мне каждую травинкой:
«Приходи ещё за угощением...»

* * *

Ребёнок... – слово-то какое!
Такое милое, родное,
Такое нежное, святое –
Эпитетов иных не счастье...

Порою нет тебе покоя,
Порою засыпаешь стоя,
Но всё ж ты самое большое
Для мамы счастье – так и есть!

* * *

Грачиный град вечерним граем
Раскраивает тишину,
Простертую над кротким краем,
Готовящемуся ко сну.

О, перелетный черный город,
Облюбовавший тополя!
Базар твоих житейских споров
Смиренно слушает земля.

Иду опасливо, украдкой:
Наст хрупкий – крошево стекла...
Пьянящий воздух влажно-сладкий:
Весна пришла!

* * *

Та самая Скифия (север стихии) –
Скупая и строгая родина орд,
Раскрытые небу ладони сухие,
Где тонкой струёй извивается Корт.

Не здесь ли, вминая прибрежную глину,
Душа моя поит и холит коня,
Чтоб смело бросаться в любую стремнину
И вновь восставать из любого огня?

Евгений ЧЕРНИКОВ

* * *

Осенний покой – особый,
урвать бы еще денёк!

Ржавеет в воде осока,
шиповника огонек
горит – и по всем приметам
близятся холода...
Спешу надыхаться светом
на зиму, навсегда.

* * *

Я видел забор, сколоченный из дверей,
и каждая дверь казалась другой старей:

Вот эту при Брежневке пьяный пинал ногой,
а та при Хрущёвке вышла недорогой.

А к этой прильнувши – ну до чего тонка! –
при Сталине ждали каждую ночь звонка.

За каждой кипели борщи и кипела страсть,
смеялись дети, и нечего было красть.

А ныне стоят преградою на пути,
и ни в одну из них уже не войти.

Анастасия ЖУКОВА

СВИТЕР

Вы случайно повесили куртку
На моё пальто,
Цветного шарфика касаясь.
Опять я думаю, за что
не в тех,
опять не в тех влюбляюсь.
А если вязала она?
Ночь, за окнами ветер.

Ну почему меня мучает то,
Откуда ваш вязаный свитер?!

* * *

Может выучить географию,
Стать путешественником?
Ветер дунет на кораблик,
И жизнь поплывет.
Хвалиться потом фотографиями,
Сидеть под орешником,
Рассказывать
Про историй круговорот.
К концу жизни заполнить
Карту своих открытий,
В душе
Понимая никчемность её.
Да, в мире многое можно увидеть.
Но этого слишком много
Для меня одного.

* * *

На полотне памяти
Пишу портреты.
Родные лица любимых людей.
Милые образы, как обереги,
Словно иконы в жизни моей.

Илья ЗИНОВЬЕВ

* * *

город мой родной,
ничто не вечно под луной,

но вечен – ты, пока
течет река

город мой родной,
будем мы всегда с тобой
только вместе – ведь пока
течет река,

город мой родной,
ничто не вечно под луной
не вечен я – но пока
течет река.

* * *

Все на танцы, а я с танцев, –
Он говаривать любил.
Венедикт Тимофеевич Станцев
Настоящий воин был.

Был и есть, и с ним одна дорога
У нашей памяти всегда.
Теперь он служит воином у Бога,
И туда не ходят поезда.

И вместо танцев новые заботы –
Трудны, наверняка...
Зато в строю небесной роты
Судьба фронтовика.

Строфою призывает новобранцев
Он в атакующий полет.
Венедикт Тимофеевич Станцев
За собою ангелов ведет.

* * *

Вот счастье пришло
Стоит у порога
Хлюпает носом
В валенках мокрых

Штаны на коленях
Разодраны в клочья
А он улыбается,
Щурится молча.

Он ласков и нежен –
Пушистый котёнок
Любимый, единственный,
Милый ребенок.

Максим СЕРГЕЕВ

* * *

Не снег, а соль на бороде.
Топор замерз в бадье широкой.
Зачем же смерти волоокой
Такие звезды на воде?

Конец теплу. На снежном платье
Рябины стайки воробьев.
И тополь – старший из братьев -
Вселенную обнять готов.

Мне в белом мире детство мнится,
Где мама с папой растут сад.
Там в жимолости жили птицы,
И цвел уральский виноград.

* * *

Поземисто небо. Зима.
Все краски просты и холодны.
Пустынны, напевны, свободны
Все отзвуки здесь. Как чалма,
Окручены мыслей початки.
И пчел леденящихся взятки
Сугробами наметены
И движутся, как буруны.
И снятся холодные, вещие сны.

* * *

Остыла тьма и стала тьмой.
И ворон на суку немой,
И звёзд змеиные увалы.

И хороша душа зимой,
Летающая под самой тьмой
Небеснородной, небывалой.

Денис БАРАМЗИН

ЖУРАВЛЬ

Здесь больше не журчит живая речь.
Едва заметны в зарослях крапивы
косой плетень, разваленная печь.

Над пустырём топорщась сиротливо,
стоит журавль, нескладный исполин.
Внизу под ним, в очерченном квадрате,
скользит за грань венца усталый клин
его свободных небо-сводных братьев.

Журавль крихтит... Грядёт его черёд
лететь в края, откуда нет возврата, –
последний и единственный полёт
в бездонный космос чёрного квадрата.

И на прощальный журавлиный клик
глухим бессильным гулом отзовется
глубинный дух покинутой земли
из темноты заросшего колодца.

* * *

... двери закрываются! Следующая станция – ...

Здравствуй, мой дорогой незнакомец!.. Нас Время не лечит.
Мы у звёзд на поруках скитаемся в этих краях,
отмеряя разлуки – веками, мгновеньями – встречи
чтобы в жизни другой ненароком столкнуться в дверях.

Узнаю по приметам твой образ в чужом человеке.
И фантомная боль – там, где было в Начале ребро, –
неизменный пароль. Мы расстались в Серебряном веке,
чтобы в век Интернета полстанции мчаться в метро.

За окном вереницей проносится светопись слайдов,
где смешались, сплелись предыдущих эпох миражи.
А вагон мчится ввысь. И влечёт нас вселенский коллаيدر –
две полярных частицы единой бессмертной Души.

Мы уносимся прочь. Мы летим – никуда, ниоткуда –
на орбиты своя, чтобы встретиться с той стороны.
Колесо бытия. Сквозь сто лет одиночества – к чуду,
возрождению в ночь накануне столетней войны.

ВАЛААМ

Каких семян была та россыпь,
Что, как деревья из камней,
Растут на острове вопросы,
Один другого холодней?

И что за сорта это семя,
Что твёрже скальных берегов?
Кто сделал красной эту землю,
Из чьих отмоленных грехов?

Надолго ль сосны замолчали
В краю пустынном и святом?
Какую отраженье чаек
Скрывает правду под винтом?

Куда расхристанным воланом
Взметнёшься, по каким делам?
Зачем туристы Валааму?
Зачем туристам Валаам?

ДО ПРОБУЖДЕНИЯ

Ещё земля безвидна и пуста,
Седая кисть не тронула холста.
Покуда твердь не сотрясёт звонок,
Мир одинок.

Есть только ты и твой глубокий сон,
Дыханьем акварели Пикассо
Хранимый впредь от будней решета...
Потише там!

* * *

Вот дом, пропахший вином и мёдом,
Окно в плюще, шелковистый пруд –
Там появляешься мимоходом,
Ведь в нём так редко кого-то ждут.

Два силуэта вдали, в беседке,
Какой-то тихий звучит напев...
Упало яблоко с тонкой ветки –
Я тоже падаю, не дозрев...

Бежит вприпрыжку красивый мальчик,
С кудрями светлыми, как янтарь.
Он не болеет и редко плачет,
Он взрослый мальчик, смешной бунтарь.

Ни дом, ни мальчик, ни та беседка,
Ни даже яблоня у дверей –
Всё не моё. Я у них нередко,
Пригревшись, плакала во дворе...

Я не из них, не оттуда родом,
Я свой и вовсе не знаю род.
Я тоже пахну вином и мёдом.
Вино отравлено, горек мёд...

АКБАР

Акбар, рыжий здоровый пёс с подпалинами на боках и холке, лежал вытянувшись в своей норе под сеньями.

Сначала-то он жил в доме, а когда подрост, хозяева решили переселить его в будку. Хорошая такая будка. И подстилку его туда засунули. Но Акбар заупрямился. Он долго слонялся по двору, всё пытался найти какую-нибудь лазейку, через которую можно было бы незаметно залезть в дом. Не нашёл. Зато обнаружил, что возле одной из балок, на которой стояли сени, земля заметно просела от весенней капели и дождей, и образовалась приличная такая щель. Он легко расширил её, проделав удобный лаз, залез, осмотрелся, принялся, прислушался.

Сверху были толстые доски пола, снизу уже готовая подстилка из щепы и опилок. Пахло древесной трухой, землёй и немного мышами. Слышно было, как по полу топчут босыми пятками ребятишки, хозяйка ходит туда-сюда. В общем, Акбару здесь понравилось, здесь он и остался жить.

Поначалу, конечно, скучал немного, прислушиваясь к знакомым звукам, доносящимся из дома. Вот ребятня возится на полу с Барсиком. Вот за стол садятся, сейчас есть будут, а его даже и не зовут. Обидно. Но, как оказалось, зря обижался, хозяйка и здесь про него не забывала. Как только все вставали из-за стола, она собирала косточки, разные вкусные кусочки, добавляла их в его похлёбку и выносила чашку во двор:

– Акбарка, иди, поешь.

Пёс выскакивал, благодарно виляя хвостом. Прежде чем начать есть, бдительно осматривался по сторонам, сердито лая на любой подозрительный шорох.

Постепенно он привык к своей новой жизни, и даже нашёл в ней много приятных моментов. Здесь и чужих кошек можно было погонять, и с соседскими собаками перебрехнуться. На воробьёв тоже интересно было поохотиться – по утрам они слетались на его чашку целыми стайками поклевать остатки каши.

А уж когда хозяин выходил во двор и начинал что-нибудь мастерить, то Акбар не отходил от него ни на шаг, и это тоже было интересно.

Однажды хозяин провозился во дворе целый день. Из больших досок он напил много тонких палок, соединил их между собой и огородил ими часть двора возле сарая. Потом из дома вынесли большую клетку с птицами и выпустили их за новый забор. Хозяева насыпали им зерна, поставили корытце с водой, и, оставив дверь в сарайку открытой, ушли.

А Акбар остался наблюдать. Интересно, размышлял он, откуда в доме взялись эти птицы? Неужели это те самые пушистые жёлтые комочки? Хозяин как-то раз принес их в коробке давно, ещё по снегу. По запаху, вроде, они. Выросли, что ли так?

А куры спокойно ходили по загону, обживая, как когда-то и он сам, новое пространство. Когда какая-нибудь из птиц подходила слишком близко к Акбару, он лаял на неё, напрыгивая на забор. Та останавливалась, с недоумением вскидывала голову, кося глазом на страшного зверя, хлопая неокрепшими крыльями и смешно подсакивая, отбегала в сторону, но тут же и забывала про него, продолжая увлечённо рыться в земле и выщипывать траву под стенами сарая.

Так у Акбара появилась новая забава – пугать кур. Правда, ему за это влетало от хозяев, но когда тех не было дома, он всё же позволял себе изредка такое развлечение. Добавьте сюда ещё походы с хозяйскими ребятишками на реку, купание, возню на мокром песке, и вы получите полное представление о том, как весело и беззаботно прошло у Акбара лето.

А потом, однажды, уже по осени случилось вот что... В тот день хозяева, как обычно, ушли с утра на работу, ребятя убежала в школу, и Акбар остался на хозяйстве один. Сначала он поспонялся по двору, потом прилёг на крылечке и задремал, а когда проснулся, увидел в огороде кур.

Они, случалось, и раньше как-то пролазили между штaketинами, а то и перелетали через них, а в последнее время совсем обнаглели. Акбар в таких случаях звал хозяев, и те, ругаясь и махая руками, загоняли беглянок обратно. Так было бы и в этот раз, если бы на его лай кто-нибудь вышел из дома, хоть бы из ребятишек кто. Но дома никого не было: девчонки после школы пошли в кино, а их младший братишка заигрался с пацанами.

Акбар сначала только лаял на кур, а потом стал гонять. Куры с громким кудахтаньем разбежались, разлетались в разные стороны, но возвращаться в загон не собирались.

Ах, так! Акбар увлёкся, и сам не заметил, как в какой-то момент в нём проснулся звериный инстинкт. Разбег, обманный выпад, молниеносный бросок, ловкий хват, едва уловимое движение головой и... щелчок сломанной птичьей шеи. Одна, вторая, третья... Кровь, перья, хлопанье крыльев пьянили Акбара. Дикий необузданный азарт не давал остановиться.

«Ну, где вы, куда вы попрятались, глупые птицы?!» – Акбар стоял посреди двора насторожённый, чуткий и страшный, с оскаленной пастью, готовый к новой схватке. Горящим взором окинул поле битвы – всё было кончено.

Передавленных кур Акбар перетаскал в загон, легко перепрыгивая через ограду. Каждую прикопал землей – теперь уж точно больше не убегут. Те несколько птиц,

которые ещё оставались в загоне, шарахнулись от него, но пёс даже внимания на них не обратил.

Закончив с курами, Акбар вернулся на крыльцо. И хотя возбуждение стало уже понемногу отпускать его, он весь ещё был как натянутая струна: часто дышал, поводя насторожёнными ушами, нервно вздрагивал шкурой, а перед глазами всё мелькали и мелькали картины кровавой схватки. Постепенно успокоившись, Акбар положил голову на передние лапы, вздохнул... и снова стал самим собой – спокойным, послушным и рассудительным псом.

Увидев разор в курятнике, хозяйка охнула, схватившись за сердце, заметалась, а потом, привалившись к дверям пустого сарая, заплакала. Хозяин какое-то время смотрел на всё это молча, затем прошёл в дом, а вернулся оттуда с мешком. Ухватив Акбара за загривок, одним рывком поднял и сунул в этот мешок.

Поначалу пёс, извиваясь и воя, пытался уворачиваться от ударов, потом, оглушённый, затих. И уже не слышал, как хозяйка, повиснув на руках мужа, кричала: «Ваня, Ванечка, хватит! Убьёшь же!» Как вернувшиеся ребятишки с опаской заглядывали в мешок, утирая слёзы, и тихо перешептываясь: жив – не жив, дышит – не дышит. Увидав вышедшего на крыльцо отца, дети отпрянули и понуро прошли в дом.

Акбар очнулся уже глубокой ночью. Кое-как выбрался из влажной от крови и ночной росы мешковины. Попытался встать на лапы, не смог. Какое-то время лежал, не двигаясь, а потом, слабо поскуливая, пополз к своей норе.

Там его и нашли на утро сестрёнки. «Акбар, Акбарка», – звали они, заглядывая в лаз. Пёс с распухшей головой и заплаканными глазами лежал, не шевелясь, только кончик хвоста слегка подрагивал. Девчонки как можно дальше в нору закинули кусок хлеба, намазанный маслом, и ушли в школу.

Акбар смог дотянуться до еды только на следующее утро. Ребятишки, пока родителей не было дома, не отходили от норы, подкармливая пса, и по очереди гладили его, когда он подполз настолько, что уже можно было достать рукой.

А ещё через пару дней Акбар вылез на улицу. Он был молодым здоровым псом и быстро пошёл на поправку.

А потом пришла зима, как всегда с буранами, метелями и трескучими сибирскими морозами. В тёплой норе под домом Акбар легко пережил суровые холода. Лежа на подстилке из древесной трухи, он прислушивался к поскрипыванию снега под хозяйскими шагами, завыванию ветра в голых ветвях деревьев, потрескиванию брёвен от мороза. Эти новые звуки зимней улицы, смешиваясь с давно привычными, теми что доносились из дома сквозь доски пола, навевали сладкую полудрёму, в которой ему то ли снилось, то ли вспоминалось, то ли грезилось лето.

И лето вернулось, незаметно вытеснив затянувшуюся весну с её ветреным непостоянством и звонким плачем капли. Долгие месяцы холодного, тоскливого одиночества миновали, и вокруг снова закипела жизнь. Акбар к этому времени совсем окреп и превратился в двухлетка с тяжёлым недоверчивым взглядом и клоками седой шерсти на плечах и на морде.

Однажды хозяин, целый день провозившись во дворе, подновил заборчик загона возле сарая. Акбар, то слоняясь по двору, то сидя на крыльце, всё это время внимательно и насторожённо наблюдал за хозяином, а когда в загон снова выпустили молодых птиц, незаметно ушёл со двора.

До самого позднего вечера хозяйские ребяташки звали его, разыскивая, бегали по улице, но найти Акбара им так не удалось.

Даль свободного романа

Сергей ЛУЦКИЙ

СТРАСТИ ПО ВАСИЛИЮ

ПОВЕСТЬ

1

Апрельским розовым вечером по центральной улице станицы Солончаковской шел неизвестный мужичок в широко распахнутом полупальто и надменно поглядывал по сторонам.

Полупальто с могучими накладными плечами было почти новое, на коричневых его бортах виднелись большие, как ордена, пуговицы, а барашковый голубоватый воротник богато раскинулся по плечам. В левой руке мужичок держал фибровый чемодан со светлыми вытертыми боками – по всему видно, легкий, – а правую с достоинством и некоторым даже вызовом засунул в косой карман полупальто.

Клоц, клоц, клоц – звучали на каменных плитах тротуара подковки его слегка припавших пылью хромовых сапог, и колыхался над голенищами роскошный напуск черных в полоску брюк.

Время было довольно раннее, что-то между шестью и семью часами, к тому же суббота, и добрая половина взрослого мужского населения Солончаковской находилась или в парикмахерской, где в предвидении скорых праздников подновляла популярную прическу польку, или же топталась у входа в тесный подвальчик, из которого раздавались громкие голоса и заманчиво тянуло винным духом.

Появление незнакомого человека – событие не ахти какое даже для такой небольшой и спокойной станицы, какой была Солончаковская. Никто, возможно, и не придал бы ему особого значения. Ну, идет себе мужик, чем-то гордится – пусть идет.

Может, он здесь проездом, до хутора своего добирается, а их, этих хуторов, в районе хватает, народу много, на каждого внимания не напасешься. Или, допустим, это уполномоченный из краевого центра, приехал насчет царицы полей кукурузы – тоже дело понятное... Вот только лицо у прохожего странное, это все отметили. Не по комплекции большое и все в буграх – картофельного какого-то вида лицо, нехорошее. Шишковатый нос, шишковатые скулы, губы – как добрые вареники... А в остальном – человек как человек. Одет хорошо.

Так и осталось бы это событие не то что не замеченным, но мимолетным и быстро забываемым, если бы не сам мужичок. Повел он себя, надо сказать, странно. Даже грубо. На подходе к высокому крыльцу парикмахерской, на многочисленных ступеньках которого, как в древнегреческом театре, один над другим возвышались желающие постричься, он гаркнул:

– Здорово, гады! – И розовый свет заката сверкнул на его сплошь стальных зубах.

Мужики на крыльце озадаченно приумолкли. Из открытых окон – для апреля вечер был необычайно теплым – высунулись брюнетистые парикмахеры с никелированными машинками в руках, да так и застыли. Тишина установилась редкостная. Лишь слышно было, как по радиодинамику несерьезно препираются Штепсель и Тарапунька.

Так и прошествовал среди молчания и общего смущения этот странный человек. Постукивали по звонкому тротуару подковки и насмешливо, с вызывающей громкостью скрипели его хромовые сапоги.

– Гусак, – сказал в суконную спину роскошного полупальто Эдик Подгурский, медбрат со спасательной станции на Кубани. Среди солончаковских жителей молодой медбрат был известен своим несдержанным нравом. Но даже вспыльчивый Эдик произнес это как бы примериваясь, полувопросительно – уверенности в его голосе не чувствовалось.

Услышав такое слово, неизвестный мужичок остановился и несколько мгновений стоял не оборачиваясь.

– Спокуха! – выговорил он ледяным тоном и посмотрел при этом как бы на крыльцо, но в то же время и мимо. Выражение его шишковатого лица было скучающим и пресыщенным. – Молодой ты еще, Подгурский, так меня называть. Накажу, Мотня!

Это уже было черт знает что. Появляется в чужой станице, заносчиво смотрит на всех да еще угрожает!.. Среди сидящих на крыльце прошел ропот. Наглецов в Солончаковской не любили.

Но, с другой стороны, безответственные те слова проливали кое-какой свет на загадочную личность. Знает, выходит, этот субчик Подгурского, знает даже, как дразнили того в детстве! Уж не свой ли, не солончаковский?.. Эдик, конечно, человек из-

вестный, спора нет, но не до такой же степени, чтобы чужим были знакомы подробности его биографии.

Не ясно, как повернулось бы дело дальше (Эдик Подгурский дорожил репутацией горячего человека, а тут явно оскорбляли, и он, прикипев к обидчику глазами, уже поднялся с крыльца и двинулся навстречу), но тут вмешался Миша Гайда. Его в станице звали еще Мишей-безногим.

Миша успел выпить в подвальчике стакан терпкого яблочного вина, постригся и сейчас, пахнувший одеколоном «Сирень», то и дело ворочающий шеей – за ворот во время стрижки, по обыкновению, нападало колючих волосинок, – благодушно беседовал с соседом о международном положении и базарных ценах на сахар. При появлении неизвестного Миша-безногий слегка подался вперед, напряженно прищурился да так и смотрел на него все то время, пока разворачивались события. Оттолкнувшись зажатými в крепких руках деревянными колодками, он даже отъехал от крыльца, чтобы лучше видеть. По ставшему мученическим лицу можно было догадаться, что в голове у Миши идет усиленная работа мысли.

– Хлопцы, та то ж Вася Индус! – громко объявил вдруг Миша-безногий и в изумлении оглянулся на крыльцо. Для большей уверенности он объехал богато одетого мужика вокруг, гремя по плитам тротуара своей тележкой на подшипниковом ходу. Снизу вверх заглянул в его уродливое лицо. – Эге, как тебя. Сразу не узнаешь... Не, хлопцы, – Вася, точно, Вася!..

И тут произошло непонятное. Мужичок прямо на глазах затуманился, заколебался, пошел рябью и как бы вылинял. И не таким уж добротным оказалось его полупальто, и голубой барашковый воротник, похоже, был побит молью, и сапоги стоптаны набок... Желаящие постричься утратили к нему интерес, переглянувшись, продолжили свои неторопливые разговоры, так непочтительно нарушенные. Во всем их виде чувствовалась легкая досада, будто обещано было нечто чрезвычайное и захватывающее, да вот не состоялось. Кто-то из брюнетов-парикмахеров спросил:

– Таки тот самый Индус?..

Когда ему ответили, темпераментно плюнул и, подбивая коленками полы белого халата, направился к терпеливо дожидаемому клиенту. Вслед за ним, встревожено переговариваясь, отошли от окна другие парикмахеры. Вернулся на свое место и Эдик Подгурский, презрительно передернув плечами и усмехаясь:

– Нехай с ним другие балакают!..

А неизвестный мужичок, который оказался всего-навсего Васей Индусом, постоял-постоял, да так больше ничего не дождавшись – будто и не он это находился на улице родной Солончаковской, не его больше десяти лет здесь не было, – двинулся дальше. Оглянулся, но никто на него не смотрел.

– Р-р-рабсила! – в сердцах рявкнул он. И так поддел подвернувшегося под ноги нерасторопного кота, что тот, перевернувшись в воздухе и заверещав, опрометью кинулся на ближнее дерево.

– Психует, – констатировали на крыльце. И бросили вслед: – Не трогай животную! То тебе не при румынах.

Вася на голоса не оглянулся.

– Рабсила! Стадо! – повторил он с тоской и неизъяснимой досадой.

– Гуляй, гуляй! – слышалось от крыльца парикмахерской в ответ. – Романешты! Полицай!..

На этот раз Вася промолчал.

Увы, сказанное было правдой.

Когда в сорок втором станицу Солончаковскую на недолгое время заняли румыны, Вася пошел в полицаи. Было ему в ту пору восемнадцать лет, он работал в карьере, ломал камень, который мелкими блестками походил на сахар рафинад, только серый. У советской власти были свои милиционеры, свои начальники, а тут – все заново, и Вася с силой запустил кувалду в каменную глыбу: «Нема дурных! Сами зарабатывайте себе силикоз!..»

Он был молод, нетерпелив, а главное, к прежней власти у него имелся счет.

В румынской армии чувствовалось что-то несерьезное, почти опереточное – сметливые станичники это быстро поняли. И в самом деле, что это за войско, где вместо ремней на винтовках – веревки, а у часовых, охранявших колхозный хлеб, который ни вывезти, ни сжечь прежнее начальство не успело, можно за пол-литра самогонки насыпать мешок зерна?.. Там, где полагается быть машинам, – телеги-каруцы, запряженные задумчивыми меринами. А румынских танков за всю оккупацию так никто и не видел.

Впрочем, Солончаковской, может, просто повезло – передовые румынские части прошли через станицу ночью, не задерживаясь и не оставив сколько-нибудь памятного следа. А обозники, они и есть обозники. В любой армии. Но как бы там ни было, солончаковские жители решили, что новая власть ненадежная и связываться с ней не стоит.

Мужики постарше, которых в Красную Армию призвать не успели, под всевозможными предложениями идти в полицаи отказывались. Пошла одна молодежь. Видимо, привлекала этих парней возможность ходить с винтовкой за спиной и ловить на себе уважительно-опасливые взгляды. Но вполне вероятно, что просто никто их вовремя не предостерег, не сказал по-доброму: куда лезешь, хлопец?! То ж дурное дело. Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!..

Васю остановить было некому. Его отец пользовался в Солончаковской репутацией пришибленного человека. В свое время Никифор Купко отказался вступить в колхоз и только покрякивал от налогов, которыми его как единоличника каждый год навьючивали. В станице по этому поводу рассуждали: оно, конечно, хорошо, когда над тобой нет начальства и ты сам себе хозяин. Но чтобы целый год жилы рвать, а потом у тебя все заберут – э, нет! Такой свободы не надо.

Долго вспоминали, как Васиного отца привели к председателю райисполкома. «Не хочешь, значит? – прожег его орлиным взглядом предрика и дернул шеей в тугом вороте полувоенного френча, мода на которые среди ответственных работников докатилась и до Солончаковской. – Тебе добра хотят, а ты!.. Посмотрим! – Не сводя с Никифора пронзительного, ничего хорошего не обещавшего взгляда, он поднял телефонную трубку и громко заговорил, пробиваясь сквозь шум и треск многих сотен километров: – Але, Кремль? Это вы, Михаил Иванович?.. Тут, понимаете, у нас Никифор Купко в колхоз идти не хочет... Не панькаться? На Соловки? – Предрика поднял на Васиного отца уже как бы сочувствующие глаза, словно говорил: ну вот, доигрался! – Добре, Михаил Иванович, отправим. Нехай на Соловках ума наберется. Дадим сутки, не надумает – туда ему дорога!..»

Такие сценки в кабинете разыгрывались не только для Васиного отца. Упрямец, не понимающих своего счастья, поначалу хватало. А запомнили историю потому, что только на Никифора Купко не подействовали авторитет всесоюзного старосты и угроза оказаться на Соловках. Спустя сутки, проведенные в катажке, он все так же пожимал плечами: «Чего мне в том колхозе?.. Не пойду, не». – И дураковато при этом улыбался.

Что с такого возьмешь?..

На Соловки его не отправили. Правда, председатель райисполкома бросил многозначительную фразу: «Придет коза до воза!..» Что это была не пустая угроза, предостояло еще узнать, а пока к семье накрепко пристало прозвище Индусы – от формулировки «индивидуальное хозяйство». Оно почти заменило фамилию. Васю разве что в школе знали как Купко. Да еще кассир в карьере так звал, когда заставлял расписываться в ведомости.

Особых зверств в Солончаковской при румынах, надо признать, не было. Да и за что? Все прежнее начальство куда-то исчезло, потому, наверно, и партизан в районе не оказалось. Да и что бы им делать в безлесой на многие километры степи вокруг?.. О сигуранце, этом румынском гестапо, ходили разве что глухие слухи, румыны даже евреев не тронули. Самое большее, что позволяли себе полицаи (Вася Купко тоже), это остановить на улице какого-нибудь Йоську или Фиму и спросить:

– Жидик, где твой дом?

– На дороге под говном, – быстро и в рифму говорил Йоська или Фима то, что от него ждали.

Чем и вызывал общее веселье. Не только полицаев – в Солончаковской не могли забыть, как еще недавно за одно слово «жид» тягали в суд и штрафовали. Жители станицы считали, что это слишком – за слово.

В сорок третьем Красная Армия освободила Солончаковскую. Увезли в северо-восточном направлении полицаев и другой сомнительный люд, сотрудничавший с румынами. Получил свои десять лет и Вася Купко. Его так и не выпустили из кутузки, куда он был посажен еще румынским комендантом, – Вася не выполнил приказ, отказался реквизировать корову у матери бывшего председателя райисполкома.

Впрочем, на любопытное это обстоятельство советский суд в ту горячую пору внимания не обратил.

2

Пасха выдалась ранняя.

Не то чтобы очень, но и не поздняя, майская. На кладбище всю зеленели, а на припеке – уже и цвели одуванчики. Глянцевито лопушились круглые листья мать-и-мачехи. Грачи на пока не распустившихся и оттого черных, будто обугленных, акациях подновляли гнезда, хозяйственно кричали и с неодобрением поглядывали вниз, на расположившихся у могил людей – в основном, женщин.

На Пасху солончаковские жители и увидели Васю во второй раз. Вася шел через кладбище уже без полупальто и, понятно, без фибрового чемодана. Но смотрел вокруг все так же гордо и с некоторым вызовом.

– Васю, цэ ты?.. – Сердобольные старушки, защищаясь от молодого апрельского солнца сухонькими ладошками, всматривались в его бугристое лицо. Они узнавали его – и не узнавали. – Цэ ты, Васю?.. То иди до нас, помяни небожчика.

В этот день было принято зазывать на могилы повстречавшихся знакомых или родственников, поднести им стаканчик, угостить кутьей и крашеными яйцами, поместному – галунками. Зазывали, правда, не всех, а с разбором. Вася это знал. Польщенно поигрывая желваками, он свернул к ближней могиле, скупно поздоровался.

– Сидай, Васю, сидай! – Старушки задвигались на домотканом половичке, специально по такому случаю захваченному из дому. – Помяни небожчика. Нехай земля ему пухом...

Садиться рядом со старухами Вася не захотел, но коленями на половичок все же опустился. Он принял рюмку и, сняв шапку, бормотнул полагающиеся в таком случае слова. Было ясно, что солончаковские обычаи Вася помнит и уважает.

– Кутья с медом, священная, – не без самодовольства сказала хозяйка угощения, подтягивая за концы к нему платок, на котором располагалось все то, с чем приходят обычно в Пасху на могилы. – А батько где? Или ты один?

Вася зачерпнул ложку сладкой пресной кутьи, не спеша пожевал металлическими зубами. Коротко ответил:

– Идут батько. Позади.

Старушкам очень хотелось узнать, как Вася жил последние годы, но суровый Васин вид к расспросам не располагал. И они заговорили о том, о чем прилично говорить в такой день, – об умерших.

– Ты до мамы и до сестры наведаться?

Вася сдержанно кивнул. Закивали и старухи:

– Так, так, рано твоя сестричка умерла. А красивая ж была, молоденька!.. Вон живет. – Одна из старух показала глазами на бродящего по кладбищу тихого сумасшедшего Колю Черноморца. Ему подавали куски кулича и галунки, он в ответ торопливо крестился и складывал все в большую брезентовую торбу. Старуха, передразнивая сумасшедшего, скороговоркой забормотала: – Каустик, карбид, хлорка! Каустик, карбид, хлорка!.. Никто б за ним не плакал, а живет. То правильно?

– Не можно так говорить, – возразила другая старуха, поджимая губы. – Каждому Бог свой век дает.

– Дает, а где ж правда? Добре, когда молодые умирают?

– То Божья воля, не нашего розума дело.

– Чего ж не нашего? Правда ж должна быть!..

Разговор грозил принять ненужный оборот (старушка с поджатыми губами поджала их еще больше и, по всему видно было, отступить от своего не собиралась), тогда хозяйка угощения, как хозяйке и положено, поставила точку:

– Не трэба, жиночки. Не гневите Бога в такой день. – И перевела разговор на другое: – Ты, Васю, помнишь, где сестра и мама поховани? Найдешь могилки?.. Сколько ж лет прошло, до войны еще умерли, давненько...

Вася ничего на это не ответил. Он поднялся с половичка, вытер рукой губы и надел шапку на голову в обширных залысинах. Странная усмешка бродила по его лицу.

– Не Бог век дает, а люди! – громко, да так, что на секунду даже приумолкли грачи на кладбищенских акациях, гаркнул Вася. Удивительно было, что в невзрачном теле жил такой могучий голос. – Люди, вот где вся вшивость!.. Люди, мать вашу!..

И пошел, твердо ступая по тропинке между могилами.

Новая Васина выходка имела следствием то, что помянуть его больше не забывали. Так что добрался Вася до могилы сестры, первой на его пути, сравнительно быстро.

– Нюся! – громко сказал он. И замолчал, трудно сглотнув. Достал из кармана, опустил у подножья креста две галунки, незамысловато крашенные в отваре луковой шелухи. Каменный крест, который он сам когда-то вытесал в карьере, стоял до половины в сухих бурьянах. Прошлогодня полегшая трава застилала едва заметный холмик.

– Нюся, сеструха! – с силой повторил Вася, быстро наливаясь густой черной кровью. – Где ж та правда, чтобы одних лечить, а других, как собак, гнать!.. Если батько дурила, то дочка умереть должна?! Шо ж то за гадская жизнь, сеструха! Чуешь?..

Люди у соседних могил, взглянув в его сторону, быстро отворачивали лица. В такой день всем хотелось покоя и умиротворенности, а этот человек вносил в души разлад и тоску.

Зачем?..

3

На Пасху каждому свои радости. Если женщины ходили в церковь, слушали, умиляясь сердцем, службу, святили куличи, а потом шли на кладбище, то у мужиков были другие дела. Они в тот день собирались на станичном стадионе.

Случалось это уже после обеда. Мужики в большинстве своем были из-за стола, с раскрасневшимися лицами, разговорчивые. Они тянулись через постоянно распахнутые ворота стадиона, собирались кучками возле «мавзолея», с которого на 1 Мая и Октябрьские секретарь райкома говорил речь (в праздничные дни стадион исполнял еще роль площади), и ждали футбола. Как-то так выходило, что именно на Пасху футбольные сборные обеих солончаковских школ открывали сезон.

На стадион Васю привел Миша-безногий. Он Васю повстречал, когда тот возвращался с кладбища. Ни о существовании самого стадиона, ни о негласной традиции открывать на Пасху футбольный сезон Вася не подозревал. Все это в станице появилось позже, после начала его вынужденных путешествий по Колыме.

– Василь! Подожди!.. – Миша-безногий налег на деревянные колодки, яро загудели подшипники его тележки по каменным плитам, которыми были выложены оба тротуара центральной улицы. – Постой, Василь! Чего скажу!..

Вася приостановился, хмуро покосился на инвалида. Хмель от выпитой на кладбище водки прошел, и вид у Васи был все так же неприступен.

– Ну?

– Не нукай, не запряг! – бойко, плутовато щурясь, заговорил Миша-безногий, подъехав ближе и задрав вверх успевшее загореть лицо. Надменный Васин вид, похоже, его нисколько не смущал. – Невжели зараз вот так до дому отпускают, га? В хро-

мовых чеботах и чтобы воротник барашковый?.. Сауляк, так тот вернулся в фуфайке. Мою бачишь? Третий год ношу, а у него хуже!..

Вася настороженно подождал, но инвалид по-прежнему добродушно щурился, опираясь зажатými в крепких руках колодками на плиты тротуара, и ничего обидного говорить вроде не собирался. И оттого Васино лицо несколько смягчилось.

– Сауляк когда вышел? – спросил Вася. Его одноклассник Сауляк тоже служил при румынах в полициях.

– Когда?.. Да прошлым летом приехал!

– Ну. И у меня тогда срок кончился.

– Так где ж ты пропал?! – Миша-безногий высоко вздернул плечи и в недоумении даже пристукнул колодками по тротуару. Только сейчас стало заметно, что он изрядно навеселе. – Или до дому не хотел? Десять лет, то ж подумать!.. Я б на крыльях!.. Где пропал, га?

– Где... – Вася снисходительно повел головой, словно услышал нелепый вопрос.

– Пахал в руднике. Зарабатывал! Где...

После секундного раздумья Миша-безногий захохотал:

– Это я понимаю! Молодец!.. Чтобы не в фуфайке домой вернуться. Гордый!.. – И выставил из-за пазухи горлышко бутылки, заткнутое кукурузным кочаном. – От бурячанки нашей не отвык? А то давай за компанию, я сегодня с выручкой, геть чисто весь товар продал. Петушки, звездочки и леденцы перед праздником как водой смывает. Сам из сахара варю, сам продаю – на одну пенсию разве ж проживешь?.. По граммульке, га?

Так как ни словом, ни выражением лица Вася сопротивления не выказал, инвалид и потянул его на стадион. Распивать спиртное на центральной улице станицы, тем более самогонку, было небезопасно. Солончаковская милиция такие вещи не поощряла.

Подоспели они к скандалу, почти что к драке. Станичные мужики гнали со стадиона стилияг.

Стилияг было трое. Сын директора карьера, его подруга, недавно присланная в райбанк молодой специалист, и продавец магазина «Культтовары», известный тем, что ездил в краевой центр на все матчи «Кубани». Парни – в твидовых пиджаках с непомерно широкими плечами и с набриолиненными чубами. Девушка – в непривычно короткой для Солончаковской юбке, к тому же тесно облегавшей бедра, и с пучком стянутых на затылке волос – «конским хвостом».

Возможно, в Краснодаре, а тем более где-нибудь в Ростове, на них не обратили бы особого внимания. Мода, концентрическими кругами расходящаяся из столицы Советского Союза, становилась понемногу привычной, хотя не было и дня, чтобы в

газетах не появлялись карикатуры на стилияг, а то и фельетоны с неувыдаемым заголовком «Пустоцвет». К тому же полноценными стилиягами троицу назвать было трудно. Так, местная самодеятельность. Брюки на парнях, оценивай их знаток, оказались бы недостаточно узкими и вполне натягивались на голени без мыла. Отсутствовали и цветастые галстуки с сюжетами из тропической жизни – обезьянами и пальмами. Такие галстуки составляли гордость всякого стильного мэна. Выпускнице же финансового техникума явно недоставало туфель на умопомрачительном каблуке. А скромные изделия фабрики «Скорород», в которые девушка была обута, заменить их никак не могли.

Одним словом, городские чуваки и чувихи еще подумали бы, принимать ли им солончаковскую троицу в свой круг. Однако отношение к троице в станице от этого лучше не становилось. Насмешек и гонений ей выпало с избытком.

– Эге, они, видать, с огорода сбежали. А кто ж ворон пугать будет?.. – раздался голоса, едва сын директора карьера, молодой продавец «Культтоваров» и их спутница появились в воротах стадиона.

Поначалу голоса были довольно беззлобные, в них даже сквозили юмористические нотки. Но по мере того как троица, подчеркнуто не обращая на реплики внимания и даже чему-то посмеиваясь, двигалась по беговой дорожке вдоль футбольного поля, голоса становились все раздраженнее и злее.

– Ты, пугало! Чего шкиришься, закрой рот! Вырядились. В карьер бы вас, камень ломать, дармоеды!..

Больше всего доставалось бывшей студентке. И без того красные от выпитого в честь Пасхи лица мужиков раскраснелись еще больше, гнев их был праведный.

– Кобыла! Обтянула сраку, еще зубы скалит... Чего вылупилась, тебе говорят!

Делать вид, что не слышит, троица больше не могла, и продавец «Культтоваров» высоким голосом возмутился:

– Имейте совесть! Какое у вас право так разговаривать с женщиной? Чего она вам такое сделала?

Но его слова только подлили масла в огонь.

– О, женщина, говорит. Уже попробовал!

– А они ее на пару!..

– Шуруй отсюда, а то штаны снимем, дармоед носатый!..

Озлобление было нешуточное. Мужики погорячей уже привстали с лавок, вкопанных вокруг футбольного поля. В воздухе зарябили крепкие выражения.

– Почему дармоеды? Мы работаем! – срывающимся от обиды голосом воскликнул молодой продавец. – Вы люди или кто? Чем мы вам таки виноваты?..

Сын директора карьера остановил приятеля:

– Чего ты с ними?.. – Окинув взглядом близко подступивших мужиков, он демонстративно повернулся к ним спиной. – Не видишь, с кем имеешь дело?.. – И особой, стильной походкой, поочередно поводя мощными плечами твидового пиджака и приволакивая туфли на толстой подошве «манка», он двинулся к выходу со стадиона.

Стилягам засвистели вслед. Вот тогда-то внимательно наблюдавший за сценой Вася и сказал как бы сам себе:

– Быдло.

– Чего? – быстро поднял к нему любопытствующее лицо Миша-безногий. Он слегка запыхался, потому что теперь приходилось ехать не по твердым плитам, а по еще толком не просохшей земле. Тротуар у входа на стадион обрывался.

Вася усмехнулся одной половиной лица.

– Видел, как вороны галок гоняют? А те тоже соберутся кодлой – и на воробьев... Чего? Неба мало? – Вася, словно удивляясь, шевельнул шишковатыми надбровьями. – Что в зоне, что на воле – закон один... Чего оно так? Кто бы мне сказал?..

В ответе, судя по всему, он особо не нуждался. Но Миша-безногий, питавший слабость к умным разговорам, торопливей принялся отталкиваться колодками – заспешил к «мавзолею». Там у подрастающих елочек можно было спокойно расположиться и под бурячанку основательно потолковать с бывалым человеком.

Но едва он раз-другой отхлебнул от бутылки и протянул ее Васе, предварительно обтерев горлышко ладонью, как услышал над головой голос:

– А вам чего тут, хлопцы? Культурное ж место, понимать надо!..

За Мишиной спиной возвышался председатель добровольного спортивного общества «Урожай» Дударенков и неодобрительно посматривал то на него, то на Васю. Дударенков был в глухом офицерском кителе со стоячим воротником, в военной фуражке без звездочки, но брюки на нем были вполне гражданские. И такие широкие, что при ходьбе, казалось, плескались вокруг ног. Председатель только что вышел из «мавзолея», в котором располагалось тесноватое помещение спортивного общества, и, заглянув по привычке за угол, который имел особенность становиться мокрым при стечении на стадион мужиков, обнаружил Мишу и Васю.

– Первомай скоро, секретарь райкома товарищ Нечипайло, передовики, понимаешь, выступать будут. – Дударенков строго кивнул головой на «мавзолей», приземистое каменное строение с трибуной наверху, напоминавшее известную московскую конструкцию. – А вы тут распиваете, бутылки оставляете и всякое другое, понимаешь, себе позволяете. Разве ж так положено?

Вася, наклонив голову, по зековской привычке смотрел на начальство исподлобья. А Миша-безногий, казалось, Дударенкову наоборот обрадовался:

– Геннадий Антонович, дорогой! Христос воскрес! Уважаю!.. Из начальства ты

здесь, считай, один. Один среди работяг, га?! Другие боятся – чего в райкоме скажут, Пасху приветствует, а ты – вместе с народом! А почему? Потому что боевой офицер, фронтовик, военная косточка!..

Лицо у инвалида было умильное, он даже руки раскинул до отказа в стороны, готовый заключить Дударенкова в крепкие объятия. Глядя на него, Вася крикнул и отвел глаза. Но председатель добровольного спортивного общества с укоризной покачал головой:

– Все придураешься, э-э! Очень красиво! – И, достав из нагрудного кармана кителя свисток, то и дело неодобрительно оглядываясь на Мишу-безногого, заторопился к центру футбольного поля. Там уже топтались, выстроившись одна напротив другой, команды солончаковских десятиклассников в длинных сатиновых трусах и китайских полукедах.

– Артист, – со сдержанным одобрением сказал Вася. – А то я подумал, ты шестерить.

Он все еще смотрел исподлобья на Дударенкова, на то, как к нему в центре поля подошли два парня, капитаны школьных команд; как Дударенков подбросил вверх монету, ловко поймал ее, блеснувшую в солнце, на ладонь; как команды потянулись каждая к своим воротам...

– Тот самый Дударенков, что туберкулезом болел?

– Вылечили, – весело сообщил Миша-безногий, весьма довольный собой. – В армии до старшего лейтенанта дослужился, теперь под сокращение попал. Хрущев офицерами семилетку выполнить хочет, догнать и перегнать Америку по мясу, молоку и шерсти!.. – Тут Мишин взгляд упал на бутылку с самогонкой, которую он по-прежнему крепко сжимал в руке. Секунду инвалид смотрел на нее непонимающими глазами, затем ткнут Васе: – Сбил с толку, черт чахоточный! Давай!..

Однако Вася, казалось, бутылки не замечал. Только вздулись и окаменели желваки на его уродливом лице.

– Ты чего, га? Вперед! – не сообразил поначалу Миша-безногий. Но тут же опустил голову. – Ну да... Этого стали лечить, а твою сеструху... Мы с ней в одном классе, я еще с ногами был... Что хотят, то робят. Индусы!.. А индусы что, не люди?

– Молчи, – сказал Вася.

И столько было в его голосе силы, что Миша-безногий осекся. Но так как по натуре он был человеком легким, то не обиделся, а переключился на события, которые разворачивались на футбольном поле. Через минуту уже азартно выкрикивал:

– Да бей же ж, бей! Кобыле без подставки вставляешь, а по воротам попасть не можешь!.. Судья, давай штрафной – рука!.. Э-э, хлопец, тебе в домино играть, а не в футбол!..

Вася тоже смотрел на поле, где кучей бегали два десятка парней с белыми, неприлично голыми ногами. Смотрел сначала безразлично и хмуро, готовый вот-вот уйти со стадиона. Но все не уходило, медлил – казалось, происходящее на поле понемногу захватывало его, становилось любопытным. Застоявшиеся за зиму десятиклассники старались изо всех сил. Из-под ног летела земля с едва пробивающейся травой, лица были бледны от усердия и ответственности, а азарта хватило бы на игру и более высокого ранга.

Впрочем, не это занимало Васю. Футбол, как ему показалось, смахивал на жизнь. Здесь были свои сильные и слабые, свои правые и неправые, были удача и горькая досада, а в центре всего, главенствуя и правя, находился судья.

Он вносил в происходящие на поле события смысл и справедливость, наказывая виновных и защищая правых. И что интересно, его беспрекословно слушались. Хотя, конечно, среди болельщиков находились такие, которые кричали: «Судью на мыло!». Но то, скорее, от молодечества, которому в немалой степени способствовало недавно принятое за столом.

Васино лицо постепенно светлело и разглаживалось, и он уже смотрел на Дударенкова с интересом и почти что с уважением.

– Дыхалка Дударя подводит, – сказал в перерыве между таймами Миша-безногий. Он объехал и поприветствовал всех своих знакомых и теперь вернулся к Васе, все так же одиноко стоявшему у «мавзолея». Инвалид чувствовал свою ответственность за человека, которого затянул на стадион, и теперь как бы покровительствовал ему. – Туберкулез – это ж не шуточки, нехай и залеченный! Первый тайм Дударь еще бегают, а на второй дыхалки не хватает. А куда денешься? По должности полагается бегать – председатель «Урожая»!..

– Другого судьи нет?

– Та все ж играть хотят, а не судить!

– Дураки, – отрезал Вася. – Жизни не понимают.

Миша-безногий прищурился:

– А ты понимаешь.

– Понимаю, – серьезно сказал Вася. – Было время догадаться.

И продолжал пристально смотреть на мокрого от пота Дударенкова, который устало шагал к «мавзолею» передохнуть. Офицерскую фуражку со следом от звездочки тот снял, и видны были потемневшие слипшиеся волосы.

Вася смотрел так внимательно, с болезненным таким интересом, что любой догадался бы – неспроста. Если не сейчас, то в ближайшем будущем что-то должно было непременно произойти.

Через неделю в Васиной жизни появилась женщина.

К тому времени он уже работал в карьере, который так опрометчиво оставил в смутном сорок втором. Карьер был единственным серьезным предприятием в Солончаковской. Это все же не коммунхоз и не артель «Лоза», работники которой плели корзины из ивняка, в изобилии росшего вдоль берегов Кубани, и именовали свое предприятие не иначе как артель «Лоза – напрасный труд». О колхозе, отягощенном многотысячными долгами государству, говорить не приходилось. Там работали жители станичной окраины, которые свой еще более скудный заработок компенсировали воровством с колхозных полей.

Эту женщину Вася приметил, когда получал спецодежду. Необычное Васино лицо ее совсем не смутило, что случалось не так уж часто. Смуглая брюнетка, глубоко западая щеками, затягивалась крепким «Беломором», а на пальцах ее правой руки, которой она бросила на дощатую стойку брезентовую робу и такие же рукавицы, сидели буквы АЛЛА.

– Давно от кума? – поинтересовался Вася, узнавая в ней товарища по судьбе. Сказано это было со сложной смесью насмешки и уважения. Уважения – потому что понимающий человек не мог не сочувствовать годам, проведенным на зоне. А насмешки – чтобы не подумали, что сам он баклан дешевый и ставит себя ниже.

Вася в женщине не ошибся. Она не оробела, как это случилось бы с обычной станичницей, не опустила глаза и не промолчала – зачем связываться с недавним зеком? Она выдержала паузу, перекинула мундштук беломорины из одного угла рта в другой и сказала так, будто Вася был ей глубоко безразличен:

– Фамилия. – Причем без сколько-нибудь вопросительной интонации.

Но и Вася был не лыком шит. Началась щекочущая нервы борьба самолюбий. Но если на зоне это могло закончиться долгой враждой, а то и поножовщиной, то здесь, на воле и с женщиной, все было намного приятней

– Сама знаешь. – Он картинно прищурился. И с ленцой кивнул на ведомость возле чернильницы и перьевой ручки. – В цидулке написано.

Не говоря ни слова, женщина полоснула его взглядом и подтолкнула по стойке ведомость. Вася, не меня выражения лица, расписался.

– Кум привет не передавал?..

– Кум мне без разницы, – ответила все-таки женщина. – «Дальрыба». Пять лет по вербовке. Вопросы имеются?

– Базара нет, понимаю! – Вася, словно извиняясь, пожал плечами. Он слышал, что нравы среди работниц рыбных комбинатов на Камчатке и Курилах мало чем отличались от лагерных. Так что в какой-то мере он оказался прав. – Где живешь, краля?

– Захочешь, найдешь, – высокомерно ответила женщина, не удостоивая больше Васю взглядом. И длинно выдохнула папиросный дым. Хотя бы таким образом она хотела отыграться.

Противницей в извечной любви-вражде между мужчиной и женщиной Алла обещала быть достойной. И это Васе понравилось. Не пресная какая-нибудь солончковская бабенка, а с перчиком, пряная, горячая кровь – что надо!..

Найти ее хату в Солончаковской, где все друг друга знают, не составило особого труда. В ближайший выходной Вася уже стоял перед одним из домов на тихой улице имени Розы Люксембург. Правда, смущало несколько то, что обитала Алла там, где раньше проживал председатель райисполкома. Тот, который пугал Васиного отца Соловками и за корову которого румынский комендант посадил самого Васю в каталажку. Вася секунду помедлил, окинул взглядом давно не беленые стены, вьющийся виноград, забравшийся на красную черепицу крыши, но потом решительно поправил в кармане бутылку любимого женщинами портвейна «Три семерки» и толкнул дверь.

– Принимаешь, хозяйка?

То, что такая шмара не может в воскресный вечер быть одна, Вася не сомневался. Но сразу двух мужиков встретить все же не ожидал. За столом, застеленном дефицитной блескучей клеенкой (по-местному, циратой) и уставленной закусками, сидел бухгалтер райпотребсоюза и еще какой-то человек такой же упитанный наружности. Похоже было, что и они не ожидали в этот вечер увидеть у Аллы кого-то еще.

– Иду, значит, мимо, – начал Вася, с пристуком ставя на клеенку портвейн, – а малые дети пристают, за руки хватают: «Дядя, дядя, бабки наши пропали! Мамы все слезы выплакали, а их все нема! Скажите, их дома ждут. Нехай идут скорее!..»

Вася опустил на табурет, независимо закинул ногу на ногу и сложил на коленке ладони. Бухгалтер и его приятель переглянулись. Намек был более чем прозрачный, можно сказать, издевательский. Оба были женаты.

– Нехай подождут, – сказал бухгалтер.

– Не подождут, – твердо сказал Вася и кивнул на дверь. – Выйдем.

Конечно, он рисковал. Алле могло его поведение не понравиться. Вася как бы и ее упрекал детьми, отцов которых она привечает. И вообще, что это такое – пришел в чужой дом и командует!.. Но Алла в разговор не вступала. Отставив руку с папиросой в сторону, она время от времени касалась сооруженной по случаю выходного дня прически, подбивая падающие на плечи тяжелые черные локоны. Смутная улыбка бродила по ее цыгановатому лицу.

Что Вася сказал за дверью бухгалтеру райпотребсоюза, осталось тайной. Однако тот вернулся в комнату довольно быстро, собрал со стола и рассовал по карманам закуску, затолкал за пазуху недопитую бутылку, а потом хмуро кивнул приятелю:

– Пошли, Петро... Он меня попомнит!

На презрительно улыбающуюся Аллу бухгалтер старался не смотреть.

Однако праздновать победу, как вскоре оказалось, было рано. Не успел Вася под сдержанным Аллиным взглядом расположиться за столом, как в комнату ворвалась растрепанная старуха с маленькой девочкой на руках. Вторую девочку, постарше, она толкала впереди себя.

– Шо ты ро-бишь, Ал-ла?! – закричала она, для большей убедительности скандируя слова. – Чего о детях не ду-ма-ешь?!. Я тебе хоть слово сказала, когда ты на Дальний Восток завербовалась? Земля на Володиной могиле еще не о-се-ла! Сталину кинула на меня – укатила!.. Любасы табунами ходят. От тех хоть помощь – угля на зиму привезут и жома для коровы. А с полиция чего возьмешь? Где ж твой ро-зум?!

Вся сдержанность с Аллы вмиг слетела.

– Это не ваше дело, мамо! – сверкнув глазами, закричала она в ответ. – Вы мне не указывайте, я свободная женщина!

– Знал бы Володечка с кем на фронте свя-зал-ся! В могиле сейчас переворачивается! Сталина, Валя, не любит вас мам-ка!..

Из дальнейшего возбужденного диалога Вася мог понять, первое: отступивший вместе с Красной Армией бывший предрика стал офицером и с войны вернулся домой с женой. Второе: от фронтовых ран он вскоре умер, оставив на руках у жены малолетнюю дочь Сталину. Третье: с Дальнего Востока Алла привезла еще одну дочь. И четвертое: «любасы», как свекровь назвала ухажеров невестки, были полезными в хозяйстве людьми.

– Иди сюда, – поманил Вася девочку постарше. Вмешиваться в женский гвалт – дело для мужчины последнее. И достал из кармана кулек с конфетами-подушечками. – Бери.

Девочка, на которую происходящее на ее глазах событие особого впечатления не производило (должно быть, привыкла), – почему-то застеснялась. Однако все же оторвалась от бабушкиной юбки, схватила кулек и быстро шмыгнула обратно.

– С сестрой поделись, – назидательно посоветовал Вася. А сам спросил у старухи: – Мамаша, минуту вашего внимания. Вы меня часом не помните?

Разгоряченная руганью старуха отрезала:

– Не помню и помнить не хочу!

– Не помните или не хотите? – уточнил Вася.

– Что мне до тебя! Мне вон внучек на ноги ставить надо, а мать у них...

– Э, давайте культурно, – Вася выставил ладонь в сторону уже набравшей полные легкие воздуха Аллы, призывая к спокойствию. – Родные ж люди. То есть почти родные... Вы, мамаша, помните, как румыны хотели корову у вас забрать? Перед са-

мым отступлением. И молодого полицаю прислали. А он не стал корову забирать, вас пожалел – с чего бы вы без коровы жили?.. К вам в тот год, как раньше к индусам, отношение было.

Старуха сбавила тон:

– Когда то было... У меня зараз другие заботы.

Вася некоторое время внимательно смотрел на нее.

– Так не помните?

– Не морочь голову! У меня...

– А давайте, чтобы забот у вас было меньше! – махнул Вася рукой, словно смиряясь с человеческой забывчивостью на добрые дела. Он разлил по стопкам портвейн «Три семерки». – Садитесь, мамаша, выпьем за наше второе знакомство. А чего ж!..

Старуха поначалу отказывалась, но Вася все-таки заставил ее сесть за стол.

Выпив, Аллина свекровь оказалась не такой уж и сволочной бабой. Смягчилась к невестке и даже всплакнула, вспоминая, как тяжело ей жилось во время оккупации. Еще хуже, чем после смерти сына.

Вот только признавать Васю своим благодетелем она никак не хотела, ссылаясь на слабую память.

5

В середине пятидесятых станица Солончаковская напоминала Голландию. Но не тюльпанами и не ветряными мельницами. Ветряков здесь никогда не водилось, а тюльпаны, слабость к которым местные хозяйки хотя питали и регулярно высаживали ранней весной под окнами, росли все же не в таком количестве, чтобы соперничать с Голландией.

Сходство было в другом – в велосипедах. Их в станице почему-то называли веломашинами. Время мопедов и мотоциклов было еще впереди, не говоря уж о легковых автомобилях, появившихся в частном владении и того позже. Веломшины в Солончаковской были в те годы основным средством передвижения. Не только для подростков, для которых это было делом престижа, но и для вполне взрослого солидного населения. На веломашине ездили на работу, в магазины за покупками, на Кубань купаться и просто в гости. Ездили учителя, служащие районных учреждений, колхозники и прочий солончаковский люд.

Даже сам секретарь райкома товарищ Нечипайло, хотя имел персональную «Победу», иной раз по утрам подъезжал к зданию районного комитета партии на веломашине. Как самый обыкновенный человек, он снимал бельевую прищепку с правой штанины, опускал ее в карман светлого чесучового пиджака и, пристроив свое

средство передвижения среди стоящих у стены веломашин рядовых инструкторов, поднимался по крыльцу райкома. Было ли это данью демократическим порядкам, утверждавшимся в стране в связи с приходом нового генсека Хрущева, или же таким изначально был менталитет потомков запорожских казаков – неизвестно. Но факт остается фактом: по велосипедам на душу населения Солончаковская вряд ли уступала Голландии.

Задумал купить себе веломашину и Вася. Дело не только в традиции, образовавшейся в станице за время его отсутствия. Веломашина значительно сокращала дорогу до карьера. Потому-то в один из майских дней, когда доцветала сирень, а в воздухе ощутимо пахло пылью и близким летом, Вася появился в магазине «Культтовары».

В силу уже упоминавшихся причин магазин был еще клубом футбольных болельщиков. Не тех, что приходили на стадион от нечего делать на Пасху, а настоящих фанатов, знавших по именам не только игроков «Кубани» или ростовского СКА, но и киевского «Динамо», московского «Спартака» и даже игроков тбилисского «Динамо», фамилии которых, что ни говори, запомнить не так-то просто. В центре внимания находился, как правило, молодой продавец, поклонник краевой команды и брюк в дудочку. Опершись руками на прилавок, он с жаром рассказывал кучкующимся по другую его сторону приятелям о последней игре «Кубани». Когда не хватало слов, продавец, рискуя порвать узкие брюки, перемахивал через прилавок и вдохновенно демонстрировал какой-нибудь поразивший его финт.

– А покажи-ка мне веломашину, – сказал ему Вася. – Но чтобы добрая. А то знаю я вас.

– Кого – вас? Что вы имеете в виду? – надменно выпрямился молодой продавец, прерванный на самом интересном месте своего рассказа.

– Кого надо. Показывай. – Каяться ни перед кем Вася не собирался.

Продавец мотнул подбородком на противоположную стену тесноватого торгового зала, возле которой, прислоненные, стояли несколько новых велосипедов с обмотанными промасленной бумажной лентой рамами. А сам, подчеркивая свое пренебрежение, продолжал рассказ, будто Васи здесь и не было.

Однако тот отходить от прилавка не торопился.

– А то что у тебя? – Вася ткнул пальцем на одну из брошюр. Целый их развал (все – на спортивную тему) виднелся за спиной молодого продавца.

Продавец словно не слышал Васю.

– Покажи.

– То будет вам неинтересно, – вскользь бросил продавец, не прерывая своего рассказа. И подмигнул приятелям: полицай читать умеет! Книжкой о футбольных правилах интересуется!..

Вася стремительно перегнулся через прилавок, схватил продавца за рубашку на груди и притянул к себе:

– Ну?!

– Отпустите меня! – тонким голосом закричал продавец. – Что вы себе такое позволяете!..

Секунду помедлив, Вася разжал пальцы и спокойно сказал:

– Что ж вы кроме силы ничего не понимаете? Что ж только страх вас людьми делает?.. – На этот раз, похоже, подразумевая не только солончаковских брюнетов, но и многих других жителей станицы. – Совесть должна быть или как? Люди вы или кто?..

Веломашину он в тот день купил. Но самым ценным приобретением для него стала все же брошюра о футбольных правилах. Ее Вася обернул в газету, постоянно носил с собой и читал в свободную минуту.

Он хмыкал, качал головой, удивляясь предусмотрительности этих правил. Порой не мог удержаться и принимался рассуждать об их справедливости. В основном делал это в присутствии отца, в доме которого жил. Дистанция между Васей и большинством остальных солончаковских жителей все еще оставалась.

– Слушайте, батьку, – глядя в брошюру, он поднимал вверх указательный палец и монотонным голосом начинал: – Положение «вне игры» или «офсайт» наказывается свободным ударом в сторону ворот команды, нарушившей правила... – Вася вскидывал на отца глаза. – А разве ж не правильно? Зуб даю. Ты не хитри, делай по-честному! А то можно стоять у чужих ворот, ждать, когда мяч дадут, чтоб на дурнычку забить. Не будь хитрожопым! Ты побегай, обыграй защитника, тогда забивай. То будет справедливо. И кто такие честные правила составил, батьку? Как думаете?.. – И Вася сам себе убежденно отвечал: – Не наши, нет!

Никифор Купко на все это пожимал плечами. Разговор обычно происходил в конце дня, после работы, на пороге приземистой саманной хаты, которую Никифор построил еще в молодости. Положив на колени хомут или какую-нибудь другую часть лошадиной упряжи, он орудовал шилом и толстой цыганской иглой, приводя упряжь в порядок.

– Оно тебе надо? – отзывался наконец Никифор, обрезая острым сапожным ножом дратву.

Вася задумывался и загадочно говорил:

– А что ж все время делать, как другие скажут?.. Нехай делают, как я скажу.

– Э-э-э... – неопределенно тянул Никифор. Что можно было понимать так: суета и пустое дело. Другому человеку свой ум в голову не вложишь и по совести делать все равно не заставишь.

В колхоз Никифор так и не вступил. Последние годы он работал ездовым в райкоммунхозе. При недостаточности грузового автотранспорта услуги его кобылы пользовались у солончаковских жителей немалым спросом. Нельзя сказать, что Ни-

кифор был совсем независим, но его положение многие считали завидным: он мог подрабатывать – кому что подвезти, помочь погрузить. В обход коммунхозовской кассы, понятно. Кальмил, как говорили в станице. Никифор своей нынешней жизнью был в общем-то доволен.

– Или смотрим параграф восемь, «игра рукой», – продолжал Вася, не смущаясь прохладным отношением отца. – Если все бьют мяч ногами, какое ж ты имеешь право рукой себе помогать?.. Получай штраф! А если в штрафной площадке, то одиннадцатиметровый или... – воодушевленный Вася всматривался в непривычное иностранное слово, – ага, пенальти. А вот дополнение. Игра рукой бывает умышленной и неумышленной. Это когда мяч сам в руку попадает – тот, к примеру, не хотел, а мяч попал! Тогда штрафного нет... Нет, умные, умные правила!.. Дударенков говорит, англичане придумали.

Не отрываясь от дела, Никифор заметил:

– Так-то оно так. А главный тот, кто за правилами следит. Правила ж можно повернуть и туда, и сюда. Как там написано – «умышленно»? А кто скажет, умышленно или нет? Кто определяет?..

Вася несколько секунд не отрывал от отца взгляд. Такой пронизательности, надо сказать, он от него не ожидал. Как и все в Солончаковской, Вася считал, что отец – человек недалекий.

Никифор будто в душу его заглянул. Суд решил, что он пособник оккупантов. А кто посчитался с тем, что это было по молодости? Что жизни другой хотелось – не карьера с силикозом? Что не мог забыть, как задыхалась, синела лицом сестра, а ее не хотели брать в больницу, потому что дочь «индуса»? Как Нюся умерла, захлебнувшись собственной кровью?

Судьи...

– Ты, я слышал, женщину себе нашел? – продолжал между тем отец. – Женись, так лучше. Дети появятся, будет кого розуму учить. Сам чего не так сделаешь – жинка поругает, тоже хорошо, на пользу идет. Будешь знать, для чего в карьере робишь. А все эти футболы, правила.... Не верь! То не для нас. Брехня!

Никифор с глубоким презрением плюнул за порог, тяжело посмотрел на сына.

Но тут же спохватился и глуповато, блаженно, как за многие годы привык, улыбался.

6

Ритмично скользит Васина нога по округлому женскому бедру, мягкая грудь навалилась ему на руку, скрипит под двойной тяжестью веломашина. Это Вася везет Аллу на Кубань купаться.

Самая пора. Июнь в Солончаковской месяц жаркий, к тому же позади рабочий день, надо смыть с себя каменную пыль карьера.

Сидеть на раме Алле неудобно, стальная узкая трубка режет бедро, но женщина не подает вида. Может, по причине самолюбивого характера. А скорее всего, потому, что лето наполнено простором, долгими солнечными днями, запахом цветущих трав и поспевающей черешни. Вся эта благодать заставляет не обращать внимания на мелкие неудобства.

К тому же Алла в Васю влюблена. Лицом урод, это правда, но есть в нем сила, внутренний порядок и крепость – Алла чувствует. На фронте и в «Дальрыбе» она повидала разных мужиков, так что настоящего отличает сразу.

Алла налегает грудью на Васину руку все больше, в уголках ее губ прячется усмешка. Сколькo, интересно, Вася продержится?.. Осознавать свою власть над мужиком, в особенности над сильным, любой женщине приятно.

Вася давит на педали, горячо дышит Алле в затылок, но сворачивать в заросли лозняка не торопится. У него собственная гордость. Не фраер, под чужую дудку не плясал и плясать не будет, пусть даже это дудка фартовой бабы. Ноздри у Васи побелели, зубы стиснуты, но он стойко терпит и везет Аллу строго на пляж.

Солончаковский пляж – одно название. Это поросший травой берег Кубани, отличающийся от других мест разве что покосившимися дощатыми грибками с облупившейся краской и полуземлянкой спасательной станции. Вася тормозит у самой воды, ссаживает Аллу. Женщина одергивает крепдешинное платье и ясными глазами, как ни в чем не бывало, осматривается по сторонам.

– Эдик уже хороший, – говорит она и кивает в сторону спасательной станции. А сама скользит взглядом по Васиным брюкам, удовлетворенно улыбается.

Васе эта победительная женская улыбка не нравится, и он, засунув руку в карман, усмиряет плоть. Пренебрежительно цедит:

– Баклан дешевый. На понтах всю дорогу.

Между тем медбрат Эдик Подгурский того и гляди упадет с лавочки. К спасательной станции приближаются пацаны, пинающие в траве мяч, просят Эдика что-то объяснить, но тот отмахивается неверной рукой.

– В душу, шелкопер паршивый, насрал, – неизвестно кому с чувством сообщает он. – Кто видел меня пьяным? Кто?!

Эдик переживает. На днях в районной газете был напечатан фельетон о неудовлетворительной работе спасательной станции. Среди прочего было отмечено, что Эдик злоупотребляет казенным спиртом. Но тяжелее всего Эдик переносит то, что был назван медсестрой. В газете так и написано: «медсестра Подгурский». Для самолюбивого Эдика это кровное оскорбление.

– Кто ж так принимает мяч? – на минуту он забывает о своей муке. Поднимается с лавочки и идет к пацанам. – Смотри, пенёк... Бей! Изо всей силы бей!..

Эдик валится на траву с намертво принятым мячом, и пацаны на секунду притихают. Медбрат – вратарь сборной станицы, один из лучших солончаковских футболистов. Даже крепкий градус ему не помеха.

– Купаться будешь? – Вася пробует привлечь внимание подруги. Ему не нравится, что Алла так долго смотрит на этого фраера Эдика. – Пошли переодеваться! – Он кивает на недалекие заросли лозняка. – Ну?..

На этот раз показывает характер Алла.

– Даже не знаю... Чего-то неохота. Посижу пока. – И женщина садится на траву, тщательно оправляя складки крепдешинового подола. Выражение лица у нее самое невинное.

Вася играет желваками и в одиночестве направляется к кустам. Кабинок для переодевания на солончаковском пляже не предусмотрено. Через несколько минут, обо всем позабыв, он уже жизнерадостно гогочет в воде. Вынырнув, резким взмахом головы отбрасывает в сторону мокрые волосы, плывет на середину Кубани, выскакивая после каждого мощного гребка из воды почти по пояс.

Слепящей чешуей трепещет река под все еще высоким июньским солнцем, в пронзительно синем небе планирует белая чайка с красным клювом, Васино тело омывают тугие прохладные струи – и ему так хорошо, как давно уже не было.

– Свобода!.. – выдыхает Вася, выбираясь в конце концов на берег и скользя по траве мокрыми ногами. По зековской привычке он присаживается на корточки, поправляет на голени намокший бионт и от полноты чувств добавляет несколько крепких слов. – Весь червонец мечтал об этом, мерзлую землю грыз!.. Свобода, падла! Родина! Все отдам!..

Алла затягивается беломориной и поощрительно щурится сквозь дым. Васины чувства ей понятны. Действительно, хорошо – лето, мягкий ветерок, белейшие вспененные облака над дальней далью за Кубанью...

– Кто это тебя? – Она касается пальцем шрама на Васином боку.

Тот с досадой дергает плечом:

– Оставь!..

– Под лопатку метил, в сердце. Как фронтовая медсестра тебе говорю.

Алла из тех женщин, которые свои чувства демонстрировать не привыкли, но Вася тем не менее улавливает в ее голосе запоздалую тревогу. И коротко объясняет:

– В лагере тоже правду не любят... Повезло, живой остался.

– Так не нарывайся, – вскользь роняет Алла. – Людей не переделаешь. Себе дороже.

Вася тоже закуривает и сквозь зубы цедит:

– Что ж, человек – скотина, своей гордости не имеет? всю жизнь шестерить и молчать должен?.. Ни хрена!

Однако говорить об этом с женщиной ему явно не хочется, и Вася поднимается с корточек, заинтересованно смотрит в сторону ближнего грибка.

– Цы-ы-па!.. – тянет он. – Глянь, у советской интеллигенции рабочий день тоже закончился!..

Сказанное относится к выпускнице финансового техникума – той, что на Пасху была с позором изгнана со стадиона. На девушке смелый по станичным понятиям купальник, темные очки, а молодые гладкие ноги блестят от крема для загара.

Техникумовская выпускница и на этот раз в сопровождении двух своих поклонников. Без одежды сын директора карьера похож не на стилиягу, а на тренированного спортсмена – мускулистая грудь, четко проступающий пресс, крепкая шея. А вот фигура продавца из «Культтоваров» подкачала – хиловата. Зато плавки на продавце самые модные. Не матерчатые, с завязками на боку, как у Васи, а эластичные нейлоновые пронзительного василькового цвета.

– Ты знаешь, кто по национальности Тарзан?

Алла с интересом поднимает к Васе лицо. Фильм про Тарзана, имевший бешеный успех, совсем недавно крутили в солончаковском кинотеатре.

– Ну?

– Заспорили, значит, индеец, американец и еврей, какой национальности Тарзан. Индеец говорит: он индеец, потому что джунгли находятся в Индии. Американец с индийцем не согласный – нет, Тарзан американец. Таким смелым и сильным может быть только американец. «Что вы такое несете? – говорит еврей. – Тарзан таки наш. Только еврей может достать в джунглях плавки»...

Алла смеется, но как-то принужденно, неискренне. Теперь ревнует она. Вася не отрывает глаз от выпускницы финансового техникума. Та спустилась к реке, пробует ногой воду, повизгивает, оглядывается на парней... Мандавошка!

– Что это у тебя? Слышь, Вась? – требует к себе внимания Алла и показывает на пятно на Васином теле.

Вася рассеянно спрашивает:

– Где? – Но глаз от девушки не отрывает.

– Вот здесь, смотри! – Алла касается пальцем большого коричневого пятна на Васином локте. – Как ушиб. О, вот еще один!.. Болит?

– Нет.

– Давно они у тебя?

– Не знаю... – Вася продолжает смотреть на девушку пристальным мужским взглядом.

Алла не теряет надежды привлечь его внимание:

– И про ногу твою давно хочу спросить. Почему все время повязку носишь?

– Болячка не заживает. – Вася не отрывает глаз от стилиги. – Ну, цыпа! Перший класс. Станочек!..

Девушка медленно заходит в реку, кокетливо передергивает плечами, делая вид, что ей холодно, посмеивается волнующим низким голосом... Вася подался вперед, готовый лезть в воду следом.

Смотреть на все это у Аллы нет сил. Она решительно захватывает руками подол крест-накрест и быстро сдергивает платье через голову. Улучив момент, толкает Васю в Кубань и сама прыгает следом.

Визг, хохот, Вася пытается подружку топить, та отбивается, оба нахлебались мутной кубанской воды... Вася на стилигу больше не обращает внимания – ему уже не до того.

Переодеваться они удаляются в лозняк вместе. И находятся там довольно долго. К велосипеду возвращаются – Вася усталый, словно вмиг ощутивший всю тяжесть минувшего дня в карьере, Алла наоборот – возбужденная, радостная.

– Ты чего на нее пялился? – со своей грубоватостью, как между близкими людьми бывает, спрашивает Алла. Она расчесывает на ходу свои мокрые, цвета вороньего крыла волосы и кивает в сторону троицы. Те давно уже выбрались из воды, играют ракетками в странную игру, название у которой тоже странное, в Солончаковской не слыханное, – бадминтон.

– Стано-о-чек! – передразнивает Алла. – Как дам сейчас!..

– Уже дала, – усмешливо отвечает расслабленный Вася. – Это чтобы ты много о себе не думала

Алла замахивается, хочет стукнуть его по спине. Но натывается на Васин взгляд и опускает руку. Даже шутить с Васей приходится осторожно.

Уже уютившись на раме веломашин, женщина, как бы извиняясь, замечает:

– Ты все-таки сходи в поликлинику. Не нравится мне твои синяки. Еще эта болячка на ноге... Как медсестра тебе говорю

– Посмотрим.

– Сходи, надо!

Вася не устаивает подружку ответом. Пусть знает свое место. То, что живет с ним – не основание держать верх.

7

Первенство района по футболу пришлось на август. И в этом был свой резон. Позади осталось самое главное дело лета – уборка озимых. А до второй по важности

страды в районе, уборки сахарной свеклы, еще порядком времени. Так что Дударенков, назначив первенство на первое воскресенье месяца, сориентировался, по общему мнению, правильно.

– Послухай, помощник тебе часом не требуется? – в день перед началом первенства поинтересовался у него сердобольный Миша-безногий. О хуторянах, которым предстояло играть на яром солнцепеке, беспокоиться не стоило – здоровые бугаи. А вот Дударенкова было жалко. – А то смотри, есть человек.

Дударенков на всякий случай усмешливо бросил:

– Не ты ли? – Он был чуток к любому намеку на свою болезнь, из-за которой его уволили из армии. Дударенков и сам мог при случае чувствительно уколоть.

– Тут, понимаешь, Индус выучил футбольные правила, – пропустил мимо ушей выпад Миша. – Знает, как таблицу умножения. От зубов отскакивает.

Распродав на базаре свой сладкий товар, инвалид околачивался у «мавзолея», собираясь по обыкновению отметить выходной день и пока не найдя для этого благого дела достойных товарищей.

Озабоченный Дударенков покосился:

– Зачем ему?

– А кто ж его знает!..

По живучей казацкой привычке, многое в станице делалось в самый последний момент. Уже были выдворены со стадиона окрестные козы; уже тихий сумасшедший Коля Черноморец, которого летнее утро застало под елкой у «мавзолея», бормоча свое привычное «каустик, карбид, хлорка...», побрел с брезентовой торбой в поисках пропитания; уже съезжались к стадиону колхозные полуторки, в кузовах которых на кое-как обструганных сиденьях разместились крепкие хуторские хлопцы, – а подходящей кандидатуры хотя бы в боковые судьи у Дударенкова все еще не имелось. Как-то он попробовал было привлечь к судейству продавца «Культтоваров», но стилисту футболисты слушаться не захотели. В помощники приходилось брать первых попавшихся – чаще всего солончаковских десятиклассников.

– А где Индус?

– Где? Та дома!.. – Миша-безногий мотнул подбородком в сторону ожидающих зрелище пацанов. – Пошли кого-нибудь, пусть позовут.

Ничего другого Дударенкову не оставалось. «Сидел, конечно. Бывший полицей к тому же... Но для хуторских бычков сойдет, – успокоил он себя. – Да и какие права у бокового? Судья в поле все решает».

Ждать себя Вася не заставил. Появился быстро и, не слезая с велосипеда, хмуро, с некоторым даже вызовом спросил у Дударенкова:

– Чего надо?

И совсем не удивился, когда тот изложил свою просьбу. Похоже, Вася чего-то подобного ожидал.

– Ладно, – отчужденно сказал он. Отчужденно потому, что разговаривал с какой-никакой, а властью, любви к которой не питал. К тому же Дударенков стоит перед ним живой и относительно здоровый, а сестра Нюся...

Дударенков им остался доволен. Не жалея себя, Вася мотался по кромке поля, определяя ауты, корнеры и офсайты. С неподкупным лицом показывал направление, в котором следовало выбрасывать мяч. Поднимал флажок, сигнализируя судье в поле, если видел нарушение правил. А однажды, когда один из хуторских парней, вышедший на игру в брюках и имевший о футболе очень приблизительное представление, заспорил было с ним, Вася так цыкнул, что тот счел за благо держаться подальше.

– Ты когда-то судил? – спросил в перерыве между играми Дударенков. Спросил с уважением – Вася того заслуживал.

Вася туманно ответил:

– Все мы судьи...

– Посуди теперь в поле. Я передохну. – Дударенкову и в самом деле требовался отдых. Тем более, что приближалась середина дня, самое пекло.

Между тем стадион постепенно наполнялся зрителями. Если утром это были по преимуществу пацаны, то к часам двенадцати стали появляться взрослые. Не такое уж это событие – первенство между хуторами, – чтобы солидным людям приходиться к началу. Если и суждено было в этот день быть приличному футболу, то разве что ближе к финалу. А пока с лавочек вокруг поля раздавалось насмешливое: «Кто выше бьет – тот самый лучший!», «Дубовая голова – путь к победе!», а также реплики насчет плохих танцоров, которые испытывают трудности по известной всем причине.

Надо сказать, солончаковские болельщики имели некоторое право на подобное высказывания. Станичный футбол переживал в те годы свой расцвет. Речь не о школьниках – их матчи были всего лишь пробой пера возможных в будущем кумиров. Именно в ту пору на добрую половину края гремела слава Эдика Подгурского и его товарищей по сборной станицы. У старожилов до сих пор ностальгически туманятся лица, когда они вспоминают о славном времени.

И стадион, и футбол, как уже говорилось, были в станице довольно-таки новым делом. Стадион появился в конце сороковых, а играть на нем стали и того позже – в начале пятидесятых. И не только потому, что бегать прилюдно в трусах считалось в Солончаковской неприличным. О футболе тогда знали в основном теоретически – из репортажей по всесоюзному радио Вадима Синявского. И лишь когда в станицу стали возвращаться парни, призванные в армию в конце войны, все переменялось.

Хлопцы эти были вроде бы свои, но уже как бы и чужие. Они заматерели, превра-

тились из недокормленных семнадцатилетних пареньков в крепких мужчин с само-надеянными лицами. Эти уволенные в запас сержанты и ефрейторы говорили о Вене или Будапеште так, словно те были не европейскими столицами, а соседними райцентрами. Но главное заключалось не в этом. В занявшей пол-Европы и уже несколько лет бездействующей армии солончаковские парни приистрастились к футболу. И научились играть так, что местные десятиклассники им и в подметки не годились.

Тогда-то в станичном футболе и наступила золотая пора. О ней и рассказывать следует особо.

Разве забудешь тебя, Ваня Шевчук, когда ты, сложив на груди руки, как несокрушимый утес возвышался в центре защиты? Какой нападающий мог пройти тебя, Ваня? Кто мог тебя обыграть? Не было такого нападающего, Ваня! Никто не мог тебя обыграть!.. Противник мчался вперед, хитроумно финтя и бойко поглядывая по сторонам. Он рвался к воротам, и сама удача несла его на своих крыльях. Но ты не паниковал и не суетился. Красивый, как греческий бог, ты устремлялся наперерез, улучал момент и с обескураживающей простотой отбирал мяч. Это больше всего и поражало – простота и легкость, почти невозможные. Потом ты двигался к центру поля, делал пас своему нападающему или к восторгу зрителей сам проходил в чужую штрафную площадку и бил по воротам. Случалось, штанга, как спичка, ломалась от твоего пушечного удара, а вратари влетали в ворота вместе с мячом.

И что с того, что сейчас фотография, на которой ты пострижен под польку, в широких и длинных, как юбка, трусах, кажется смешной. Что, подслеповатый пенсионер, ты торгуешь скудной зеленью со своего огорода у входа на рынок. У тебя, Ваня, была молодость, и в молодости ты был прекрасен! А то, как, единственного в крае, тебя приглашали играть за ростовский СКА и ты отказался, – об этом в Солончаковской будут помнить всегда. Потому что такой шанс выпадает раз в сто лет, и еще реже от него отказываются. Из-за любви к родной станице. Из нежелания расстаться с ней.

Или ты, высокий и гибкий Эдик Подгурский – как большинство вратарей, немало позер и любимец солончаковских девчат и молодых женщин. В черном свитере и кепке, фатовато надвинутой на глаза, ты обычно стоял у штанги, опираясь на нее спиной и перекрестив ногой ногу. Лузгал семечки, пренебрежительно посматривая на то, что происходит на поле.

Ты был хорошим вратарем, хотя и играл неровно, по настроению. А может, так и надо? В одной игре пропустить легкий мяч («Э-э, – с издевкой скажут болельщики и сплунут под ноги. – Ему лишь спирт на спасательной станции пить!..») Махнут безнадежно рукой и станут прикидывать, кто мог бы подойти на место вратаря в станичной сборной). А в другой раз, находясь в одном углу ворот, метнуться в другой и, вытянувшись в струнку, на мгновение как бы воспарив, зависнув в воздухе, дотянуться

все же до мяча, и упасть с ним, крепко прижатым к груди, на вытоптаный пятачок перед воротами. Неимоверно, великолепно, необъяснимо! Потом подняться и, не обращая внимания на непривычные для Солончаковской аплодисменты, небрежно выбить мяч в поле.

Может, так и надо в жизни, Эдик? Однообразие томит душу, как его ни назови – надежностью, стабильностью или просто скукой. Ты постиг душу успеха, временная неудача лишь оттеняет и подчеркивает дар, заставляя увидеть его заново. Ты ощутил силу, которую таит в себе контраст, и использовал ее?..

На левом крае нападения блистал несравненный Сережа Гурджанян. Это был вызов судьбе, вызов быкоподобным защитникам противника. Они видели тщедушного низкорослого Сережу, он представлялся им чем-то вроде мыши, и от этого чужие защитники чувствовали себя особенно сильными и значительными. Они неслись на Сережу, готовые подмять, раздавить, размазать по траве этого хилого недомерка и выскочку.

Защитники сталкивались, непонимающе смотрели друг на друга, оглядывались вокруг, но не находили ни мяча, ни Гурджаняна. А тот, вывернувшись, выскользнув, прошмыгнув, финтанув, пообеда вокруг пальца, кинув, как детей, уже далеко за их спинами мелькал бутсами, бежал к воротам и бил под острым углом, и мяч впритирку входил под самую перекладину, и трепетала сетка, и печаль и отчаяние проступали на лицах противника ... Это тоже было чудо. Больельщики восторженно цокали языками – слов не было. А защитники смотрели на Сережу с тупым недоумением сильных людей, которые никак не могут понять, как это их облапошили.

Однако все это будет осознано намного позже. Золотой век и его герои получают оценку спустя годы. И то сказать, какой же это герой, если сидит в сапожной будке на пыльной улице, чинит поношенные ботинки, как Сережа Гурджанян. Или работает грузчиком в захудалой артели «Лоза», как Ваня Шевчук. Или любит, как Эдик Подгурский, на шару выпить и вдобавок отягощен тянущимся с детства неблагозвучным прозвищем Мотня?..

Будущие персонажи солончаковского эпоса в тот воскресный день, словно протые смертные, тоже неспешно стягивались к стадиону. В основном попить в приятной компании пива, заодно и понаблюдать за хуторскими. Срывая зубами крышки с «Жигулевского», они устроились в тени «мавзолея» и с ленцой поглядывали на поле. Издевательских реплик в адрес играющих члены сборной станицы себе не позволяли. Но иронии своей тоже скрывать не собирались.

– Крепкие хлопцы в ногах, – задумчиво говорил рослый атлет Ваня Шевчук, глядя, как какой-нибудь хуторской с бордовым распаренным лицом неся напролом от одних ворот к другим и ни за что не хотел никому давать пас.

– Так на парном же ж молоке выросли. Есть у ребят здоровьице, – в тон отвечал Сережа Гурджанян, сдерживая природную живость. Он делал несколько быстрых глотков из бутылки, хлопал по ее гладкой поверхности ладонью – темперамент все-таки требовал выхода. Но тут же брал себя в руки. – Здоровье-то есть... Этим хлопцам еще смазки бы в голове побольше...

Русоволосый, смахивающий на Есенина с известной фотографии полузащитник Басистый солидно вставлял, как бы защищая хуторских:

– Чего вы придираетесь?.. Как там, Эдик, говорят – ты ж у нас спец по женскому полу. Нельзя требовать от девушки больше, чем она может дать – так, что ли?..

Все повернули ухмыляющиеся лица к Подгурскому. В команде было принято подначивать его насчет женщин.

– Можно требовать или нельзя?.. – Басистый подмигивал вратарю, на что-то явно намекая.

Эдик молчал, пристально наблюдая, как кучей бегают по солнцепеку простодушные взопревшие парубки. Настроения присутствовавших он не разделял.

– Не хотел бы я быть на их месте, – наконец изрек Эдик.

Парни грохнули хохотом, некоторые даже захлебнулись пивом. Их принялись дружно колотить по спинам.

– А мы в такую жару хотим!..

– Ну, выдал!..

– Штепсель и Тарапунька!..

Подгурский переждал веселье, с ленцой пояснил:

– Скоро все будем под полицаем ходить.

– Как это? – не поняли футболисты.

– Он игры судить будет. Справляется... – И Эдик с досадой заключил: – Нормально, скажу я вам, справляется!

Парни приумолкли, минуту смотрели на мотающегося по полю Васю. Действительно, заменив Дударенкова, тот судил на удивление хорошо. Сразу и не скажешь, что новичок в этом деле. Разве что свисток раздавался слишком часто – Вася фиксировал любое нарушение, а делать это с такими футболистами, как хуторские, не стоило. Нехай играют как могут, лишь бы не покалечили друг друга.

– Ну и что – полицай! Правила одни, кто б ни судил.

– Э, не врубаетесь, хлопцы... – Эдик Подгурский, проделав все это с ленцой и достоинством, вздернул подбородок и обвел товарищей медленным взглядом. – Есть одна маленькая закавыка... Не каждый поймет.

– Не хочешь, чтобы романешты указывал? Обидно?..

Эдик в раздумье, словно прислушиваясь к голосу в себе, покрутил головой:

– Не то главное, хлопцы, не то... Вы только подумайте, сколько в Индусе за его жизнь накопилось. Подумайте!..

– Какая такая жизнь? Он всего на пару лет нас старше!..

– Нет, хорошего не ждите, – упорствовал Эдик.

– Ладно тебе!..

Подгурский упрямо мотал головой. Высокомерие читалось на его лице, будто Эдик обладал потаенным, недоступным другим знанием.

Парни переглянулись, пожали плечами – чего волну гонит?.. Нашлась гадалка.

Последовавшие вскоре события их успокоили. Судить финальную игру между хуторскими командами вышел сам председатель «Урожая». К тому времени солнце уже заметно поубавило пыл, тень от «мавзолея» вытянулась до середины кое-как выкошенного футбольного поля, а члены сборной допивали третий ящик «Жигулевского».

Отдохнувший Дударенков судил отлично, не цеплялся, как Вася, к мелочам. Васю он опять поставил боковым судьей.

Там ему и место, решили футболисты, с иронией поглядывая на Эдика Подгурского. Нашел кого бояться.

8

После работы Вася с Аллой ездили не только на пляж. Бывали вечера, когда прихватив мешки, они направлялись за травой для коровы. Случалось, Вася у женщины ужинал, нередко оставался ночевать. Так что с какого бока ни посмотри, помочь нужно было.

Просторы вокруг Солончаковской казались необозримыми, нажать мешок-другой травы не проблема. Но так только казалось. Не случайно станица носила свое название – на половине окрестных земель ничего не росло. Другую, сравнительно плодородную, занимали колхозные кукуруза, подсолнечник и сахарная свекла. Лишь неподалеку от последних хат, в яругах и иных неугодьях оставалось ничем не занятое место. Но там пасся частный скот, выедавший траву под корешок.

– Ночка!.. – Алла хватала Васю за руку, пальцем тыкала в сторону черной однорогой коровы. Спешившись с велосипеда, они шли в гору мимо вытоптанного пастбища, которое по-местному называлось обучей. Алла рылась в дерматиновой черной сумке, с которой ходила на работу, и доставала оставшийся после обеда кусок хлеба. – На, Ночка, на!.. Иди сюда, ешь. Какая здесь трава – горе!.. Ничего, ничего, мы тебе корму принесем хорошего, будешь сыта, красавица моя, молочка нам дашь...

Вася хмыкал. Алле за тридцать, а ведет себя, как жизнерадостная малолетка. Куда

только понты подевались, которыми она встретила его в кладовой в начале их знакомства. Выходит, довольная женщина? Удовлетворенная?.. Хмыкал Вася, в общем, польщенно.

Увидев однорогую корову в первый раз, он спросил:

– Та самая?

Алла сразу не поняла:

– Какая?

Вася не ответил. Пристально смотрел на печальную морду, на полувылезшую черную шерсть на коровьих боках, на разбитые и загнувшиеся, как носки восточных башмаков, копыта... Наверно, та. Из-за нее попал в каталажку, потом на Колыму. Все эти годы корова жила своей глупой жизнью здесь, он – там. Вася стоял и не знал, то ли ударить ее, то ли в недоумении покачать головой, удивляясь жестоким вывертам судьбы.

– Закурить будет? – спросил заросший щетиной мужик с палкой в руке. – А то скоро завою, как волк.

Вася достал пачку «Спорта» и сдержанно поинтересовался:

– Уши пухнут?

– Не, тоска! – с готовностью отозвался пастух. – Побазарить не с кем. Все один и один. Не станешь же с коровами, правильно?

Алла, скормив Ночке хлеб и оглаживая ладонью ее черную жилистую шею, удивилась:

– А по мне, так хорошо! Спокойно, тихо – не то что в карьере. У нас каждый час камень рвут – какая уж тишина! Еще прибить сверху может, пыль до неба...

– Сразу, конечно, хорошо. А потом – тоска.

– Зато на чистом воздухе!..

Пастух не стал спорить с женщиной, перевел глаза на Васю.

– Купко? Ты, что ли?.. – сказал он, всматриваясь.

Вася молчал. Он тоже узнал Сауляка. Сделал шаг в сторону, рывком толкнул веломашину и, не оглядываясь, зашагал в гору. Запыхавшаяся Алла догнала его не сразу.

– Кто это?

– Да так один... – ответил, прошагав метров десять, Вася.

– Что-то к нему имеешь?

Вася передернул плечами:

– Чего мне иметь... Вместе в полициях служили.

Расспрашивать больше Алла не стала. Лишь время от времени внимательно поглядывала сбоку. Она знала, общая беда может не только сблизить, но и отталкивать людей друг от друга. Отталкивает чаще.

Но самое неприятное ждало в этот день Васю впереди. В дальней яруге, где можно было нажать травы (скот сюда не пускали, слишком крутые склоны), они натолкнулись на Колю Черноморца. Солончаковский сумасшедший, разложив почти невидимый в дневном свете огонь, что-то варил в казанке.

– Кукурузу, – догадалась Алла, поглядывая в его сторону. – Поле рядом, там кочанов и наломал...Хорошо, объездчик не видит.

Вася тоже посмотрел в сторону прозрачно дымящего костерка.

– Кто ему что скажет...

–Люди разные. На «Дальрыбе» у нас мастер был, собака собакой. Я, например, руку порезала – ножи у разделщиц острючие! – а он специально на засолку ставит. Ну не сволочь?!. Смотри, какие у меня теперь руки.

– И где тот мастер?

– Где... В чану с иваси нашли.

– Вот видишь...

Они оставили велосипед у обочины, тряхнули мешки, из которых вывалились серпы. Осторожно спускаясь по склону, принялись жать жесткую августовскую траву.

– А он чего такой? – спросил Вася, имея в виду Колю Черноморца. – До моей отсидки нормальный вроде был.

– Говорят, на фронте. Контузило, что ли, землей засыпало – точно не знаю... Они редко кто в своем уме остается. К нам таких в госпиталь тоже привозили.

– Отходили?

– Кто как. Самые опасные тихие. С буйными все понятно, тех сразу видно, их в дурдом отправляли. А тихий, вроде, нормально, нормально, а потом что-нибудь выкинет. – Алла перестала набивать мешок травой и серьезно посмотрела на Васю. – Ты с ним осторожно.

– Я? Почему?

– Мало ли что.

Вася про себя опять усмехнулся. Забота женщины была приятна. Хотя с какой стати ему опасаться убогого Колю Черноморца? Что он ему сделал?..

В низменной части яруги протекал ручеек. Его течение было обозначено густо зеленой осокой – сочной с виду, но жесткой и для коров несъедобной. Постепенно Алла и Вася спустились к кромке осоки и, оставив туго набитые мешки, сели передохнуть. Здесь было прохладней, чем на солнечном склоне, воздух пахнул землей и стоялой водой.

– Попить бы. – Не посидев и минуты, Алла резво вскочила, сунулась в осоку. Она, видимо, никак не могла выйти из определенной себе роли молодой восторженной девушки. – Ай, надо же! Вляпалась! Болото, мать его за ногу!.. – Отряхивая от

липкой грязи босоножки и вытирая подошвы о траву, она, хохоча, быстро вернулась обратно. Приложив к глазам ладонь, посмотрела в сторону костра. – Ты глянть, Вась. Сумасшедший-то хитрый, у родника устроился, возле воды!.. Пошли попьем?

Вася кивнул. Ему тоже давно хотелось пить. Переговариваясь (говорила в основном Алла), они неторопливо двинулись к роднику, все явственней ощущая запах дыма. Коля Черноморец, несмотря на лето, одетый в брезентовый плащ, бородатый, с сосульками давно не мытых волос, не обращал на них никакого внимания. Озабоченно бормоча свое постоянное «каустик, карбид, хлорка...», он сидел перед костром и подкладывал наломанные, видимо, в лесополосе сухие сучья.

– Много тебе дров понадобится, Коля! – ласково, будто говорила с маленьким, сказала Алла, когда они подошли к роднику. – Кукурузу долго варить надо!..

Сумасшедший, перестав бормотать, пристально посмотрел на нее. Не отрывая глаз, следил, как женщина, присев на корточки, зачерпнула обеими ладонями воду из выбитой родником ямки и с удовольствием сделала несколько глотков. Напившись и вытерев губы, Алла уступила место Васе.

– Вкусная вода. Соли совсем не чувствуется!.. Ближе бы к станице такой родник – очередь стояла бы!..

Коля медленно перевел бессмысленный взгляд на Васю, стал молча смотреть, как тот, опустившись на колени, припал уродливыми толстыми губами к воде. Сумасшедший пристально смотрел и не чувствовал, что огонь лижет его замершую руку, подкладывающую хворост. По-прежнему не отнимая руку, он перевел ставший недоуменным взгляд на женщину, потом опять на Васю и вдруг закричал:

– Ты!.. Ты!..

Алла испуганно замерла, Вася, оторвавшись от воды, выпрямился.

– Здоровый, здоровый!.. Меня под Яссами, а ты здоровый!.. – Коля наконец отдернул обожженную руку и дрожал то ли от боли, то ли от ярости. Тряслись его длинные грязные патлы, глаза стали осмысленными. – Отсиделся, живой! Ты с женщиной, человек, а я!.. Отсиделся!..

Он стремительно вскочил на ноги, схватил увесистый сук и бросился на Васю. Но тут же, колыхнув брезентовым плащом, резко остановился, качнулся и, закатывая белки, с горловым клекотом стал заваливаться на бок.

Алла бросилась к нему, грубо, сноровисто ухватившись, оттащила от костра. Коля Черноморец лежал на спине, бился, напряженно выгибался всем телом. На губах выступила желтая пена. Алла отступила, деловито оглянулась на Васю:

– Ничего страшного, эпилептический припадок. Пройдет.

Она подождала, пока сумасшедший затихнет. Склонившись, обеими руками надавила где-то за челюстями, и Коля перестал хрипеть. Алла повернула его на бок.

– Теперь не задохнется. Пошли.

Вася не двинулся с места.

– Вась, ну? – оглянулась женщина.

Вася молчал.

– Тебе бы так отсидеться, – наконец сказал он, глядя на неподвижного сумасшедшего. И тяжело зашагал к мешкам с травой.

9

Творцы солончаковского эпоса были людьми субъективными. Если для своих футболистов они находили возвышенные слова, всячески превознося и восторгаясь ими, то о сопернике упоминали вскользь и не слишком уважительно. Как бы ни играл соперник, какие бы чудеса на поле ни творил, он все равно оставался врагом. И врагом тем большим, чем лучше играл. Таково уж было свойство солончаковского патриотизма.

Первыми чужой команде демонстрировали свое отношение пацаны. Они собирались вокруг «полуторки» или ЗИСа, на которых обычно приезжали футболисты другой станицы, и, ехидно прищурившись, смотрели, как из кузовов прыгивали пропыленные незнакомые люди.

– Ты глянь, орангутанг! – начинал кто-нибудь из них и показывал пальцем на сутулого длиннорукого парня, по всей видимости, вратаря. Мальчишка засовывал язык под нижнюю губу, оттопыривал пальцами уши и принимался топтаться на полусогнутых ногах. – Орангутанг! Орангутанг! В учебнике зоологии нарисован!..

Через секунду, кривляясь и гримасничая, вокруг чужаков уже топтались все остальные мальчишки.

Прибывшие футболисты старались не обращать внимания на недружественное поведение – пацаны, что с них возьмешь. Оглядевшись по сторонам и задержав взгляд на непривычном для постороннего глаза «мавзолее» с елочками, они снимали рубашки, брюки и принимались переодеваться в футбольную форму. Но мальчишки не унимались.

– А эти штаны я в уцененном магазине видел! – громко заявлял кто-нибудь из них. – Рубль двадцать стоят. Я своему Бобику купил.

– Ну и как? Носит? – пытался перевести все в шутку обладатель незавидных хлопчатых брюк. Опустившись на траву возле машины, он, как и товарищи, шнуrowал казенные бутсы и с примирительной улыбкой поглядывал на пацанов.

– Не, порвал. Говорит, дешевку не ношу.

- Так ты ему дорогие купи.
- Это ты себе купи, фраер!..
- Чужим футболистам наконец подобное надоедало:
- Шуруйте отсюда, говнюки!..
- Пацаны отскакивали на безопасное расстояние.
- Трупы! Все равно продауете!..

Неприязнь к приезжим была такой, что стащить что-нибудь из их одежды не считалось среди солончаковских мальчишек зазорным. Более того, это было доблестью.

Болельщики постарше до подобного не опускались. Но и они освистывали едва ли не каждый пас чужой команды. А уж популярное в те годы словечко «трупы» звучало ежеминутно и вне зависимости от того, забивали ли команде соперников гол или же она сама забивала. И горе тем, кто выигрывал у солончаковской сборной! Хотя случалось это чрезвычайно редко, обидчики долго помнили поспешность, с какой им приходилось убираться из станицы и град камней вслед «полуторке».

Знал ли обо всем этом Вася, когда согласился судить тот скандальный матч? В общем-то, да. Время изучить нравы станичных болельщиков у него было. Впрочем, эти нравы мало отличались от того, что ему было известно о жизни вообще. Более того, Вася, как показали дальнейшие события, по-своему подготовился... А согласился он судить игру со сборной чужой станицы потому, что Дударенков накануне матча попал в больницу – рецидив туберкулеза. Между тем игра уже была назначена.

На этот раз соперники приехали не на какой-нибудь задрипанной «полуторке» или даже ЗИСе, а в автобусе – роскошь по тем временам редкая. На задиристых солончаковских пацанов это обстоятельство особого впечатления не произвело, разве что добавило неприязни – паны нашлись!.. Однако знающих людей комфортабельный транспорт заставил со значением покивать головами. Слухи о том, что футбол у соседей пользуется покровительством первого секретаря райкома, подтверждались.

Подтверждением было и то, что форма на парнях оказалась новенькой, будто только что из магазина. Под стать были без единой задиришки на носках бутсы и не растянутые, плотно облегающие голени полосатые гетры. Зависть вызывал ниппельный мяч, который можно было надувать велосипедным насосом до звона. У солончаковских же футболистов мяч был обычный, со шнуровкой, состоящий из кожаной покрышки и дынеобразной резиновой камеры, в трубчатый отросток которой приходилось что есть мочи дуть – дующему при этом крепко сдавливали ладонями виски, иначе, по распространенному мнению, могли лопнуть перепонки в ушах...

О многом говорило и то, что приехавшие не заискивали и не старались понравиться. Пацанов они сразу от автобуса шуганули. Не обращая внимания на реплики, деловито топали бутсами в землю, поудобней устраивая в них ноги, перешучивались,

а главное – далеко от автобуса не отходили, держались все вместе. Видно, были ученые. Слабакам опасаться за себя не приходится.

– Все равно накажем фраеров, – то ли спрашивал, то ли утверждал похожий на Есенина русокудрый полузащитник Басистый. Хотя в звездах станичного футбола он не числился и в солончаковском эпосе упоминался как герой достойный, но все же второстепенный, Басистый тем не менее обладал одним примечательным качеством. Он вслух говорил то, о чем другие только думали. Его нынешняя фраза предназначалась вроде бы для товарищей по сборной. Но в то же время Басистый косил взглядом на Васю, словно выведывал его отношение к соперникам. Всем известно, от судьбы многое зависит.

Солончаковские футболисты тоже уже успели переодеться. Они дожидались момента, когда нужно будет выходить на поле, – разминаться перед игрой в станице не было принято. Однако Вася словно и не слышал произнесенных слов. Его шишковатое большое лицо, чем-то смахивающее на львиное, было непроницаемо. Вася посматривал то на часы, то на команду соседей. Те уже были на поле и, разогревая, готовя к работе мышцы, по очереди разбегались, со сдержанной силой били по воротам.

– Мы этим трупам рога посшибаем, клянусь! – заводил себя Басистый и уже смотрел на Васю требовательным взглядом. – Как считаешь, судья? Накажем?

Рослый и широкогрудый Ваня Шевчук хмыкал, не одобряя поведения товарища, – в таком поведении чувствовалась неуверенность, которой никак не должно быть перед игрой. Эдик Подгурский натягивал на руки вратарские перчатки и непонятно улыбался. Сережа Гурджанян подпрыгивал на месте, пытаясь унять мандраж, всякий раз охватывавший его в такие моменты. А судья все молчал. И лишь дав свисток командам строиться в центре поля, Вася повернул к Басистому суровое лицо:

– Ты меня на понты не бери!.. Мяч круглый, поле ровное – посмотрим!

О хитроумных бразильских схемах, о персональной опеке и искусственных коридорах для кинжальных проходов к чужим воротам, понятное дело, в Солончаковской в ту пору не знали. Эти времена были еще впереди, и даже не для станичной сборной, а для тех, что рангом много выше. Здесь играли просто и незамысловато, полагаясь на свою выносливость, умение быстро бегать и несколько финтов, которым парни выучились за время службы в армии.

Зато выкладываться было принято полностью, до упора. И игра в очередной раз это продемонстрировала. Все десять полевых солончаковских футболистов отдавали ей всё, на что были способны. И даже больше, как вообще всё в те послевоенные годы делалось. Так же бескомпромиссно были настроены соседи. И если бы не слишком серьезное отношение к матчу, который был, в общем-то, ничего не значащей забавой, от игры можно было бы получать удовольствие. Действительно, здорово – простор

изумрудного поля, россыпь ярких футболок, звенящие силой молодые тела... Счастье и праздник жизни.

Первым стал наглеть русокудрый Басистый. К тому времени уже отыграли добрую половину первого тайма. Было ясно, соперник сильный, но тягаться с ним можно. Солончаковцы забыли про небрежность, с которой обычно начинали игру, тешась красивыми, «на публику», пасами и демонстрируя свое презрение к противнику. А когда однажды потеряли мяч (слишком легко, фраерски, защитник отпасовал его Эдику Подгурскому) и кто-то из соперников, словно только и дожидаясь такой оплошности, выскочил из-за спин, перехватил мяч и едва не всадил его под перекладину, – поняли, надо играть всерьез. Солончаковцы подобрались, заиграли строго в защите и напористо в нападении. Несколько раз казалось, мячу некуда деваться, кроме как победно затрепетать в сетке.

Однако он туда упорно не шел.

Уже хитроумный Сережа Гурджанян, уложив ложными замахами на траву защитников, бил в упор по воротам. Уже Ваня Шевчук мощным ударом издали посылал «в девятку» загудевший, словно ядро, мяч. Уже другие герои солончаковской футбольной саги превосходили самих себя в стремлении отличиться. А всё ничего не выходило.

То непреодолимым препятствием на пути мяча возникал необыкновенно, прямо-таки по-обезьяньи шустрый вратарь. То в последнее мгновение кто-нибудь из защитников выносил мяч грудью из пустых ворот. То от неминуемого гола соперников спасала штанга.

Был ли таковым замысел – позволить этот навал на свои ворота, чтобы усыпить бдительность, а затем поймать солончаковцев на контратаке – бог весть. Для подобных действий надо обладать немалой тактической изощренностью, в чем, как уже говорилось, ни команду Вани Шевчука, ни их соперников подозревать нет оснований. Но как бы там ни было, первым мяч побывал все-таки в воротах сборной Солончаковской.

Произошло все быстро и нелепо. После очередной неудавшейся попытки Сережи Гурджаняна забить гол чужой вратарь послал мяч далеко в поле. Ему надо было хотя бы на минуту дать покой себе и защитникам. Первым к мячу подоспел быстроногий нападающий. Он погнал мяч к воротам Эдика Подгурского и, услышав за спиной настаивающий топот Вани Шевчука, этого Ивана Грозного солончаковской защиты, изо всех сил ударил понизу, в дальний от Эдика угол. Мяч был тяжелый, из разряда неберущихся. Но Эдик не дернулся даже не по этой причине. Как и вся солончаковская команда, он не был готов к такому повороту событий. Гол назревал, но в чужие ворота...

Басистый стал играть «в кость» еще тогда, когда никак не удавалось забить. А уж

когда пришлось начать игру с центра поля, он и вовсе перестал скрывать свой нрав. Солончаковский полузащитник принялся вполне откровенно бить по ногам.

– Борзеешь? – спросил Вася, свистком остановив игру.

– Пшел, романешты!.. – запальчиво сказал ему на это Басистый.

Вася секунду помедлил, потом достал из заднего кармана просторных брюк желтую карточку и торжественно поднял ее над головой. Чем поначалу вызвал замешательство – о таком футбольном наказании в Солончаковской знали только понаслышке.

– Еще раз замечу, выгоню с поля! – сурово предупредил Вася. – Я тебя научу правила уважать!..

Что заставило Басистого на этот раз промолчать, неизвестно. Может, уверенный Васин вид, может, недоброжелательные, мягко говоря, взгляды, которые на него бросали соперники, обступившие своего присевшего от боли на траву товарища. Бормоча под нос невразумительные угрозы, Басистый потрусил от места инцидента. Всем, кто этого еще не понял, стало ясно – с судьей, каким оказался Вася Индус, надо дергать ухо востро. Серьезный мужик.

Солончаковцы гол все-таки забили. Случилось это уже во втором тайме игры, подобной которой в станице давно не видели. Героем стал неугомонный Сережа Гурджаян. Правда, на этот раз ни красотой, ни изяществом его гол не отличался – Сережа затолкал мяч в бестолковой суতোлке у ворот, – но гол был забит. И он был важен не только как месть за перенесенное недавно унижение. Нависший было над командой позор проигрыша рассеялся. Уже можно было подумать о победе. Для чего требовалось забить хотя бы еще один мяч.

Легко сказать! Соперники совсем не собирались уступать. Как оказалось, у этих малоприметных на первый взгляд парней тоже были самолюбие и воля. Наверно, их имена произносились в родной станице с таким же уважением и даже пиететом, как в Солончаковской имена Вани Шевчука, Сережи Гурджаяна и Эдика Подгурского. Быть может, и там складывались свои былины, где земляки-герои не знали поражения. После пропущенного мяча чужаки всей командой навалились на ворота Эдика. Солончаковским парням стоило больших усилий сдерживать их. В этом старании один из защитников и сыграл в своей штрафной площадке рукой. Ничего другого ему не оставалось – мяч летел в ворота, неосмотрительно оставленные Эдиком, бросившимся на перехват...

Вася ни секунды не колебался. Резко прозвучал свисток. Вася показывал на одиннадцатиметровую отметку.

– Ты чего, придурок?! – выкатив побелевшие глаза, на него шел Басистый. Штрафной в свои ворота понравиться никому не может, к тому же Басистый не забыл жел-

той карточки. По своему обыкновению он высказал то, о чем другие только думали: – По такой игре мы не отыграемся, романешты долбаный!.. – И с силой толкнул Васю в грудь.

Вася достал из заднего кармана брюк красную карточку и высоко поднял ее:

– С поля!

– Да я тебя в гробу видел! – взъярился Басистый. Он быстро оглянулся на остальных солончаковских футболистов: – Хлопцы, чего мы этого полиция терпим? Кто он такой?!

От ворот ему на помощь, туже натягивая на кулаки перчатки и не отрывая от Васи взгляда, уже спешил Эдик Подгурский. Другие солончаковские футболисты обступали Васю, тесня и толкая. Попытки благоразумного Вани Шевчука (он был капитаном команды) оттащить Басистого от судьи результата не давали. На поле уже высыпали болельщики с веселыми злыми лицами.

– Назад, гады! – рявкнул Вася. Отступая, он от зажигалки быстро поджег и угрожающе поднял над головой непонятный предмет. – Я вас, гады, научу правду любить!..

Его слова никого не остановили. Тогда Вася швырнул предмет под ноги набежавшим. Польшнуло пламя, над полем мгновенно выросло кудрявое деревцо взрыва. Толпа отшатнулась. Кто-то закричал тонким заячьим голосом. Вася, сунув руку в карман, опять держал ее занесенной:

– Подходи, кому жить надоело!.. Кого на понты берете, бакланы дешевые?! Я вас заставлю правду уважать!

Понимая, что игре конец, чужая команда стала отходить к автобусу. Держались парни близко друг к другу, плечо к плечу.

– Садись с нами, подвезем домой, – кинули они Васе.

Вася волком глянул в их сторону:

– Не продаюсь!..

Он с презрением повернулся спиной к солончаковским футболистам и болельщикам. Вразвалку зашагал к выходу со стадиона, ни разу по дороге не обернувшись.

Ему ругались вслед, но преследовать так никто и не решился.

10

Конечно, потом пришлось отвечать. Васю таскали в милицию, выясняли, как у него оказалась взрывчатка. Вася говорил, что нашел в карьере. «Как это нашел? – картинно поражался следователь. – Я, к примеру, ни разу в жизни не находил!.. Ты что, по зоне скупаешь, опять на Колыму захотел? Говори, где взял!» Вася твердо стоял на своем: тротил нашел в старых выработках. Наверно, взрывники забыли.

По-настоящему судить его не стали, ограничились пятнадцатью сутками за хулиганство. Скорее всего, потому, что никто от взрыва серьезно не пострадал. С работы, однако, уволили по статье – хищение взрывчатки было налицо. Само собой, Дударенкову приказали до футбольного судейства Васю больше не допускать.

На какое-то время он присмирел. Не потому, что боялся мести солончаковских обитателей, хотя и это могло быть. По опыту Вася знал, жизнь одной подлянкой не ограничивается. Обязательно жди еще одну, до пары – это самое меньшее. Но особых неприятностей пока не было, и нужно было подумать о работе – не на отцовской же шее сидеть.

– Есть одно место, – сказал Никифор Купко, когда Вася безрезультатно обошел все солончаковские конторы. Его даже в колхоз не захотели брать. Мало того, что бывший зэк, так еще тридцать третья статья. – У нас в коммунхозе есть место. Мне обещали. Не знаю, чи пойдешь... – Отец поскреб в голове мозолистой, плохо гнущейся пятерней с выпуклыми желтыми ногтями.

Вася посмотрел на него:

– Что за работа?

– Стариковская. Платят мало. Хотя если с умом...

Отец был доволен. То ли тем, что к концу жизни почувствовал себя наконец-то уважаемым человеком и в состоянии даже помочь. То ли потому, что вышло так, как он предупреждал – людей доброму не научишь. К Васиному временному возвышению он с самого начала относился недоверчиво.

– Сторожем, что ли?

– Вроде того. На кладбище.

Вася хмыкнул:

– Чего ж там сторожить? Чтобы мертвяки не разбежались?..

– А тебе что? Положено. И копейку заработать можно – могилу выкопать, еще чего... Не все сами могут.

Отец немного помолчал.

– Ты, Василь, вот чего... Я одеколон купил, в шуфляде стоит. Бери.

Вася поднял непонимающие глаза.

– Смердит от тебя. Я со скотиной всю жизнь, и то чую... Или в баню сходи.

– То не ваше дело, батьку! – Налившись от стыда кровью, Вася свел бугристые брови к переносице. – Моюсь я.

– Чего ж тогда?... В одной хате живем.

Вася промолчал. Он и сам чувствовал тяжелый запах, который стал исходить от незаживающих болячек на ноге. Надо было бы пойти в больницу, но «лепилам» он отвык верить еще на Колыме. Хотя пойти, видно, все-таки придется, раз уж другие замечают. Неприятно.

Насчет работы выбирать не приходилось. Через день он уже подновлял глинобитную сторожку, где хранился немудреный кладбищенский инструмент. Понемногу привыкал к тишине после суеты и грохота карьера. Выкосил траву на могилах матери и умершей от туберкулеза сестры Нюси. О чем-то упорно думал, неторопливо обходя свои новые владения и поглядывая на вытесанные из камня кресты и пирамидки со звездочками.

Заканчивался сентябрь. Темнел и опадал лист с вишенника, которым было затянута все кладбище. По недалекой дороге тянулись колхозные подводы с первой сахарной свеклой. Дни стояли чистые, солнечные, по утрам уже холодные. В один из таких дней к сторожке, нещадно дымя, подъехала новенькая инвалидная машина, чем-то смахивающая на степенного жука. На дерматиновом сидении восседал Миша-безногий.

– Лимузин, га? – гордо бросил он выглянувшему из-за хлипких дверей приятелю. И с удовольствием хлопнул ладонями по рулю, очень похожему на руль веломашины. – В райсобесе выделили. Теперь я кум королю, куда хочу, туда еду – не то что на тележке!.. Обмоем?

Вася усмехнулся:

– Ты ж за рулем.

– А кто увидит?.. Милиция здесь не бывает. В случае чего – просплюсь, все чин чинарем!..

Когда они приняли по второй, из-за вишенника показался бедно одетый паренек с лопатой. Глаза у него были быстрые, испуганные. Остановившись шагах в пяти, паренек пробормотал невнятным голосом:

– Тетя умерли... Могилу трэба копать...

От неловкости и волнения он так стискивал черенок лопаты, что побелели суставы.

– Ты чей, хлопец? – поинтересовался Миша-безногий. Не дожидаясь ответа, он повернул к Васе раскрасневшееся от самогонки лицо. – Вот такой и я был, когда мне ноги оторвало! Шестнадцать лет, девок за титьки еще не мацал!.. Нашей, советской бомбой оторвало! В подлых захватчиков летчик целил, а подвернулся я! Где справедливость, скажи мне?!

– Спроси чего полегче, – сухо ответил Вася. Историей о своей инвалидности Миша в Солончаковской всем уже надоел. – Справка из загса есть?

Паренек протянул сложенную вчетверо бумажку.

– Прокопенко, – прочитал Вася. – Тех Прокопенко, что в яруге живут?

– Да.

Это была одна из самых бедных в станице семей. Вроде не лентяи, с самого дет-

ства работали, кто в артели «Лоза», кто в колхозе, но выбиться из нищеты не могли. Семья была многодетной, а тут еще беда – отец, главный работник, утонул во время половодья в Кубани.

– Пошли, – кивнул Вася.

Когда он вернулся к сторожке, Миша-безногий, успевший еще раз приложиться к бутылке и оттого раскрасневшийся еще больше, хитро погрозил пальцем:

– Возле акаций место дал?

– Ну.

– Хорошее место – песок, сухо!.. А кому возле болота дашь? Кто сгниет в момент и косточки от него не останется, га?

Смутить Васю было трудно, но на этот раз, похоже, удалось. Он посмотрел на Мишу-безногого злыми глазами:

– Закройся! И никому ни слова!..

Приятель не унимался:

– Ну ты хитрющий! Ты, как господь бог, хочешь. Чтобы после смерти получали кто чего заслужил. Хороший человек – песок тебе, сухо, могильный червь не грызет. Плохой – в грязь, в багно, к червям на расправу!..

Миша-безногий крутил головой и смотрел на Васю с восхищением. Это детское восхищение, скорее всего, и смягчило Васю.

– Хорош об этом.

– А мне где участок выделишь?.. Ты смотри, добрый дай! Ты мне друг или портянка?..

Вася молчал. Было в его лице что-то горделиво замкнутое.

Вторую подянку жизнь все-таки подкинула. Случилось это, когда Вася помогал копать на огороде свеклу.

Аллина свекровь убирать ее не торопилась – по местному обычаю, свеклу оставляли в земле до заморозков. Считалось, так она наберет больше сахара, который и самогонке дополнительный градус даст, и для коровы питательней. Рядом крутились Аллины дочери, и Вася решил девчонок побаловать. Он разложил на меже костер, а когда тот прогорел, закопал в угли несколько небольших – чтобы скорее пропеклись – свеколин. Он выворачивал вилами комья земли с литыми белыми корнями, а сам лукаво поглядывал на девчонок – печеная свекла должна была им понравиться.

– Ох, поясница моя, поясница!.. – Алла, прямо из-под вил подхватывавшая за ботву корни и оббивавшая их один о другой, с трудом выпрямилась. Она бросила обе свеклы на кучу посреди участка. – Тяжело мне, мамо, ваша Ночка дается!..

– Чего ж моя? Ваша! – отозвалась свекровь. Подложив под себя телогрейку и об-

мотав голову теплым клетчатым платком, она сидела возле кучи и большим тяжелым ножом отсекала ботву. – Вот они, главные едоки. – Старуха кивнула на внучек, бросающих на угли костра веточки засохшего бурьяна.

Она давно смирилась с тем, что Вася в их доме на правах члена семьи. Тем более, что польза от него имела. Свекровь даже несколько раз намекала, что неплохо было бы зарегистрироваться, чтобы все как у людей.

– Сядь передохни, – распорядился Вася, а сам направился к девчонкам. Свекла, по его расчетам, должна уже была испечься.

– Подожди, я сама, – торопливо опередила его Алла. Она растолкала резиновым сапогом угли и выкатила на землю почерневшие свеколины.

Вася, непонимающе взглянув на нее, достал выкидной нож с наборной рукояткой, который привез с Колымы и постоянно носил с собой. Он собирался проверить, насколько хорошо пропеклись корни.

– Я сама, – опять быстро сказала Алла, стараясь встать так, чтобы оказаться между Васей и дочерьми.

Вася давно заметил эту странность в поведении подруги. Она словно защищала их от него. Алла забирала у девочек конфеты, которые Вася покупал им после полочки, и куда-то уносила. Определила дочерям отдельную посуду, которой никто не имел права пользоваться. Даже полотенце у них было свое – роскошь, в Солончаковской невиданная. Обычно вся семья вытиралась одним полотенцем.

– Не понял, – напряженно сказал Вася.

Алла перекачивала по земле горячую свеклу и не поднимала головы.

– Есть разговор, – наконец сказала она необычным голосом.

Разговор состоялся, когда выкопали всю свеклу. Алла молча накрыла на стол, однако звать свекровь, как полагалось бы в честь окончания работы, не стала. Она налила полный стакан самогона и пододвинула к Васе:

– Пей!

– А ты?

– Мне не катит. – За столом опять сидела та Алла, которую Вася видел в кладовой со спецодеждой. Женщина закурила и независимо выдохнула дым длинной струей.

Вася дернул желваками и, не отводя от подруги потяжелевшего взгляда, выпил стакан до дна.

– Ну? – сказал он. Понты так понты, не привыкать. Хотя, конечно, после всего, что между ними было, странно.

– Ты человек особый, – западая смуглыми щеками, Алла глубоко затянулась. – Судьба у тебя тоже особая. Тяжелая судьба. Возле тебя опасно.

– Хорош тюльку гнать. О чем базар?

– Больной ты! – не выдержав тона, истерично закричала Алла. – В больницу ходил? Нет?.. А я ходила! Нельзя с тобой жить! Всех нас позаражаешь!

Вася помолчал.

– Сифон, что ли?

– Если бы!.. Лепрозории для сифилитиков не открывают! Посмотри на свое лицо! У кого еще здесь такое?! Дура, как сама не догадалась!

Вася поднялся.

– Знала и молчала, выходит? Дешевка! Боялась, пахать на тебя перестану?..

Жизнь опять поворачивалась к нему своей сволочной стороной, дав лишь немного времени на передышку. И он решил женщину не щадить. Всем так всем, пусть даже он неправ в своих подозрениях. Хотя так ли уж неправ?..

– Раздевайся. Все, говорю, снимай!.. Пикнешь – пришью.

Он овладел Аллой, по-зековски приставив к ее боку нож с наборной рукояткой. Женщина отворачивала лицо, но он нашел ее губы, с мстительной силой, до крови из десен, целовал. Наконец Алла обмякла, тихо сказала:

– Все равно с тобой нельзя. Ты несчастье притягиваешь. Это в последний раз. Можешь сразу убить.

– Черт с вами, – ответил на это запаленным голосом Вася. – Живите, как хотите! Мне на вас с высокой колокольни!..

Похоже, он имел в виду не только Аллу.

Вскоре Вася по прозвищу Индус исчез из Солончаковской. Одни говорили, что прямо на кладбище приехала санитарная машина из краевого центра и увезла его в неизвестном направлении. Другие утверждали, что Вася уехал сам, сказав на прощание, что кладбищ в Советском Союзе много и везде нужны сторожа, которые должны воздавать по заслугам. На этой версии настаивал Миша-безногий, который на своей новой инвалидной машине якобы и отвез Васю на железнодорожную станцию.

Прояснить ситуацию мог бы Никифор Купко. Он, не имея родни, кроме сына, время от времени получал откуда-то письма со штемпелем вместо марки. Однако Никифор молчал и по привычке дураковато улыбался, если на него начинали наседать с расспросами.

Со временем о Васе забыли, как забыли о живших до него людях со всеми их бедами и желаниями.

Как забудут о тех, кто станет жить позже и тоже будет любить, мучиться и к чему-то, сжав зубы, стремиться.

ПЕХОТА СЕРЕГА АКСАКОВ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Были времена, когда кто-то там как-то, а Серега прямо спросил заместителя командующего округом по вооружению генерала Н.:

– Вы почему кефир не кушаете? Что? Не любите? – и просверлил его своим добрым васильковым взглядом.

Серега восторженный человек. Такие жили в девятнадцатом веке и после спектакля носили актрисочек на руках или впрягались в их тарантасы, то есть кабриолеты, ну, то есть экипажи, а когда чести быть впряженным не доставалось, бежали экипажу вослед и считали себя совершенно счастливыми.

Были еще времена, когда комполка Седов сказал Сереге:

– С прибытием! – плеснул всю кружку в рот и спросил: – А еще что-то есть?

– Есть, – сказал Серега. – Есть, но не дам!

– То есть, как не дашь? – поперхнулся комполка Седов.

– Так. Не дам! – сказал Серега.

Восторженный человек Серега и скрупулезный. Возьмется делать – пропало, если кто-то собрался его подождать. А если не подождать, тогда, как он выражается, по фиг мороз, то есть можно не вздрагивать, дело будет сделано обязательно и самым тщательным образом. Где нужны тщательность и скрупулезность? По сути – везде. Вот авианаводчики, штатные штурманы наведения авиации, сокращенно «шешена» и далее производное от этого – «на шиша». Если кому-то на них везло, то дай Бог и впредь по жизни идти рука об руку с везением.. А вообще кто-то еще помнит, как с трибуны Первого съезда Советов великий Сахаров занялся не великим делом обвинять вояк, что у них в Афгане бывали случаи, когда авиацией долбили по своим и якобы с целью добить, чтобы не попали в плен. Со своей водородной бомбой уважаемый ученый был повесомей всей 40-й армии – ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Но в данном случае уважаемый ученый явно говорил не свои слова, а если и свои, то они не украшали его, как мыслителя и охранника истины, каковым его определенные круги пытались сделать. Володя Ломаков с Первой чеченской, кроме всего прочего, принес случай, когда свой командир сдал боевикам едва не роту спецназа. То есть не сам сдал, но все сделал, чтобы сдать. Об этом бешеной собакой лаяла вся так называемая независимая пресса. А Володя Ломаков рассказал,

как было на самом деле. Тридцать первого декабря девяносто четвертого на вертушках выбросили в горы за Грозный две группы армейского спецназа с задачей наводить авиацию и артиллерию на боевиков, которые, по замыслу высоких сфер и лично Паши-мерседеса, пребывающего у Ельцина в военных заместителях, должны были первого января побегать из Грозного в горы. Как подготовили операцию по взятию Грозного, естественно, так же подготовили и эту – просто выстроили бойцов, отлаiali в качестве напутствия, а потом выбросили не в том месте, карты дали не того района да и те изданы были еще в семьдесят шестом году. Трое суток отряд шарашился по горам, был обнаружен, командир запросил, как следует в таких случаях, эвакуацию, а в ответ получил: «Продолжать задачу!» – Сырые, промокшие, не спавшие, не жравшие, несколько раз безуспешно запрашивая эвакуацию, прошарашились еще трое суток и влипли. Позор, конечно, всему спецназу, у которого, по образному выражению, войска тесные, а руки длинные! Но позор именно всему спецназу – не только этим парням, но и всем, кто их готовил, кто их все эти шесть суток, по сути, сдавал, кто вообще довел армию до такого. А если конкретно по этому случаю, то сдавал их начальник из высоких сфер. Он кричал: «Этот трус хрен у меня получит эвакуацию! Он воевать не хочет! Он жить хочет! Так он у меня поживет!»

Вот такая начиналась война. И такого во времена Афгана не было. Дурости было много. Подлость тоже была – но не такая. До такой подлости надо было дорасти. Было, что и по своим били. Было, что и на своих минах подрывались. У Сереги в январе восемьдесят четвертого подорвался на нашем же старом, так сказать, неучтенном минном поле командир седьмой роты. Это война, товарищи.

Вернуться к тем же авианаводчикам, к «шешена». А, нет. Еще вот что. Леша Сурков, прапорщик товарищ Че, вспоминал начало своей второй войны в августе девяносто девятого. Перед отправкой отряда всю территорию бригады оцепили вэвэшниками, внутренними войсками. Видимо, высокие сферы высоким своим умом прикинули, что не оцепи спецназовцев, так при известии о войне они разбегутся. Еще войны не было, а людей уже оскорбляли, подозревая в них не воинов, а трусов. И посадили в Кольцово личный состав без боезапаса, мол, все это будет в Махачкале.

– Сначала предупредили, что вооружаться будем на плацу! – рассказывал товарищ Че. – Потом сказали, что получим боеприпасы в Кольцово. Там объявили, что боезапас в самолете, а потом вообще сказали, что получим его только в Махачкале. А откуда мы знаем, что там творится, может быть, уже весь Дагестан у боевиков в руках, и халифат плещется от моря и до моря. Прилетели. Сидим. Идет к нам некто амбал размером восемь на семь, бородатый, весь в пулеметных лентах, разгрузках, с портативной рацией, в бандане и обрезанных перчатках, наколенниках и только что не агеес, не гранатомет в руках держит. У нас в брюхе обрыв – ну, все, не успели прилететь, а уже попали в плен! Я

Грише говорю. Он пулеметчик. И ему по инструкции всегда из рампы первым выныривать. Он смотрит на меня. Я ему говорю: «В случае чего бей прикладом по башке – уже хоть чем-то разживемся!» – Подходит: «Слишь, где командир?» – А Гриша ему: «Слишь, иди ты на фиг!» – вместо последнего трехзвучного слова Гриша, конечно, сказал другое трехзвучное. «Иди ты на фиг!» – сказал Гриша и свой пустой пулемет поухватистой перехватил. Тот опять: «Слишь, сколько народу прилетело?» – Я Грише моргаю, мол, ахай. И, слава Богу, вижу краем глаза – несется по полю наш мужик, белобрысый и не в камуфляжке, как все ходят, а в парадке, в парадной форме. Несется и орет: «Давайте ваш посадочный!» – В брюхе сразу все на место вернулось.

И вот теперь – о тех «шешена», которые «на шиша». И на шиша они потому, что так к их обучению относятся высокие начальнические сферы. По программе сухопутного офицера, в том числе и спецназовца, в авианаводчики надо готовить около трех месяцев. А начальники сводят эту программу к трем дням. И результат такого обучения, как говорится, не заставляет себя ждать. То вертушку заведут по ветру и угробят, то не на ту цель наведут, потому что видеть с земли и видеть с неба – это, как говаривал покойный комвзода Виталик Селезнев, две сугубо другие альтернативы, то, пока между собой о чем-то наконец договорятся, уже и помогать не надо. Язык легунов, кто в небе, и язык ползунов, кто на земле, слишком не похожи друг на друга.

У Сереги было.

Была армейская операция по очистке Вальянского ущелья. По двум хребтам надо было к определенному времени выйти в заданную точку в верховьях ущелья с тем, чтобы не дать духам из ущелья уйти, когда в ущелье начнут входить основные силы, в том числе и афганские подразделения. В один из моментов вертолетчики вдруг докладывают:

– Видим палатки и все прочее, похоже на лагерь духов!

– Координаты! – запрашивает Серега.

– Справа, правее по ходу, а вам прямо по ходу лагеря духов! – снова кричат вертолетчики.

– Координаты, мужики! – просит Серега.

И тут из штаба полка – вертушкам:

– Поработать!

Вертушки: есть! – и на боевой заход, отработали и сваливают.

Комполка Седов – Сереге:

– Комбат! Проверь!

Серега – ему:

– Шестьдесят второй! – это позывной комполка. – Шестьдесят второй! Я не наблюдаю никакого лагеря, не наблюдаю никакой работы вертушек!

Комполка Седов:

– Я тебе говорю, комбат, квадрат такой-то! Проверить результаты авиаудара!

Сергеа:

– В этом квадрате я не наблюдаю никакой работы вертушек Я не могу послать туда людей!

И вдруг замполит седьмой роты Сергеа Войтенко с левого фланга – вся связь же в сети полка – вдруг Сергеа Войтенко со своим комсомольским задором вмешивается в разговор:

– Шестьдесят второй! Я видел, как вертушки работали! Я наблюдаю лагерь. Разрешите, я проверю!

Сергеа:

– Я запрещаю!

Комполка Седов – через голову комбата Сергеа:

– Я приказываю!

В общем, чтобы долго не морочиться, сыр-бор разгорелся потому, что один говорил про Фому, другой про Ерему. И замполит Сергеа Войтенко с отделением по приказу комполка Седова пошел – и, разумеется, влип. И если бы начштаба батальона Миша Глухарев не записывал все команды, комбату Сергее пришел бы самый настоящий кирдык.

Вот что такое – когда нет нормального этого самого штатного или хотя бы нештатного штурмана наведения авиации, то бишь авианаводчика.

А еще было, как говорится, в то же самое время, в том же самом месте – еще было с батальоном одного из полков той же самой дивизии. Батальон влип, батальон духи, как гусят, расстреливают, а никто в батальоне не догадался вызвать вертушки, хотя в батальоне были и авианаводчик, и наводчик артиллерии.

Все было.

2

Сергеу Аксакова сорвали в Афган прямо со стрельбища. Кто-то отказался ехать. Очень редко, но и такое случалось. Кто-то отказался. Комполка приказал выстроить батальон и перед строем батальона:

– Майор Аксаков! Передать батальон начальнику штаба!

Сергеа в полном непонимании поглядел на своего начальника штаба Сашу Лаженцева. Тот с тем же чувством поглядел на Сергеу. А комполка опять:

– Передать батальон начальнику штаба и сегодня же пройти в госпитале медкомиссию. Вы убываете в страну с сухим и жарким климатом!

Прибыл Серега в один из уголков этой сухой и жаркой страны, а именно в Ташкурган, как и полагается, при всем параде, о котором говорят: «Сверху шик, а внутри пшик!», переждал, пока осядет пыль от винтов вертолета, и увидел замполита Костю Кравца.

– Товарищ майор, вы на третий батальон? – спросил Костя Кравец.

– На третий, капитан! – сказал Серега.

– Разрешите доложить, командир батальона в госпитале. Батальон готовится к боевым! Комната в модуле для вас приготовлена, баня натоплена! – доложил Костя Кравец.

– А сколько на термометре? – спросил Серега.

– Пятьдесят, товарищ комбат! – доложил Костя.

– Зачем же баня? – спросил Серега.

– С дороги, товарищ комбат, положено! – сказал Костя и уточнил: – Не помешает!

– Понял! – сказал Серега.

Комполка Седова Валерия Павловича на месте не оказалось. Серега представился в штабе полка, оформил документы, вышел из штабного модуля, и невольно залюбовался картиной – идет по пояс обнаженный, в сетчатых камуфляжных портах – козорезкой называются – и кроссовках на босу ногу книжный шкаф эпохи готики. За ним скромно, но с сознанием собственной значимости семенит пес. То, что пес редкой породы кабыздох, это сразу было видно. А вот то, почему он идет с таким значительным видом, это требовало осмысления. Серега осмыслил за секунду. Пошел Серега строевым шагом навстречу шкафу эпохи готики, как положено, два шага не доходя, вскинул руку к козырьку:

– Товарищ полковник! Майор Аксаков прибыл во вверенную вам часть для дальнейшего прохождения службы в должности командира батальона!

Шкаф эпохи готики проницательности Сереги не удивился, сказал:

– Якши! – и еще сказал: – Твой батальон сейчас на строевом смотре. Через двое суток – на выход. А ты пока давай ко мне. Что-нибудь привез?

Пришли к комполка. У него кондиционер. И он вызывает официантку. Вошла этакая гарна дивчина с Полтавщины. Сереге захотелось сбежать в поле за васильками и ромашками. И будь он у себя, в старом своем батальоне, он бы сбежал. А тут только огладил ее глазами, что, конечно, от комполка не ускользнуло. Она ушла. Серега достал то, что привез, то есть одну из двух разрешенных к провозу через границу бутылок водки. Комполка Седов поставил на стол две алюминиевые кружки. Официантка принесла две гречки с тушенкой и два ломтя дыни. Серега снова проводил ее взглядом, будто преподнес васильки с ромашками. Комполка Седов сказал:

– Их здесь четверо, – посмотрел на Серегу и добавил: – Все расписаны!

– Совершенно потрясающая женщина! – сказал Серега, объясняя себе слово «расписаны» в обиходном значении «расписаны в ЗАГСе» то есть замужние.

– Вот за них и выпьем! – сказал комполка Седов.

Серега плеснул по кружкам. Комполка Седов посмотрел на Серегу:

– Стоп, стоп, комбат! Я не понял! Наливай по-человечески!

– Так ведь жара, товарищ полковник! – сказал Серега.

– И что? – спросил комполка Седов.

– Понял! – сказал Серега и разлил бутылку.

Выпили. Немного, с достоинством, поклевали. Комполка Седов спросил:

– А еще что-то есть?

– Есть, но не дам! – сказал Серега.

– То есть, как не дашь! – не понял комполка Седов.

– Есть еще одна. Но она офицерам батальона, товарищ полковник! – сказал Серега.

Комполка секунду принимал решение.

– Правильно, – сказал он через секунду, достал из сейфа свою, сказал: – Разливай!

Серега, как и в первый раз, плеснул на дно. Комполка Седов засмурел:

– Мне кажется, ты, комбат, с первого раза ничего не понимаешь!

Так ведь жарница, товарищ полковник! – сказал Серега.

– И что? – спросил комполка Седов.

– Понял! – сказал Серега и разлил опять всю бутылку на две кружки.

– С прибытием, комбат! – сказал комполка Седов.

Выпили, немного поклевали. Серега встал:

– Товарищ полковник! Разрешите убить во временное, виноват, во вверенное мне подразделение!

– Отбывай, комбат! – махнул рукой комполка Седов.

– Это вам! – только и смог сказать Серега у себя в батальоне насчет второй бутылки.

Обещанная Костей Кравцом баня и особенно бочка с холодной водой в бане Сереге оченьгодились.

А потом пошла служба. Был Серега со своим батальоном единственным на всю провинцию Саманган, драли с него не только шерсть и не только подшерсток, а драли всю шкуру разом. Потому что Серега отвечал за все. Надо по плану не менее тридцати засад в месяц – Серега их делал по сорока и более. Надо охранить трубопровод с горючкой, идущий по провинции – Серега его охранял. Надо сопроводить колонны с грузом, так сказать, для мирного населения, Серега сопровождал. Надо выходить на блоки в горы, Серега выходил. Надо поить-кормить-лечить и агитировать местное население – Серега поил-кормил-лечил и агитировал. Надо мирить местные банды

– Серега мирил. Но чаще всего батальон участвовал в армейских операциях, порой даже километров за сто пятьдесят от места постоянной дислокации. Армейские операции, как правило, больших успехов не приносили. Духи о таких операциях оповещались заранее и, оставив заслон, уходили. Выматывали эти операции вусмерть. Выматывали своей безрезультатностью и бесполезностью. Серега своим бойцам доверял. Они у него, как требовал Суворов, маневр понимали. Но порой и сам Серега не знал, что, куда и как. Кроме его батальона, в провинции была еще масса советников, был отдельный батальон афганской милиции – царандоя. Советники были по партийной линии, советники афганской службы безопасности, советники царандоя, и была милицейская группа разведки. Они все жили отдельно от Сереги, на вилле, и, кстати, получали денежное довольствие на порядок, то есть в десяток раз больше Сереги, армейского офицера. Они все советовали, они собирали информацию, они разведывали. А работать приходилось Сереге. Играть в военную тайну с личным составом Серега не хотел и считал вредным. У личного состава головы были не только для ношения головных уборов. Потому часто кто-нибудь да подсказывал умное решение. Это при том, что данные всех советников и разведок часто были обыкновенной дезинформацией или ловушкой. Советники и разведчики были при этом, разумеется, не виноваты. Такие данные им поставлялись, потому что у духов тоже были и советники, и разведчики. И еще много духовских засланцев было в рядах афганской армии и афганской милиции. Случаев, когда информация была специально ложная, так называемая деза, было не сосчитать. И, наверно, не сосчитать, сколько на нее ловились.

Не сразу, но Серега дезу научился в большинстве случаев определять. Формула определения была проста.

– К начальству, если оно тут, надо подходить с прикладыванием руки к козырьку за два шага. А если оно не тут, то надо к нему подходить с умом! – гласила формула.

И он еще умел подпустить местным туману, создать ореол провидца. Для дела – очень полезная и нужная вещь. Собирал, например, Серега в кишлаке мужиков на площадь, садился на бэтээр – нога в люк – и начинал мужиков надвое сортировать – этот дух, его налево, а этот мирный, его направо. Отсортировывал исключительно точно. Естественно, молва в провинции быстро обрела очертания – комбат всех насквозь видит! А видеть их насквозь труда не составляло. Серега сажил в бэтээр бабая, который зуб имел на местных духов и которому Серега доверял. Бабай в триплекс глядел и, когда показывали духа, он Серегу дергал за ногу. Соответственно Серега прутиком показывал налево.

Банд вокруг Сереги, то есть вокруг Айбака было более ста, и были крупные, как у узбека Холуада, как у Сайфулло-хана или того же Дильмамата, который более трех лет водил всех наших советников за нос, обещая перейти на сторону народной вла-

сти, отчего Сереге был приказ его не трогать, он же преспокойненько всех трогал и снова обещал. Грохнул его Серега, чтобы не оставлять заменщику, первого мая восемьдесят четвертого, в последнем своем бою, как сам потом признался, без санкции комполка, и получил награду. Комполка сказал:

– Был бы хоть один двухсотый, пошел бы ты под суд, майор! А так, херачь до хаты, пока я добрый!

Крутился Серега со своим батальоном, дергался в одиночку, пока в провинцию не ввели сто пятьдесят четвертый отдельный мотострелковый батальон Игоря Стодеревского, по-другому, отряд армейского спецназа, позже названный Джелалабадским. Стало полегче. Относительно.

Но это было потом. Принял же Серега батальон и сначала подумал, что над ним, как над новеньким, решили пошутить. Построил он личный состав и начальнику штаба Мише Глухареву:

– Майор, это кто?

Косте Кравцу:

– Замполит, это кто?

Зампотылу Максусу Сергиенко:

– Капитан, это кто?

Всем командирам и старшинам рот:

– До утра привести личный состав в надлежащий вид! Постираться, почиститься, подшиться, в бане помыться!

– Свинью ночь кормить, к утру зарезать, чтобы сало было в семь пальцев толщиной и с прожилками! – буркнул Костя Кравец.

– Как с политической подготовкой? – спросил его Серега.

– Семь пальцев с прожилками, товарищ майор! – сказал Костя Кравец. Он же был боевой, а Серега был никакой, Серега был из Союза.

– Нарастить восьмой и без прожилок! – сказал Серега.

Наросло и срослось с батальоном не сразу, но быстро, после первых же боевых. И Костя Кравец, и начштаба Миша Глухарев, и – ну, все Сереге помогали. Хуже срасталось с начальством.

3

Комвзвода Виталик Селезнев погиб от своей пули. И это было не так, как на съезде пытался внушить товарищ Сахаров.

Виталик был мастером засадного дела и вообще он был прирожденным поисковиком-разведчиком. Он был отчаянным парнем, и у него был нюх. А нюх для раз-

ведчика – это все. Человек без нюха не разведчик при всех остальных многих данных. А засады для Виталика вообще были именинами.

По Айбаку протекала речка Саманганка и уходила в Ташкурганское ущелье. Вокруг Айбака, естественно, была зеленка, кишлачная зона. И естественно, кишела эта зона всякого рода духами, порой наглежащими до того, что начинали обстрел расположение батальона из минометов. Было решено провести полковую операцию. На организации взаимодействия в штабе полка Серега предложил:

– Для того, чтобы духам из Айбака не уйти ущельем, надо его перекрыть. У меня есть боец, прапорщик Селезнев, который знает это ущелье вдоль и поперек. Вы прапорщика Селезнева знаете. Я выделяю группу под его командованием. Вот здесь, в этом узком месте он устроит засаду. Прибудет он туда за полтора часа до начала операции и успеет оборудоваться. Плюс к этому – моя седьмая рота с началом операции выдвинется в непосредственную близость к месту засады с готовностью встретить духов, если того потребует ситуация. И прошу: предупредите всех, что вот здесь, вот в этой точке, будут мои. Они там будут в обязательном порядке. Всякие случайности исключены. Это прапорщик Селезнев. Предупредите всех. И просьба: обойдемся своими силами. Не надо привлекать царандой. Не надо никаких советников. Если без них нельзя, то не надо сегодня их об этом оповещать. Пусть спят. Утром поднимем их по тревоге.

– Да ты что, комбат, охренел, что ли, тут нам командовать! Операцию проводить буду я. Мне и решать, кого и как предупреждать! – побагровел начальник штаба полка.

– Так точно, товарищ подполковник! Но прошу... – сказал Серега и далее опять начал про то, чтобы советников и царандой с вечера не посвящать в план операции, а просто утром поднять по тревоге.

– Вон отсюда, майор! – сказал начальник штаба.

Фамилия начальника штаба полка была схожа с названием одной птички, которая сама по себе птичка и птичка и даже, если научить, то хорошо поет. Но в русском языке название этой птички в переносе на человека принимает уничижительный оттенок или что-то вроде оскорбления – этак: ну ты и... (эта птичка)! Данная вводная – просто к сведению.

В пять тридцать утра Виталик доложил:

– Занял боевые позиции!

В семь утра полк двумя батальонами с флангов и с царандоем в центре пошел. Серега со своим третьим батальоном слева, первый батальон справа. Перед каждым батальоном – инженерно-саперный взвод на бэтээрах. Духи занервничали, но по старинке прикинули, что уйти всегда успеют. Они же не знали, что русло Саманганки, по которому они обычно уходили, на этот раз перекрыл Виталик со своей группой. И вдруг командир саперного взвода первого батальона орет:

– Наблюдаю духов!

Сергея – ему:

– Спокойно, старлей. Я не наблюдаю!

И заорал начальник штаба полка, эта птичка:

– Квадрат такой-то! Духи!

Сергея – ему:

– Там моя группа, товарищ подполковник! Там моя группа, как условились вчера! Я же предупреждал! Посмотрите в системе расписания! Там моя группа!

– Иди ты на хрен, комбат! Какая твоя группа! Там духи! Они по нам открыли огонь! – уже блажно заорал начальник штаба полка.

А какой же огонь! Утро. Тишина. Слышно, как бараны в зеленке блеют. Сергей во все горло:

– В этом квадрате моя группа! Предупреждаю всех!

А в ответ истеричное начальника штаба полка:

– Уничтожить! Всем огонь по квадрату такому-то!

И тут же саперы из крупнокалиберных бэтээровских – та-та-та-та-та!

У Сергея сердце – кровью. Он:

– Бл..! Прекратить огонь!

И из группы Виталика – радио. Кричит сержант Акаев:

– Комбат, командир группы прапорщик Селезнев убит. Пулеметчик Петров убит!

Принимаю командование на себя!

И словно по команде, по этой стрельбе, духи поперли в русло. И по первому батальону – из гранатометов, по третьему батальону, по капе Сергея – из гранатометов и пулеметов. В бэтээр Сергея попадание. Бак пробит. Горящий бензин – струей. Вспыхнул второй бэтээр. То есть духи саданули по заранее известным им целям. Кто-то их предупредил. А кто предупредил! Сергей же просил.

И начальник штаба полка:

– Ну, комбат! Ты давай тут! Тебе лучше все известно! А я буду на связи с командиром полка!

И свалил.

Сергей знал, что свалит – потому что не первый раз. Так же было в Кокджаре. Первого января восемьдесят четвертого в городе Мазари-Шариф духи похитили автобус с нашими советниками – двадцать восемь, кажется, двадцать восемь человек. Была поднята вся 40-я армия. Каждому подразделению была поставлена определенная задача. Батальону Сергея было поставлено блокировать кишлак Кокджар, на котором сходились три ущелья. Начштаба полка пошел с батальоном Сергея командиром. Как положено в таких случаях, батальон без брони высадили на горы по сторо-

нам от кишлака с вертушек, а бронегруппа с царандоем пошла своим ходом. Кишлак проверили. Батальон с гор спустился. Пришел приказ возвращаться. Батальон только втянулся на горную дорогу, то есть червяком по ней растянулся, как в этого червяка вцепился местный петух, да так вцепился, что головы от его огня не поднять. Ключул он плотным огнем с обеих сторон ущелья. Попадание в один бэтээр. Следом еще в один. Танк едва с дороги не сверзился – гусеница пополам. Оттуда доклад – есть двухсотый. Отсюда – есть двухсотый. Там – два трехсотых. Тут – целых три.

Начштаба полка:

– Все бл..! Принимай батальон, комбат! Принимай решение! Я – на связи с комполка!

А как его принять, когда – поливают с двух сторон, как дождем. Два бэтэера подбиты, один завалился от прямого попадания гранатомета. Танкисты попытались гусеницу сцепить – а по ним крупнокалиберным тум-тум-тум-тум. И в черепушке у Сереги: «Что? Ну, что? – секунда. И о начальнике штаба полка: – Какого хрена лез! – и следом: – Это на хрен никому не нужно. Отвечаю-то за батальон я! – еще секунда и еще секунда, и еще. И вдруг: – А вот же как и вот как, и вот как! – и в черепушке прояснело. Серега принял решение. Как у товарища Сталина на съезде: «Цели намечены! Задачи определены! За работу, товарищи!» – Так и у Сереги:

– Я командир батальона майор Аксаков! Слушай мою команду!

А на высоте положения был тот, кто тащился в хвосте. Это не восточное иносказание, при котором восточный поэт прославляет того, кто «выводит утреннюю зарю и ночь делает покоем, а солнце и луну – расчислением времени, кто устроил на небе звезды, чтобы человек мог находить путь во мраке суши и моря, кто изводит живое из мертвого и мертвое изводит из живого, кто низвел с неба воду для роста всякой вещи, кто вечен, и всякая вещь гибнет, кроме его лика». Краткое имя ему – Аллах. Таков восточный образ стихотворного мышления. А при упоминании того, кто был на высоте положения, пребывая в хвосте, конечно же, имелся в виду зампотех, заместитель командира батальона по технической части Коля Жаворонков, позывной «Крюк». Его задачей было вытаскивать из-под огня все, что подбито, все, что само передвигаться не может. Из-под огня – это когда в тебя садят из всего, что имеется на вооружении у противника, в данном случае, у духов, а тебе в ответ даже из табельного оружия для собственного успокоения пукнуть некогда, потому что твоя задача – вывести технику из-под огня. Подбит танк, раскорячился на дороге. Каким-то невысказанным образом не срывается в пропасть и обходит его тягач. Выскакивает из тягача боец, конкретно в описываемом случае был прапорщик Усманов. Встает он перед тягачом и командует: «На меня! На меня! Еще на меня!» – чтобы тягач подошел для зацепа тросами. Только и успеваешь прапорщик пару раз руками махнуть: «На меня! На меня!» – как полу-

чает очередь в спину. Водитель тягача видит, что командир упал, вываливается из люка, чтобы его подобрать. Его самого – очередью. А зацепить тросы надо. И тягачом управлять надо. То есть сначала к тягачу пробиться надо. Вот это дело «Крюка», Коли Жаворонкова и его ремонтного взвода.

На разборе же операции – комполка Седов:

– Грамотно по управлению батальоном действовал начальник штаба полка!.. – и далее соответственно тех, кто действовал не грамотно.

Начальник штаба полка пунцовеет, как юный пионер, впервые нечаянно увидевший краешек бюстгалтера пионервожатой. И вроде не скажешь «Кому война, а кому мать родна!» Так же выходил начштаба на боевые, так же мог схлопотать мину под задницу или пулю в лобешник. Но орден-то через некоторое время зацепился на груди у него, а не у Сереги, не у комбата Аксакова. Комбату Аксакову вроде не за что было об орденок мечтать. Служить надо лучше. А то вон потери на трубопроводе по шестьдесят тонн за ночь!

– Комбат! – крик из штаба армии. – Ты что, комбат, совсем мышей не ловишь? Ты что, комбат, совсем решил на службу конский с прибором положить? Ты нас совсем за собачий хрен не считаешь?

Серега в ответ:

– Не понял вас, товарищ полковник! – он и на самом деле не понял, за что ему приписывают такие почетные деяния.

– Под трибунал, бл., пойдешь, майор! Он еще не понял! У него потери шестьдесят тонн за ночь, а он не понял! Снимай погоны, майор! – кричит штаб армии.

Первое время у Сереги было по пяти-шести, а то все восемь диверсий на трубопроводе за ночь. Трубу, работу трубопровода обеспечивал трубопроводный батальон. Перекачивающие станции стояли каждые примерно двенадцать километров. Трубопроводные отделения базировались чаще. Отчаянные были ребята. Ночь, подрыв. Давление в трубе тридцать атмосфер, факел метров на пятьдесят. Им надо все это ликвидировать. Да еще мины на подходе к подрыву духи, уходя, поставят. Им надо ликвидировать. Сереге надо их охранить. Но самое главное – трубу надо от диверсий охранить. Но как трубопроводчики своих на каждый метр трубы не расставят, так и Серега свой батальон вдоль нее не выстроит. Отсюда задача – надо отучить духов от трубы. Очень в этом плане поработал Виталик Селезнев со взводом. И очень в плане добывания сведений от местных поработали замполит Костя Кравец и сам Серега. К концу срока пребывания Сереги в Афгане на трубе в его провинции бывало так, что дня четыре вообще не было никаких диверсий или были один-два подрыва в месяц. Мелкие хищения, когда придет бабай с каелочкой, были. Бабай тихонько дырку пробьет, чомбик в дырку вставит и снова придет ночью, арычок в глине метров

на семьдесят от трубы сделает, чомбик вытащит и потом черпает из ямки керосин в жестяные емкости типа наших пайв, с какими на севере за ягодой ходят. Погрузит таких пайв шесть штук на верблюда и понесет в горы или на базар. Усердие Виталика во искоренение диверсий с подрывами таким бабаям стало во благо – тырят себе потихоньку. А из штаба армии:

– Погоны снимем! Под трибунал сдадим! Опять шестьдесят тонн потери за ночь!

Не мог бабай шестьдесят тонн за ночь из трубы выкачать. Местные показывали: «Вон тот утром верблюда повел!» – Но это сто двадцать литров. А штаб армии тычет Сергею в нос, на хребтину ему вешает шестьдесят тонн.

– Виталик, прапорщик Селезнев! – вызвал Серега.

– Понял, товарищ майор! Сделаем! – взял под козырек Виталик и через пару ночей приходит: – Разрешите обратиться, товарищ майор! Вот такие данные! – и выкладывает с десятков случаев, когда офицеры и прапорщики трубопроводного батальона в местных дуканах покупали аппаратуру фирмы «Сони», дубленки, джинсы фирмы «Монтана» и «Вранглер» и прочую атрибутику несоветского образа жизни, для покупки которых разве что всем батальоном Сереги скинуться и то может не хватить. На Родине поговорка: «Если женщина в «Монтане», значит, муж в Афганистане!» А здесь таким, как Серега, на сию «Монтану» – только погляд.

– Так! – схватился Серега за данные.

Ночью Виталик со своей группой за полтора километра до одной перекачки снялся с брони, тихонько подошел – так и есть, заправляются два наливника! Виталик – радио. Серега – ему:

– Блокируй! А я сейчас с дежурной группой и еще кое с кем брить их буду!

Виталик броню подогнал, сходу прожекторами в наливники уперся, поверх их трассером прошел:

– Ложись, сволота, пока сугубо другую альтернативу не показал!

Замкомроты, командир перекачки, прапорщик, несколько духов – вот такой улов. Вот откуда на бабе «Монтана». Один наливник – двадцать кубов, двадцать тысяч афгани. Это в два раза больше, чем Серега, командир батальона Аксаков, получил за два года.

Такая арифметика войны.

К такой арифметике – еще такой деликатный момент.

Война без преступников, без мародеров, насильников, без всего подобного сброд не бывает. Считается, что особенно отличаются в этом отношении армии в период отступления – действует приказ ничего не оставлять и тем самым ослаблять врага, и действует психология, я-де голодный и холодный, я под пулями, а вы тут в тепле врага дожидаетесь! Но сейчас о другом. Сейчас о том, что у духов была масса обмундирова-

ния китайского производства – зимние куртки на меху и синтепоне, спальные меховые мешки, одеяла, кроссовки. Все это было легким, удобным, теплым, непромокаемым. У нас же были ватные бушлаты и штаны да сапоги-кирзачи, которые в горах – просто смерть. И как тут не то чтобы соблазниться, как тут не подчиниться инстинкту самосохранения, не прихватить по случаю и куртку, и кроссовки, и спальный мешок или одеяло. И как тут не натолкнуться на мысль о какой-то идеологической, мягко говоря, недоработке. Если уж о русском солдатике мало когда кто заботился из высоких сфер, ибо было всегда в высоких сферах убеждение, что солдатиков «бабы еще народют!», то хотя бы позаботились о себе. В том плане хотя бы позаботились о себе, что в данном случае идеология: «Советское, значит, отличное!» – срабатывает наоборот. «Советское, значит, отличное!» – это в данном случае может обозначать только то, что советское отличается от несоветского в худшую сторону. Вся Красная Армия от рядового бойца до министра обороны быстро просекла, что в условиях Афгана и его горной войны солдатик должен быть обут в те же кроссовки. Скалолазы, правда, говорят, что лучшей обувью для скал являются наши советские глубокие галоши, которые очень полюбили наши старушки в деревнях, и которые для скалолазания открыл легендарный скалолаз Миша Хергиани. Афганцы, кстати, эти галоши тоже оценили. Половина Афганистана ходила если не босой, то в наших глубоких галошах. Но сейчас речь о кроссовках. Всякий из наших солдатиков и командиров, если имел такую возможность, бежал покупать их, кстати, китайского производства, в ближайший дукан. Но никто в высоких сферах и пальцем не пошевелил, чтобы обеспечить сими изделиями обувной промышленности наш ограниченный контингент. Говорят, перед Великой Отечественной в верхах нашей армии бытовало выражение: «Нам на Эльбрусах не воевать!» – в связи с чем верхи совершенно не заботились о подготовке горнострелковых подразделений – им же, высоким сферам, действительно было там не воевать. Из этого они и исходили. Так же, вероятно, думали перед Афганистаном, так же думали перед Чечней.

– Сережа, ведь духи экипированы были по последнему слову науки! – это Володя Ломаков уже о Чеченской. – А на наших десантников, на эту нашу пацанву, страшно было смотреть. Бушлаты и так-то на пять кэгэ тянут. А тут, промокшие, тянуть на все двадцать пять. Кирзачи рваные, к ногам примерзли. Их без ножа не снять. Разрезали – а у некоторых пальцы уже черные. Их только ампутировать. И таких посылают на задачу!

И питание. Было оно таким, что на боевых питались лучше. Там барана подстрелят или телка прижучат, в садах и виноградниках, в кишлаках чем-нибудь разживутся. Был строжайший приказ на этот счет – никаких реквизиций, никакого мародерства, советский солдат есть эталон морали и идеологического воспитания. Приказ был правильным. Однако еще правильнее было его обеспечить. А у нас, кроме разве что вооружения, все было в дефиците, включая бумагу, книги – да все.

Тоже арифметика войны и даже ее зеркало.

Шел Серега колонной. Наткнулись на разбитый духами караван. Горят машины-бурбахайки с товаром. Видно, не успели духи все забрать. Лежит разбитый ящик изюма. Лежит и изюмом прямо светится – такой изюм чистый, такой манящий. К нему подбирается огонь. Серега слюну проглотил, глаза отвел. А бойцы слюну проглотить не могут, глаза отвести не могут – украсть не грех, а сторит – грех. Серега отвернулся. А бойцы – ящик на бэтээр и тут же изюм до отказа в рот. Минута – и не было бы изюма. Но один нагреб в каску про запас. Серега не видел. Он подождал, прикинул, что изюма уже нет, и строго:

– Ну-ка, орлы, иди сюда! Где изюм?

Он же думал, изюм уже по кишочкам к заднее-проходному отверстию путешествует.

Бойцы-орлы:

– Какой изюм, товарищ майор?

А этот с каской:

– Вот, товарищ майор!

Серега в душе его ласково – матом, бойцам же орлам команду:

– Уничтожить награбленное!

Орлы ямку выкопали, взвод выстроили. Изюм в ямку зарыли, салютом в воздух пальнули, поплакали. Душевно получилось.

Воровали, тащили в духан и у Сереги в батальоне. Тащили все – автомат и грязные порты товарища, продукты питания, мыло, патроны. Тащили все, что подвернется под руку. И не только бойцы тащили. Серега с Костей Кравецом идут по расположению, заходят в автопарк. А полдень. Жар одуряющий. Жар давит. В автопарке дежурный приткнулся в угол. Проходят Серега и Костя мимо, вдруг слышат в этом давящем жаре некий разговорчик. Говорят старшина хозвзвода и батальонный фельдшер.

– Да ты не писай кипятком, как девочка в детсаде! Все будет... не в первый раз! Тебе же афошек отвалим – зашибись! Домой привезешь бабе – до самой старости давать будет без отказа! – говорит старшина.

– Я не могу разрешить использовать санитарную машину не по назначению! – робко возражает фельдшер.

– Да не строй из себя девочку! Я не знаю, что ли, что ты в ней развозишь по духанам! Я все знаю! – говорит старшина.

– Я ничего и никого в ней без разрешения комбата не вожу! – опять боится прямо отказать фельдшер.

– А я от кого? Я от комбата тебя и прошу. С ним согласовано. Он что, он к тебе прямо так подойдет: «Ах, товарищ военфельдшер!» – С ним согласовано. Погрузим

сейчас, а ты скажешь, что больных повез в госпиталь. Никто проверять тебя не станет! Афошек же отвалим – ты за всю жизнь столько в Союзе не замантулишь! И смотри. На боевых всякое бывает! Чтобы отсюда живым вернуться, надо здесь жить: «Ты мне – я тебе!» – насаждает старшина.

Сергеа – за пистолет. Костя Кравец его – за руку:

– Стой, не так!

И был прав Костя. Если – так, если сейчас старшину арестовать, разборки и позора на батальон будет до самой замены, да еще в Союз уйдет характеристика с соответствующей припиской. Армия и война – дело тонкое.

– Он же моим именем прикрывается, сволочь! – в злобе шипит Сергеа.

– Он тебе подсказку дает: на боевых, – Костя нажимает на слово «на боевых», – на боевых всякое бывает!

– Он же хозвзвод! Он на боевые не ходит! – в своем кипении не сразу понимает своего замполита Сергеа.

– Пусть теперь ходит! – говорит Костя.

– Ну, замполит! – шипит Сергеа и кладет пистолет в кобуру.

Через час писарчук стучает на машинке приказ по батальону о выходе на боевые всем без исключения, включая и самого писарчука. Утром на построении приказ зачитывается. Вечером на построении комхозввода докладывает об отказе старшины приказ исполнить. Сергеа пишет на старшину определенную характеристику для откомандирования старшины в Союз.

– Красивая и бескровная операция, товарищ майор! – говорит Костя Кравец.

– Полководец! – восторженно говорит Сергеа.

4

– Совершенно потрясающая женщина! – сказал Сергеа командиру полка Седову об офицантке.

Всего несколько дней назад они с майором Васей Герасимчиком и тремя девушками просаживали последние рубли в ташкентских ресторанах. И не должен бы вроде Сергеа за это время одичать. Но если кто-либо захочет проверить мужчин, пусть отправляет к ним женщину – одну женщину в мужской коллектив. Обратная проверка – мужчины в женском коллективе – за небольшим исключением, невозможна. А проверка целого скопа мужчин посредством одной женщины дает прямое попадание.

В санатории Сергеа столкнулся с парочкой. Он занимал хорошую должность в штабе округа. Она была его начальником штаба, в том смысле начальником, в каком военные называют своих жен. Сергеа увидел – она ему мстила всю жизнь за то, что

она была смолоду некрасивой, что никто на нее в молодости не обращал внимания, а он обратил. Она вышла за него сразу же. Но сразу же стала думать: «А, ты мог жениться на другой. Но ты женился на мне. Значит, ты что-то темнишь, прикикериваешься, благородного корчишь, интеллигент хренов! А рыльце явно у тебя в пушку!» – Она видела другие пары и им завидовала. По ее, другие пары были красивые, а она со своим кикерой – нет. К старости она забыла, что была некрасивой, потому что некрасивыми стали и те пары, кому она завидовала. Она стала думать, что у нее могла бы быть другая жизнь, если бы этот кикера на нее не обратил внимания. Она стала считать, что он изломал ей жизнь.

– Вот, Сережа, какие бывают люди! – говорила она про мужа.

– Да что вы! Муж у вас замечательный! – искренне восклицал Серега.

– Замечательный – это вы! Будь я ваших лет, я бы все сделала, чтобы вы на мне женились! – говорила она.

– Да! – искренне смеялся Серега.

Женщину можно проверить только один на один. И замечание комполка Седова, что все женщины расписаны, не трудно догадаться, имело другой смысл. Этот смысл исходил из понятия «боевое расписание», означающее прикрепление того-то к тому-то и так далее. По этому расписанию выходило, что женщины в полку были у самого командира, у его заместителя по политчасти, у второго заместителя по политчасти, занимающегося спецпропагандой, то есть работой среди местного населения, и одна женщина была ничья. До этого она была женщиной заместителя командира полка по тылу. Он заменился. По традиции, она должна была достаться новому зампотылу. Но она ему отрезала. Комполка Седов вписал ее в расписание для простоты понятия. Не объяснять же было новому комбату в парадном мундире всю сложность положения зампотыла, не позорить, так сказать, честь полка.

Через полгода у Сереги был случай.

Батальону выпало обниматься с вышеупомянутой трубой на самом перевале. Женщин там был полный ноль. Для того, чтобы не забыть, как она выглядит, как-то даже собирались соорудить на плацу чучело.

По поводу благоустройства страдать не приходилось. Серега человеком был скрупулезным. Землянки, баню, сортир, кухню, капониры для техники, то есть весь культур-мультир был у него в самом лучшем виде, за что, само собой, Серега от командования получил особую благодарность:

– Лучше бы за трубой следил, майор. А то банька-манька, сортир-мортир, понимаешь. А труба... – выговорило начальство.

И ведь видно было по рожам – отставить! – видно было по выражениям их лиц, что нравятся им такое убластроение, нравятся такое хозяйство. Но начальство –

ничего не попишешь. Труба трубила у Сереги исправно. Два-три подрыва в месяц вместо бывших семи в сутки – это воробьиный чпок, он же чих. Но начальству – надо. Начальству дело святое – обругать. Откуда это повелось в Красной Армии – один всеведующий и вездесущий, свет небес и земли Аллах знает. И если это осталось атавизмом от старой армии – хотя данная вводная является вернее всего дезой, но если это повелось от старой армии, тайным образом минуя все бдительнейшие революционные кордоны, то увы Красной Армии. Если там, в той армии, это все было, то там оно было в соответствии с устройением старого мира. А в Красной Армии оно повелось под прямым углом к новому, фланговому ударом по красному, коммунистическому мироустройству. Выходило, что в Красной Армии отцы-командиры не являли собой пример для подражания, как то следовало. «Хочешь сладко есть и пить, быть к начальству ближе? Держи попу высоко, голову пониже!» – стало уставным принципом в Красной Армии. Впрочем, теории, этики и эстетики – это дело Кости Кравца. У него: «В.А. Штоф под моделью понимает такую мысленно представляемую или материально реализованную систему, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте». А ведь был Костя боевым замполитом батальона пехоты.

Случай был такой. Серега – на трубе, хозяйство у него в полном порядке, начальство матерится, но матерится в поощрение. Ажур у Сереги и абажур. Даже министерская проверка всей дивизии удовлетворительную оценку поставила, поглядев на батальон Сереги. Всей дивизии министерская проверка – гнутошею лебедицу вывела и спросила, ну-де что еще посмотреть, где еще желчи перед отъездом в кровь брызнуть. Она спросила и сама же ткнула пальцем в карту: «А вот тут, на перевале, третий батальон такого-то полка стоит. Вот где оторвемся по полной программе!» Приехала, проверила, посмотрела и комдиву сказала: «Если бы не этот комбат...»

Вот так. Если бы не комбат-три...

А все-таки Сереге в батальоне чего-то не хватало. Уже полгода не хватало. Молодым, кто пока в это дело не втянулся, оно без этого было терпимо. А Серегам, которые это дело познали, оставаться вот так, без этого, несмотря на круглосуточную загруженность по той же, скажем, трубе, по тем же, скажем армейским операциям, по тем же плановым засадам, Серегам это до скуловерчения в глазах было надо. И Серега за эти полгода прибурил так, что готов был в горе кое-чем пещеру сверлить.

В такое его и его товарищей офицеров состояние в вечерок под новый год радио принесло приказ закрыть перевал до утра.

– Закрыть на хрен, и чтобы ни одна благодать не прошла! Ты понял, комбат! – принесло радио, конечно, принесло с некоторыми замененными в нашем тексте словами.

Серега перевал, конечно, – на хрен, то есть группы на броню по обе стороны и

еще дополнительные посты. Перед застольем он еще с Мишей Глухаревым лично все проверил, личный состав в наступающем восемьдесят третьим поздравил, успехов и скорого возвращения домой пожелал, ну, сказал потом, можно в моей землянке и маленький, скромный, но достойный стол накрыть. Плохо было, что замполит друг Костя Кравец пребывал с гепатитом в госпитале. Но стол-то все равно следовало накрыть – тем более, что он и без Сереги был накрыт и накрыт поваром так, что ах, потому что повар у Сереги был из одесского ресторана. Его неоднократно пытались выкрасть соседи, а командир эскадрильи вертушечников Валера Шувалов предлагал дать за него двух гарных дивчин из своей столовой. Без дополнительной вводной ясно, что Серега не соблазнился, честь пехоты не уронил.

Только расстегнулись втроем – сам Серега, начштаба Миша Глухарев и зампотех Коля Жаворонков – только глазами на стол блеснули, как врывается дежурный комвзвода и с криком: «Женщина!» – едва не падает замертво.

– Ты что, лейтенант, Устав забыл? Какая женщина! – соединил Серега от такого явления несоединимое, то есть Устав вооруженных сил Советского Союза и женщину.

– Наша советская женщина! Разрешите доложить, товарищ майор! – на последнем издыхании вошел в службу дежурный комвзвода.

«Ну, все. Началось. Горная болезнь. Цинга. Галлюцинации!» – подумал Серега и подумал не про дежурного комвзвода, а про себя, не у него ли самого началось, только началось не от горной болезни, конечно, а от той самой голодухи.

– Не понял лейтенант! Доложи по всей форме! – чтобы проверить себя, посуровел Серега.

– Разрешите доложить, товарищ майор. Там наша советская женщина хочет... – докладывает дежурный комвзвода и опять ладится упасть замертво.

От сочетания слов «женщина» и «хочет» Серега получает своего рода контузию.

– Доставить сюда! – приказывает он, совершенно зная, что доставлять некого, что кругом сплошная галлюцинация.

– Есть доставить! – воскресает дежурный комвзвода и через минуту являет Сереге и всему честному земляночному народу некое чудное видение, слегка припорошенное крупными снежинками.

– Товарищ майор! Разрешите обратиться? – вскидывает чудное видение руку к армейской шапке.

– Вы кто? – с полным политесом, то есть, сам себя не понимая, строго спрашивает Серега.

– Товарищ майор! Та вы же ж у комполка были, як прибыли до Ташкурмана! Я же ж вам на стол накрывала! Помните? Я официантка Жанна! – улыбается чудное явление в армейской шапке.

– Вот так хубости чатурости, хараста бахарости! – поглупел своим васильковым взором Серега, и в том смысле хубости чатурости, что означают они по-местному примерно «Здрасте вам!» только во всех восточных изысканностях и без глупого василькового взора. И еще в том смысле хубости чатурости, что Сереге было известно – это чудное явление в армейской шапке, то есть официантка Жанна, оказалась не расписанной, то есть при всех армейских традициях и при всех потугах нового запотылу она осталась свободной. Сказал Серега себе восточные изысканности, в смысле «Здрасте вам!» и взбугрился телом и душой.

– Жанночка! Да давайте к нашему столу! Да вы же просто снегурочка из сказки! Да вы нам такой подарок сделали! – взбугрился Серега.

– Спасибо, товарищ майор! Но мне надо дальше ехать! А вот ваш дежурный комзвода не пускает! – вся в лучах чинопочитания отвечает Жанночка.

– Куда же дальше, Жанночка! Никуда мы вас не отпустим! Приказ всех задерживать, никого не отпускать! Да мы и без приказа вас не отпустили бы! – задохнулся от своего бугрения Серега.

– Нет, что вы, товарищ майор! Мне надо срочно ехать! – еще не верит Жанна.

– Никуда не поедете, Жанночка, у меня приказ. Но мы и без приказа вас никуда не отпустили бы! – талдычит Серега и от бугрения переходит к обаянию.

– Нет, ехать надо, товарищ майор! – щечечет Жанна.

– Нет – приказ! Но мы бы – и без приказа! – обаяет ее Серега.

И до Жанны доходит, что Серега при всем своем обаянии есть похотливый самец. До нее доходит, что он ее действительно не отпустит. Она сначала, как и полагается женщине, переходит в короткий женский плач, а потом быстро меняет его на приказной тон, мол, у нее приказ сегодня же прибыть туда-то, и за препятствие приказу Серега ответит по всей строгости перед самим командующим армией.

– Вы что себе позволяете, майор! – совершенно грамотно, по-начальнически по-лыхнула она на Серегу гарным своим взором.

Серега ее слушает, васильковым взором ее ест, но, как снулая лошадь, и ухом не ведет. Он готов для нее сейчас подвиг совершить – восторженный человек Серега, восторженный и галантный. Он смотрит на Жанну. Он практически ею уже овладевает. И в это же время он готов ради нее на подвиг. Он готов ради нее даже на большее, чем подвиг. Он готов для нее на все, что угодно. Вот каков человек Серега. Но еще он человек скрупулезный. У него приказ.

И Серега говорит:

– Нет, милая барышня! До нового приказа вы останетесь здесь!

И остается Жанна в расположении батальона до утра. И садится она за новогодний стол из одесского ресторана со спиртом и густой галантностью во главе. И видит

она в этой густой галантности, что быть ей сегодня в постели у этого галантного майора, видит, ужасается. Но с каждым глоточком спирта, с каждым витиеватым тостом для нее, с каждым этаким, к месту, анекдотом, она ужаса своего по частичке теряет. Она с каждым таким моментом как-то этак уже смотрит на Серегу, мол, да сколько же можно, когда вон он какой, этот непреклонный майор! И еще она думает – куда бы она ночью на своем одиноком бэтээре, который подстрелит даже слепой, если бэтээр до того на мину не сядет! И начинает она ужасаться другому. Не серегиной постели начинает она ужасаться. А в дрожь даже через туманность в своей красивой головке она приходит от мысли, что могла бы запросто попасть в плен. И видится ей Серега спасителем, и пропитывается она к Сереге благодарностью.

А Серега в это время наливался уверенностью – ничего-де, повыведелывается, но сдастся. И еще наливался Серега сомнением. Сдастся – это само собой. Но сдастся кому? Кого она выберет из троих, кто ей больше по душе приходится?

Все за столом ажурно-амурно, все за столом превосходно. Но ест Серегу сомнение. И, ест оно его боевых товарищей. Война. И Серега на этой войне начальник. Только он глазом моргнет – в миг боевых его товарищей в землянке не станет. У него уже картинки в голове закрутились, как все будет, когда он вдвоем с Жанночкой останется. По нему уже судороги пошли. Его зазнобило, как лосося перед икрометанием. Но он представил, как будет его мужикам лежать за стенкой. Он представил, как будет утром по-мышинному шнырять глазами от их глаз, как они будут избегать его мышинного взгляда.

– Ладно, – сказал Серега. – Ладно, ребята! Завтра, то есть уже сегодня, службу править. По коням! То бишь – по топчанам! Я ночую у вас!

5

Молодым, оказывается, женщина не менее была нужна, чем Серегам.

Только в батальоне узнали, что появилось чудное видение официантка из офицерской столовой полка Жанна, так сразу же все молодые, весь личный состав, кроме тех несчастных, кто в такой миг оказывался в нарядах и караулах, встал на уши.

Да! А мы за всем этим волнением забыли сказать, что Жанна каким-то невероятным образом упростила комполка Седова отпустить ее на один день в отпуск к жениху в соседнюю часть. И остается вопросом, как тот пошел на это, как он отпустил ее одну. Как Бог ее уберет, как невредимой донес до Сереги – это другой вопрос. Как Бог велел перевал закрыть – это тоже другой вопрос. Как она, влюбленная дура, кинулась – это вообще не вопрос. Но как он ее отпустил! Любовь – любовью, жених – женихом. Но война-то – без расписания. Их с водителем прихватить могли на каждом метре.

Слава Богу, обошлось, и утром она Серегу в благодарных слезах целовала, сквозь влюбленные сопли говорила, что век не забудет этого Сереге – и что не пропустил, и что не тронул.

– Ну что вы, сударыня! – сказал Серега.

А накануне того, вечером, пока Серега старался без привычного матерного командирского доказать Жанне, что дальше его батальона ей ничего не светит, молодые времени не теряли. Они от чудного видения впали в некое состояние, при котором им вернулся атавизм в виде приказа номер один Петроградского совета солдатских депутатов от первого марта семнадцатого года. Они создали делегацию нижних чинов и заявили к Сереге. Серега, Миша и Коля это чудное видение Жанну на табуреточку усаживают, глазки ей промокают, носик вытирают, спиртик подносят, барбарисовую водичку пододвигают, а делегация, вся отглаженная и начищенная, в дверь стучит, и ее депутат, то есть аманат, или как точнее сказать, ее полномочный представитель сержант Акаев с полной, не присущей атавистическому приказу номер один, субординацией являет:

– Товарищ майор! Разрешите обратиться!

– Обращайтесь! – довольно принапрягся от такого явления Серега.

– Товарищ майор! Приглашаем вас всех на концерт художественной самодеятельности! – лупит глазами Серегу и одновременно косит на Жанну сержант Акаев.

– Какой самодеятельности? – еще более принапрягся Серега.

– Художественной, товарищ майор! Силами личного состава батальона по случаю Нового года подготовлен концерт художественной самодеятельности! – ест одним глазом Серегу, а другим обаяет Жанну сержант Акаев.

И вся делегация во тьме задверного пространства, как волки в ночи, глазами на Жанну блещут.

Конечно, пришлось Сереге со товарищи пойти за своими подчиненными. Пришли они в столовую, где собрался концерт, и Серега глазам своим не поверил: весь личный состав вымыт, выбрит, подшит и начищен! «Где Аллах и где сто сорок семь пулеметов!» – в душе восклицает Серега. И причина воскликнуть была. При таком обороте Серегу можно было с комбатов снимать и командиром батальона назначать Жанну. Все ведь для нее преобразились. Серега сразу это понял. И Жанна тоже поняла. А концерт – ёкарный бабай! Концерт личный состав батальона закатил такой, какой к Дню Советской армии двадцать третьего февраля в Центральном Доме Советской армии не закатывают! Ладно, там, пели. Так ведь акробатические этюды стали исполнять, танцы показывать и стихи читать! Рядовой из ремвзвода Киплинга давай шпарить: «Когда похоронный патруль уйдет, и коршуны улетят, приходит о мертвом взять отчет мудрых гиен отряд...» – говорит, что стихотворение об Афгане времен британской оккупации! Хрен с ней, там, британской оккупацией! Им-то, во-

инам-интернационалистам эту панихиду для чего! Но закатили ему овацию – потому что читал стихотворение, и потому что была Жанна. Сержант Акаев кинулся в какой-то дикий самотряс, объявив его лезгинкой. А Виталик Селезнев отмочил матросское яблочко. И тоже – не объяви это яблочко заранее яблочком, смело можно было принимать Виталика за зулуса, наконец-то, загнавшего в силки козу. И им тоже закатили овацию, потому что была Жанна.

А она вся была такая, она понимала, что все было устроено только для нее, что прикажи она сейчас – батальон снимется ее провожать, куда там ей надо, батальон кинется на подвиги. Она понимала, что сейчас она – центр Земли, сейчас – она императрица!

Вот такая Жанна пришла после концерта к Сереге в землянку, такая она, говоря мужским языком, пришла вся разогретая, да потом еще под спирт-мирт слушала в свой адрес вдохновеннейшие тосты да была прожигается огненными взглядами – ну, сколько бы у нее хватило сил сопротивляться!

Но посидели, и Серега сказал:

– Ладно, ребята! Завтра, то есть уже сегодня службу править. По коням, то бишь по топчанам! Я ночую у вас! Жанночка, спокойной ночи!

Костя Кравец говорит, а он, как учение Маркса, всегда говорит верно, – так вот он говорит: «Все, что пропито с друзьями, никуда не пропадет, в страшный час из страшной ямы оно вынет и спасет». – К событию с Жанночкой данная аксиома отношения не имеет. Была Жанночка, благодарными сопельками Серегу опутала и отбыла в необходимом направлении. Зато другое событие подобного рода вынуло и спасло Серегу. Оставил он свой третий славный батальон сто двадцать такого-то славного полка по замене и решил на экзамены в академию, где его резонно спросили:

– Ви хайзен зи? – то есть, как-де вас зовут.

Оно, естественно, между арийским народом немцы и арийским народом афганцы есть много общего – по крайней мере, в большинстве своем они оба принадлежат к индо-европейской языковой семье, как, впрочем, и мы, арийский народ славяне. Но много общего – это не значит, что Серега на экзамене по немецкому языку мог воспользоваться десятком знакомых афганских слов или всею мощью великого и могучего русского языка или его составной частью, именуемой командирским матерным.

– Ви хайзен зи? – резонно спросили его.

А он стал резонно молчать, потому что в Афгане таких вопросов не наблюдалось. В Афгане за трубу спрашивали, за провинцию Айбак спрашивали, за плановые засады спрашивали, за идейно-политическое состояние бойцов спрашивали – далее кто что придумает, за то и спрашивали. А вот так резонно: «Ви хайзен зи?» – никто не спрашивал. И Серега резонно стал молчать.

– Ну, что же вы, товарищ Аксаков! – понудили его спрашиватели, кстати, все, как на подбор, женского пола.

Поднял на них Серега свой васильковый взгляд и с достоинством ответил:

– Я думаю!

И был прав Серега, потому что два года назад, прибыв в Ташкент и ожидая отправки, они с майором Васей Герасимчиком бездарно и тускло не пропивали последние рубли где-нибудь за углом пересылки. Нет. Они восторженно приглашали ташкентских девушек в ресторан и – заметьте – приглашали без какого-либо умысла о том самом, что обычно всплывает в воспаленном мозгу некоторых озабоченных. Они галантно, как подобает офицерам Красной Армии, познакомились во время гулянья по Ташкенту с тремя хорошенькими девушками, пригласили их в ресторан, пообщались, потанцевали, проводили домой, взяв, разумеется, номер телефона, а потом профессионально, по-пехотному, пошлепали до своих зеленых ворот с красной звездой. Вернулся Серега через два года в Ташкент, позвонил, пригласил – и оказалось, что у одной из тех девушек тетя принимает в Академии экзамен по иностранному. Она-то и была одним из спрашивателей у Сереги того, что он за войну напрочь забыл. Вот тут и сработало мудрое речение Кости Кравца. Получил за свое резонное молчание Серега заслуженную оценку «удовлетворительно».

С Васей он познакомился, когда на пересылке пошел получать матрац.

– Привет! За тобой никого? – спросил он Васю.

– Привет. За мной Союз со всей его мощью! И теперь ты! – сказал Вася.

– Ты куда? – спросил Серега.

– В двести первую! – сказал Вася.

– И я в двести первую! – восторгнулся Серега.

– А полк? – спросил Вася.

– Сто двадцать такой-то! – сказал Серега.

– И я в сто двадцать такой-то! – восторгнулся Вася.

– А кем? – спросил Серега.

– На батальон! – сказал Вася.

– И я на батальон! – восторгнулся Серега.

– Вечером свободен? – спросил Вася.

– Абсолютно! – сказал Серега.

Комбат-два майор Вася Герасимчик погиб. Он погиб так.

Серега уходил на операцию.

– Дружище! Мы с тобой не виделись около месяца! – сказал он Васе по радио. – Я буду мимо тебя проезжать завтра. Если удастся, я хотя бы на минуту к тебе заскочу!

Серега шел ночь. А Вася на бэтээре ждал его. Увидел и прыгнул к Сереге:

– Серега! Нам с тобой пора посидеть, выпить по сто граммов!

Серега ему:

– Вася, будем возвращаться, я Мишу Глухарева с батальоном отправлю, а к тебе на целые сутки забурюсь!

Вася:

– Все, Серега, я тебя жду! Ты только себя береги!

Серега:

Ты сам, Вася, себя береги!

Вася:

– Да мне что здесь, я дома!

– Ну, будь, Вася! – сказал Серега.

– С нами Аллах и сто сорок семь пулеметов! – сказал Вася и, коммунист, перекрестил Серегу.

Операция была армейская, никакая. Весь положительный ее результат был в том только, что на месте проведения операции собирались поставить дополнительные гарнизоны, и для них нужно было зачистить территорию. Серега с колонной пошел. Пыль от колонны встала такая, что спрессуй ее – и строй еще одну китайскую стену. Ничего нельзя было увидеть в этой пыли. Но Серега почему-то оглянулся. Он будто почувствовал, что Вася зачем-то побежит, что у него что-то внутри оборвется, и он побежит за Серегой. Серега оглянулся, но ничего не увидел и ничего не услышал.

– Колонна, стой! – рявкнул Серега в радио, схватил из санитарной машины фельдшера и побежал в пыль.

Вася, разорванный миной, лежал на обочине.

6

Володя Ломаков был первый, а может быть, единственный, кто с двумя пацанами, выряженные в местных и на трофейном автомобиле совершил разведку по Кандагарской дороге вглубь кишлачной зоны на двести километров. Он видел, как местные ставят мины. Поставит бабай или бабаенок мину и сидит ее караулит. Свои едут – он песок разгребет, взрыватель выкрутит, своих пропустит, потом взрыватель обратно поставит и опять сидит караулит. Наши пойдут, он за дувал спрячется и оттуда ждет. За подрыв он получает денежку. Едет Володя Лом и думает, где какая сволочь вдруг заснула около своей мины – и он сейчас на нее наскочит. Операция была полностью секретная. Ему перед ней запретили бриться, чтобы оброс, как местный бабай, и от всяких контактов с царандоем-марандоем его укрыли, чтобы никому там в голову не пришло, а что это-де вон тот старлей один из всего ограниченного контингента совет-

ских войск не бреется. Из разведки его должен был в условленное время на выносном посту встретить Патрикей, Вовка Патрикеев.

– Все. Я уже на посту! – дает радио Патрикей.

Володя Лом радостно тянет, предвкушает дом. Луна, дорогу хорошо видно. Но дорога разбита. И Володя тянет на второй передаче. Прошел он последний перед постом кишлак. Вот должен пост быть. И точно – на Володю прожектор. Володя – в мат. Прожектор же слепит. И чтобы дорогу видеть, надо на этом прожекторе, как червяку на крючке, вертеться. Вертится Володя, дорогу не видит и от злости Патрикею по радио говорит, чтобы прожектор выключили. А Патрикей молчит.

– Ср... что ли, его приспичило! – матерится Володя.

И с поста слышит он вдруг, как там командир орет страшные команды.

– Приготовиться к бою! – орет там командир.

Володя бойца-узбека Куатова из машины шархнул:

– Беги, кричи, что свои!

Боец-узбек Куатов из машины выскочил, во всю прыть перед машиной побежал и заорал:

– Свои! Командир! Свои!

А тот слышит великолепный восточный выговор и дает еще страшнее команду.

– Огонь! – дает он команду.

Володя руль бросил, сам из машины выскочил.

– Мать-мать-мать! – заорал. – Отставить «Огонь!» Что за папа такой кричит тут «Огонь!» – и еще мать-мать-мать, так как эта звучная русская речь во все времена являлась лучшим паролем.

Подбегает Володя к посту. Командир смотрит – чалма, борода, мотня у колен, разгрузка с магазинами, калаш.

– Ты кто такой? – командир поста на Володю.

– Тебя это волнует? Свой! – кричит ему в запале Володя.

– Какой свой! Оттуда свои ночью не приходят! – резонно кричит на Володю командир поста.

– Потому и вырядился, что не приходят! Бронегруппы тут не было? – спрашивает Володя.

– Никого не было! – отвечает командир поста.

– Ладно, капитан! Спасибо, что не вломил со всех стволов! – благодарит его Володя.

А Патрикей выезжать и не думал. С вечера было седьмое октября, день брежневской конституции. Володя в расположение части прибыл, а Патрикей только-только кепку на башку перед зеркалом пристраивать начал.

– Если начальство не тут, к нему надо подходить с умом! – постулат Сереги.

Как обходились младшие и средние командиры с приказами свыше в Великую Отечественную, сказать трудно. Как таковые обходились в Афгане, тоже есть дело тонкое. Серега же на иные приказы клал с прибором потому что иные приказы были или сдуру, или от великого полководческого таланта, когда их создатель мог в мельчайших деталях за сотню километров через горные хребты провидеть ситуацию с батальоном, ротой, а то и взводом.

Комполка Седов приказывает Сереге проверить результат штурмового удара вертолетов. Серега ему отвечает, что никакого штурмового удара и никаких вертолетов не наблюдает. Комполка Седов приказывает. Серега запрашивает координаты удара, сверяет и докладывает, что в зоне действия его батальона такого квадрата нет. Комполка Седов – Сереге о своем, о девичьем:

– Проверить!

– Серега:

– В зоне моего батальона никакого штурмового удара не производилось!

Комполка Седов – в могучий командирской матерный, типа, ты что, комбат и так далее.

То ли спасая своего командира, то ли комсомольский задор шибко прорезался, вдруг замполит седьмой роты у Сереги вопит, что он видел вертолеты, видел штурмовой удар и просит разрешения проверить.

Серега – ему:

– Я запрещаю!

Комполка Седов через голову Сереги:

– Давай старлей! Я приказываю! Проверить!

– Есть проверить! – хапает в задоре под правое ухо ушанки замполит, берет отделение бойцов и спускается глубоко в ущелье речки, на берегу которой на ровной площадке узрив он двухэтажный байский дом.

Спускается он, потихоньку, со всеми предосторожностями к дому подтягивается и докладывает:

– Нахожусь перед домом. Приступаю к осмотру!

Не успел он досказать, как у Сереги в наушниках затрещало такое, что Серега едва с себя не сдернул шлемофон – духи со всех окрестностей со всех стволов по замполиту всадили.

– Серега, что? – без всяких позывных заорал замполиту Серега.

– Нахожусь в доме. У меня один трехсотый! – уже без задора через несколько минут докладывает замполит.

- Как его состояние? – спрашивает Серега.
- Вкололи промедол, накладываем шину! – докладывает замполит.
- Доложи обстановку и координаты! – приказывает Серега.

Тот докладывает, и Серега видит, забурился его замполит со своей инициативой туда, сам не знает, куда. Нет у Сереги на карте таких градусов, минут и секунд. Ушел он за обрез карты.

– Давай так! – говорит Серега и начинает шарить по окрестностям артиллерией.

Гаубица берет возвышение едва не под прямой угол, дымовым снарядом дает выстрел, Серега замполита спрашивает:

– Разрыв видишь?

Тот:

– Не вижу!

Гаубица дает выстрел по другому квадрат

Серега:

– Выстрел видишь?

Тот:

Не вижу!

Комполка Седов погнал вертолеты:

– Квадрат такой-то. Искать!

Серега – замполиту:

– Обозначь себя оранжевым дымом!

С вертолетов:

– Никаких дымов не наблюдаем!

Серега опять артиллерией:

– Разрыв видишь?

Замполит:

– Не вижу!

В конце концов, нашли. Увидел замполит дым взрыва и заорал так, как если бы свою невесту увидел.

Серега:

– Сидите и ждите темноты. Если полезут, корректируй, будем прикрывать артиллерией. Высылаю помощь!

Комполка Седов:

– Ты что, комбат! Какая темнота! Приказываю прорываться!

– Да полягут же все, как на речке Пьянее, товарищ полковник! Обозлился и вспомнил Серега из истории не украшающий русскую армию эпизод, как пошли брать Казань да, не подходя, перепились и были казанцами перерезаны.

– Ты мне тут, майор, ... не размахивай! Прибереги для дамочек в Союзе! Приказываю на прорыв! – обиделся комполка Седов.

Сергея своему начальнику штаба Мише Глухареву:

– Миша, бери взвод восьмой роты, он всех ближе там, подойди, на сколько возможно, если что, обеспечишь вывод!

Миша Глухарев выдвинулся, докладывает:

– Вижу дом, командир, но не пройдем! Плотняком дом держат!

Сергея в душе – матом, а вслух:

– Все. Приказываю ждать темноты!

Комполка Седов матом:

– Трусы! Я приказываю прорываться!

Замполит:

– Есть прорываться! Для трехсотого мы уже сделали носилки!

И только с носилками выскочили – так пятеро сразу тут же при дверях полегли. Был один трехсотый. Стало к нему пять двухсотых.

Комполка Седов:

– Ну, что, комбат, какие твои действия?

Так учило начальство подходить к нему с умом, если оно не тут.

Замполита же с пятью мертвыми и с пятью живыми Сергей вытаскивал три дня. В первую ночь прорвался один боец. Он был таджик. Его послали за водой, вдруг да получится. Он взял котелки, гранату-эфку, разулся, чтобы сапогами по камням не стучать, и пошел. Его сразу взяли в кольцо. Он им по-своему скалякал, что вышел сдаваться, гранату и котелки – в них, а сам – в речку. Проскочил.

Миша Глухарев – Сергею:

– Один вышел, трясется, ревет!

Всю ночь духи – по дому. Из дома – по ним. Сверху Миша Глухарев – по ним. Они вверх – по Мише.

Другой постулат Сергею:

– Если соблюдать все предписывающие, как действовать, регламенты, то останется только сидеть и курить бамбук.

То есть приходилось искать узкую тропку между предписаниями, за нарушение которых – ответ своей головой, и между дурью, за исполнение которой – ответ чужими головами.

И это было арифметикой, это было зеркалом войны. Упражнения в такой арифметике вылились в богатейший опыт, который, по славной начальнической традиции постарались забыть.

Комполка Седов Валерий Павлович представлял Сергею к ордену три раза.

– С тебя погоны и ремень снимать надо, а я тебя... – говорил он.

Все три раза представления возвращались. Полководцы сверху прозревали сквозь горы и лично видели, кто чего заслуживает. Может быть, в какие-то последующие годы они устали прозревать и стали хоть сколько-то доверять подчиненным, всем этим комбатам, комротам, кому еще там. А может, свято чтит традиции и опыт Великой Отечественной, когда наградить бойца или младшего командира в начале войны было равно преступлению перед партией и правительством – считай, перед Родиной. Кто бы сосчитал, сколько хотя бы к самой низшей награде – медали «За боевые заслуги» было представлено бойцов и младших командиров, например, за победоносную битву под Москвой. А полководцам высокие ордена – пожалуйста, даже в том случае, когда они, как известный генерал Власов, войсками в этой битве не руководили. В начале афганской войны сложилось то же самое. В последующие годы стало пощеднее. А на первое представление Сереги к Красной Звезде за результат в четыре взятых на засаде каравана был ответ: «Мало прослужил». Второе представление кадровики мяли полгода, потому что, по их понятию, ранее, чем через полгода после первого представлять нельзя. Пока они мяло второе, Серегу пришлось представлять в третий раз. Серега столкнул две банды. Они перестреляли друг друга. Комполка Седов написал так, что Серега лично в бою уничтожил их обе. Ответ кадровиков был ответом философской древности:

– Он еще не получил первый, а вы его там тащите на второй! Живой – вот ему и орден!

– Переморщись, Серега! – пододвинул Сереге знакомую кружку водки комполка Седов.

– Да что вы, Валерий Павлович! – восторженно воскликнул Серега. – Они правы. Живой – это выше ордена!

Грызло у Сереги. Однако нашел силы. Комполка Седов глаза отводил в обиду. Серега обиду проглотил. Хотя кому не хочется вернуться домой не только живым, но и с орденом. Там, дома, жизнь другая. Там, дома, никому не интересно, что ты держал всю провинцию в руках, что труба у тебя на солнышке блестела, будто была из духового оркестра, и исправно гнала горючку по назначению, потому что Серега научил к ней не подходить. Там никому не интересно, что тот же Коля Жаворонков под любым огнем полезал из брони и цеплял к тягачу или к другой броне подбитую машину и переезжал к себе ремонт. Никто там не поверит в чутье и бесстрашие Виталика Селезнева. А если еще узнают, что он погиб под своими пулями, так вообще скажут: «Да чем это вы там занимались! Пьянством, развратом и уголовкой? Ин-тер-на-цио-на-лис-ты!» – и не поверят только потому, что сначала свысока скосят глаз Сереге на грудь. Скосят – а там пусто. Там – ни хт, там ек, там тю-тю. А в это время у других на груди будет – будет ез гибт, будет бар, будет иметь место. И Серега знает, как у них на груди появилось это

«ез гибт» и прочее. Тема даже не недилактная. Тема просто совсем нехорошая. Потому что орденки в обязательном порядке будут у того же писаря строевой части, который списки представлений на машинке стучает, у того же кадровика из штаба армии или дивизии. Орденки могут оказаться даже у той официантки Жанны из офицерской столовой, если она себя поведет соответствующим образом. Вот зеркало войны. И совсем не наплевать на то, что дома-де никому дела до твоего ордена нет – ез гибт он у тебя или не ез гибт, бар он у тебя или не бар. Всегда везде всему и всем есть дело.

Дело есть, а места нет. Прибывает Серега в свою войсковую часть номер такой-то. Его с прибытием поздравляют, ему руку жмут, опять же, как бы невзначай спрашивают, а что-де – с девственно чистой грудью. Серега как бы в том же духе – зато-де совесть чиста. Ему-де – правильно. А потом:

– Товарищ майор, а ваше место занято.

Пока он два года в руках провинцию держал, дома подросли ребятишки – лейтенанты стали старшими лейтенантами, капитаны стали майорами, и никто из них не дал повода к переводу их на нижестоящую должность.

Костя Кравец в свою часть вернулся – а ему:

– Командиром группы пойдешь? Места замполита роты нет!

Костя – в справедливый крик:

– Я замполит батальона!

До Кости сначала даже не доходит, что ему роту и не предлагают, ему группу, взвод, впаривают.

– Какая рота! Я боевой замполит батальона! – кричит Костя в запале.

Косте – в ответ:

– Вот у вас и с нервишками не в порядке. Может быть, на комиссование из рядов Вооруженных сил вас направить?

Говорит это кадровичок, а у него орден на груди поблескивает, вместе с хозяином осуждает Костю.

Володе Лому, Володе Ломакову из Второго Газнийского отряда, повезло больше. Но он – спецназ гереу, спецназ главного разведывательного управления, а Серега – мотострелок, то есть пехота. И о Володе – как-нибудь в другой раз.

Ну, все-таки и Сереге повезло. Получил он свои два ордена. Один орден – тот самый, который с философским уклоном, то есть вернулся Серега без единой царапины, без единой тифозной, гепатитной, малярийной бациллы. Второй орден – орден Красной Звезды был ему вдогонку. Второй орден был ему – за главаря Дильмамата, которого Серега не оставил заменщику и ушел домой с чистой совестью.

– Были бы потери – пошел бы под суд! – сказал комполка Седов и сделал четвертое представление.

Кто бы знал, что через девять лет этими же словами будет грозить Сереге заместитель командующего округом по вооружению.

Шел незабвенный девяносто третий год. Традиции творить свою революцию под французских кутюрье на этот раз большевики выдержали только хронологически. Во Франции двести лет назад революционеры-якобинцы начали большой террор. Наши такой террор начали в восемнадцатом году. И то долго ждали, когда же наконец проявит себя белая кость, когда начнет свою Вандею, как это случилось во Франции. Белая кость сидела смирно. Ну, там, на юге выпендрился косоглазый Корнилов. Ну, там, выпряглись чехи – не захотели ехать домой из Пензы через Владивосток и без оружия. Ну, там, не выдерживали издевательств новой власти и хватались за вилы мужики. Но это же были семечки против бомбы под ноги или револьверной пули в спину. Царских сатрапов в этом отношении, выходит, уважали больше. Им и бомбы, и пули были во множестве. В них палили почем зря. В большевиков не палят. Бомб для большевиков не готовят. Обидно, понимаешь. Взяться за террор сами.

А в девяносто третьем ситуация повторилась. Власть – и так со страной и этак. Страну она раздербанила. В пучину нищеты она народ повергла. Жулью-ворью она дала волюшку. Бандитов на большую дорогу она вывела. Олигархов она народила. Армию она бросила.

– Много жрешь, гунявая! – сказала власть армии.

Но не шевелится, не поднимается с холодной печи ни народ, ни армия, не идет спросить с власти. Шибко это власти не нравится. Как же, подобно Французской революции, террор развязать? Ведь годок-то девяносто третий – вот он, а террора нет! Поспешили, что ли, с террором в восемнадцатом, шибко напугали мужика, так напугали, что и ныне помнит мужик тот террор? А как же власти свои деяния по раздербаниванию, по повержению, по жулью-ворью-олигархам сокрыть? Лежит мужик – и ни в который бок его не уткнуть, не вызвать на противоправные, на антиконституционные действия. Хорошо хоть в Чечне заварушка начинается.

– Да мы ее одним полком в одну ночь ликвидируем! – смело говорит Паша-мерседес.

– Ты сначала армию ликвидируй, ликвидатор! А то с дуру она точно все там ликвидирует, что мы тут годами нарабатываем! – сказали Паше.

И совсем забыли, что отцы-учителя французики в девяносто третьем своем году армию не ликвидировали. В девяносто третьем своем году они армию создали – такую армию, которая не только Францию отстояла, но которая потом прошлась по Европе и даже посетила город Москву.

– Есть ликвидировать, чтобы ничего там не ликвидировала! – сказал Паша.

В рамках организационно-штатных мероприятий по выполнению вышеозначенного приказа пригнали Сереге металлолом, а потребовали у Сереги абсолютно готовую к боевым действиям технику.

– Я не дам, товарищ генерал! – сказал Серега. – Вся техника отремонтирована, обкатана, пристреляна, запас горючего – на три заправки, боезапас – три комплекта. Полк готов выполнить любую поставленную командованием задачу!

– Молодец, полковник! Задача командования такая: передать всю технику вместе с тремя заправками горючего и тремя комплектами боезапаса вот по этой описи вот этому представителю командования и принять новую! – сказал заместитель командующего округом .

– Вы не поняли, товарищ генерал! Полк готов выполнить задачу. Полк, а не мотоштреки, оставленные без техники и боеприпасов! – сказал Серега.

– Ну, ты это, полковник, ты тут того, Съезд народных депутатов тут нам не строй! Тут нам не демократничай! Раздемократничались тут, понимаешь! Бардак развели вместо армии, понимаешь! Свою технику сегодня же сдать и принять новую! – сказал заместитель командующего.

– Я полк без техники не оставляю, товарищ заместитель командующего! – сказал Серега.

– Ты что, полковник! Ты русского языка не понимаешь? – закричал заместитель командующего.

– Все понимаю, товарищ заместитель командующего. Потому и не даю свою технику, что новая, как вы ее называете, техника – это обыкновенный металлолом. Я ее смотрел! – сказал Серега.

– Ты вот что, полковник! А на что тебе техника? Ты же пехота! Как в старину говорили: «Пехота! Сто верст прошла – еще охота!» – заделал обходной маневр в виде шутки заместитель командующего.

– Согласен, товарищ генерал! Но с условием, что в такой пехоте вы будете у меня заместителем! – тоже сделал маневр в виде шутки Серега.

– Ну, вот что! – побагровел заместитель командующего.

– А вы почему кефир не кушаете? Что? Не любите? – просверлил Серега багрового заместителя командующего своим васильковым взглядом и известной фразой актера Фрунзика Мкртчяна из фильма «Мимино».

– Да я, да ты, да команд... да... – захрипел заместитель командующего.

– Вот и я – тоже, товарищ генерал! Разрешите идти? – взял под папаху Серега и пошел себе.

– Полковник! Вернись! – завизжал заместитель командующего.

Сергея, не оглядываясь, махнул рукой, типа, отцепись. Нагорело у Сереги за девять перестроечных лет так, что не только краска полопалась и поползла, как с загоревшего бэтээра, а уже, как со сгоревшего, посыпалась с Сереги окалина.

– Вернись! Ты Родину предаешь, полковник! – прибавил визга заместитель командующего.

– А вы ее продаете! – обернулся Серега.

– Под суд пойдешь! Папахи лишишься! Из армии вылетишь! – стал собирать угрозы заместитель командующего.

– Ах, папахи лишусь! – выбрал Серега наиболее ему свежую угрозу, можно сказать, некий литературный образ. – Ах, папахи лишусь! – и, как камешек по воде, метнул Серега свою родную, выслуженную, заместителю командующего под ноги.

А еще говорят, что территория считается занятой тогда, когда на нее ступит пехота. Территория осталась. Серега – нет, как, впрочем, и пехота.

8

Наши офицерики у духов имели цену и стоили все примерно одинаково. Башка советского офицера там стоила примерно триста тысяч афгани. Экономно жить – это семье на шесть лет. Один из советников подарил Сереге духовскую листовку.

– Какой размер у твоего головного убора? – спросил.

Сергея сказал.

– Вот тут написан другой. Тут написано, что со своей башкой ты в вертушку не влезешь! – сказал советник.

– И какой? – спросил Серега.

– За сбитую вертушку духу полагается лимон, то есть миллион. А за тебя, вот, смотри, – советник ткнул пальцем. – Вот отметь тут карандашиком. За твою голову объявили миллион двести!

– Это не есть хорошо! – сказал Серега.

А потом показал листовку Валере Шабурову, Герою Советского Союза и командиру эскадрильи вертушек, который, кстати, помогал вытаскивать замполита седьмой серегиной роты. Только Валера рискнул и посадил свою машину там, где, по всем законам природы, она не должна была сесть. Наводил Серега сам, сказав, что, если что, так отвечать за все враз.

– Ты больше никому не показывай эту листовочку. По-моему – это больше, чем за самого командующего! – в шутку сказал Валера.

– Екарный бабай! Может, мне сразу духам сдаться! – тоже в шутку сказал Серега.

– Погоди. Еще повоюем! – сказал Валера.

– Повеюем, дружище! А что нам еще делать остается! Ничего иного не умеем! – сказал Серега.

Валера улетел. И пока минуто Серега провожал его взглядом, улетевшего, почему-то вспомнил, как у него год назад на блокпосту при посадке свалился в ущелье вертолет. Серега едва не перекрестил Валеру вдогонку. Костя Кравец, замполит, одно время имел моду каждое утро креститься. Серега увидел.

– Ты что, замполит! – васильково уставился Серега.

– А что, командир? – спросил Костя.

– Вот это сейчас ты что делал? – повторяя движения Кости, перекрестился Серега.

– Это? – как бы удивился неосведомленности боевого друга и командира Костя.

– Это я перед тем, как начать рабочий день, проверяю: кокарда на месте, ширинка застегнута, заветный патрончик в правом нагрудном кармане, партбилет – в левом. А ты что подумал, командир?

– Подумал! – сказал Серега.

Летел Серега домой, в Ташкент, в одном самолете с ребятами, зашифрованными под гриф «двухсотые», и клевал носом – так хотелось Сереге спать, так он не чувствовал рядом двухсотых ребят.

Некогда якобы собрались несколько пустынныхиков на совет. Пустынныеики – это не жители пустыней Гоби, Сахары, Калахари, Кара-кум. Это монахи, для вящих трудов Богу ушедшие в уединенные места – нечто вроде хорошей засады батальона Сереги.

Собрались они на совет.

– В наши обители, – сказали, – стала прокрадываться слабость нравов. В некоторых старцах уже нет той чистоты и веры, какая была заповедана Господом и какая была у первых.

Один сказал:

– Так ведь, братие, и мы сейчас, возроптавши, уже нарушаем заповеданное Господом!

Другой сказал:

– Если мы не будем роптать, брат наш, следующие за нами будут еще менее выполнять заповеданное Господом. Но мы будем для них теми старцами, которые для нас сейчас являются старцы первозаветные. И так будет со следующими, которые будут исполнять заповеди Господни еще менее, но своих предшественников, то есть нас, будут почитать как первозаветных. Так наступит время, когда нравы иссякнут и наступит безнравие, почитаемое за нравы. Чистота и вера иссякнут, наступит нечисть и безверие, почитаемые за чистоту и веру!

Первый сказал:

– Но ведь это есть мудрствование, братие! Мы есмы гордынею обуюемы!

Второй сказал:

– Равно же и ты еси, так судящий!

Двухсотые ребята вернулись к Сереге потом и остались у него в батальоне, потом в полку, потом на гражданке сводным взводом с прапорщиком Виталиком Селезневым на правом фланге и с единственной боевой задачей, которую им ставил уже не Серега. А Серега покрестился – покрестился за себя и за всех двухсотых ребят на тот случай, если там, чему он покрестился, что-то есть, то эту задачу опять же исполнять ему и его пехотному батальону. Ибо есть непреложный закон, по которому территория занята армией только тогда, когда на территорию ступила пехота.

Меж ними все рождало споры

Лола ЗВОНАРЁВА

ВОСПЕВАЯ ПОДВИГ РУССКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

В екатеринбургском издательстве АсПУр» вышла новая книга Александра Кердана «Земля российского владения». Около двадцати пяти лет работал известный писатель и доктор культурологии над циклом романов о Русской Америке. И сегодня кажется, что, подобно Колумбу, он открыл для нас целый пласт русской истории и культуры – показал драгоценную россыпь мощных характеров, удивительных судеб, самоотверженных душ, в сложнейших политических условиях, при равнодушии и полном попустительстве сонной и вороватой столицы, служивших России.

Всеотзывчивость русской культуры, органично вбирающей в себя талантливых немцев, поляков, датчан, грузин, погружая их в море русских интересов и призывая на русскую государственную службу, мощно выписана талантливым писательским пером. Каждый из сотен героев говорит своим неповторимым языком, порой открывая читателям менталитет чужой, далекой от русской культуры, понимая, что отныне именно Россию или, точнее, её представительство на Аляске, уже ставшей Русской Америкой, а значит, российским форпостом, они призваны отстаивать и защищать.

Чтобы убедительно написать о Российской империи XVIII и XIX веков Александру Кердану пришлось выработать свой неповторимый стиль, в котором дышит и живет та далекая эпоха, проступая в самом строе повествования, с интонацией и оборотами речи, сегодня давно позабытыми нашими торопливыми современниками.

Писатель умело погружает нас во времена, которые открываются во всём объеме авантурных сюжетов и драматических столкновений – личных, политических, исторических. Любовные трагедии переплетаются с геополитическим противостоянием, самодурству и корыстолюбивому доносительству вкупе со шпионажем противостоят романтическая влюбленность, трогательная порядочность в отстаивании государственных интересов России и мушкетерская преданность старинной дружбе.

Рядом со знаменитыми историческими фигурами – Берингом, Пушкиным, Бироном, русскими императорами и императрицами, декабристами и знаменитым американским сыщиком Пинкертоном – обретают голоса и лица прежде безмолвные рядовые великой русской истории – те, кому она обязана своими победами, могуществом и необозримыми пространствами российского государства.

Недаром все эти романы были в разное время напечатаны в замечательном московском журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение», выпускаемом Российским детским фондом. Его редактирует известная своим безупречным вкусом Агнесса Гремицкая, бессменный редактор прозы Виктора Астафьева и его личный друг, высоко оценившая талант Александра Кердана словами: «Родился новый мастер исторической прозы!»

Блистательные страницы посвящены любимцам юных читателей 60-х годов прошлого века – индейцам и пиратам. Весь пантеон индейских богов, их быт и нравы тщательно изучены писателем и органично вписаны в повествовательную ткань произведения. Мы не торопимся осуждать жестокость и воинственность индейцев. Автор деликатно подводит читателей к пониманию, как жадность, корыстолюбие и глупость новоявленных конквистадоров провоцировали живущих по другим законам индейцев на открытое столкновение, принуждая их защищать своих жен, детей, родную землю, привычный быт.

Самодурам и мздоимцам противопоставляет Александр Кердан и тех русских первопроходцев, которые понимали необходимость уважительного и бережного отношения к местному населению – во имя политических интересов России и спокойной, достойной жизни на освоенной и ставшей частью России инокультурной земле.

С пиратской братии писатель умело снимает налёт фальшивой романтики, порой сопровождающий описание этих жестоких морских бродяг, показывая, насколько коварны и безжалостны люди без родины и без совести, легко лишаящие жизни бывших благодетелей во имя обогащения или захвата власти на пиратском судне, возглавляемом неумолимо стареющим лидером.

Пейзажи в этой книге открывают читателю незаурядность поэтического таланта писателя. В них каждый раз неуловимо проступает взгляд того или иного героя: море, закат или рассвет увидены его глазами, в них выразительно отзывается сам строй образов, свойственный именно его восприятию и кругу привычных занятий.

Читая исторические романы Александра Кердана, начинаешь совсем по-другому понимать то, что происходит в России сегодняшней. Исторические события рифмуются с современностью, бывшие проблемы возвращаются нерешёнными, ошибки повторяются и множатся. Историческая эпопея уральского писателя, написанная рукой человека страстного, болеющего за Россию и видящего пути к её возрождению, про-

цветанию и достойному утверждению себя в пёстром, перенасыщенном политическими противоречиями мире, приобретает государственную значимость. Воспитанные на таких книгах молодые люди способны стать патриотами не на словах, а на деле. Им открывается правильное понимание государственных интересов России. Исчезает романтический флер с надежды найти себе хорошо оплаченное местечко за пределами родной страны. Злоключения молодых героев романа в чужих краях мягко подводят внимательного читателя к этой мысли.

Исторические романы Александра Кердана демонстрируют новый уровень осмысления отечественной истории и её прежде не исследованных литературой пластов. Они написаны православным человеком, углубленно изучившим морское дело, быт алеутов и индейцев, нравы и деятельность российских чиновников и придворные интриги ХУШ столетия, многие другие области знаний и воплотивших всё это в тончайшую и изысканнейшую прозаическую ткань, покрывающую собой авантюрный увлекательный сюжет. Романы Александра Кердана, вполне сопоставимые с мировой исторической классикой – книгами А. Дюма, Майн-Рида, Вальтера Скотта – способны не только увлечь отечественной историей не одно поколение российских читателей разных возрастов, но и – что гораздо более важно! – дать мыслям юных любителей исторической прозы и приключенческой литературы правильное направление.

Нина ЯГОДИНЦЕВА

БЛИЗКОЕ ДАЛЬНЕЕ...

Александр Кердан. Земля российского владения: романы о Русской Америке. Екатеринбург: Изд-во «АСПУр», 2013. – 796 с.

Удивительным образом литература – реальность духовная – реагирует на реальность историческую. Набор её жанров рассчитан на совершенно различное, порой взаимоисключающее состояние умов, на разную степень способности проникать в глубину явлений. Внимательному же, пристрастному читателю интересно отследить не только сюжетные линии и судьбы героев произведений (хотя главный смысл, как порой кажется, именно в этом), но и само появление значительного, масштабного произведения, например, романа – почему автор почувствовал насущную необходимость его рождения именно сейчас, в это время, в этом культурном и общественном контексте? На какой вопрос отвечает столь пространно и масштабно? Какое видение и понимание современности привносит в культуру?

Впрочем, без этих словно бы вторичных (а на самом деле главных) вопросов литература быстро превращается в средство коротания досуга (одно из многих) или в более-менее прибыльный бизнес-проект. Только широкий культурный контекст позволяет произведению обрести реальную, а не потенциальную силу, превратиться из «вещи в себе» в «вещь для всех». Но сегодня обстоятельства к подобному широкому осмыслению располагают как никогда мало: рваное, клиповое мышление большинства даже читающих ещё людей, активная работа имиджмейкеров от истории, сама психологическая установка на выживание, а не на бытие (то есть существование исключительно днём сегодняшним и подавляющий страх перед будущим, а отсюда и нежелание мыслить масштабно).

Тем более удивительно и значимо в контексте нынешних культурных и общественных проблем появление в свет эпопеи Александра Кердана «Земля российского владения», рассказывающей о трудном освоении и непростительной утрате Русской Америки. Три романа эпопеи – «Крест командора», «Берег отдаленный» и «Звёздная метка» связывают собой все этапы этой исторической, а по существу современности больше даже геополитической драмы: открытие, обживание богатейшей земли и борьбу за неё между крупнейшими геополитическими «игроками».

Связывая цепочку причин и следствий, вплетая судьбы героев – реальных и вымышленных – в канву описываемых событий, эпопея Кердана воссоздаёт целостный взгляд на историю, что сегодня для нас как общества, как государства не просто важно – насущно. Сколько бы ни вещали западные культурологи о конце истории, она по-прежнему складывается из наших устремлений и страстей – высоких ли, низких, сугубо личных или освящённых пониманием высокой пользы для Отечества. Может быть, поэтому сам приём повествования, на первый взгляд, клиповый (небольшие главки с резкими переходами от одних героев или событий к другим), с одной стороны, вполне под силу современному читателю, привыкшему к фрагментарному изложению, а с другой – выполняет чисто художественную функцию, образует переплетение разнообразных сюжетных линий, художественная событийная плотность максимально приближается к плотности исторической реальности.

Сама тема, избранная для художественного исследования, обретение и утраты Аляски тесно смыкается как минимум с тремя остросовременными, если не сказать – болевыми для России вопросами. Первый, и, возможно, самый актуальный из них – территориальная целостность, сохранение земель, объединённых и освоенных Россией. Распад великой державы в начале девяностых активно питает надежды Запада на дальнейшее расчленение богатейших земель планеты, и у мыслящей части общества не утихает тревога за Дальний Восток и Сибирь: время от времени в прессу просачиваются сведения, дающие для неё вполне веские основания. Александр Кердан

на богатом историческом и психологическом материале показывает, сколь губительны были и таковыми остаются для великой страны столичное пренебрежение окраинами, повальная коррупция, наивное доверие «пятой колонне», которая воспитывается и подпитывается Западом постоянно, а в самых сложных для страны ситуациях используется технично и точно.

Второй болевой вопрос – это сегодняшняя «однополярность» мира, где миф о «стране свободы», ничего общего не имеющий ни с повседневной реальностью этой страны, ни со свободой вообще, уже давно превратился не только в орудие уничтожения национальных культур, но и в прямое оружие убийства тысяч ни в чём неповинных людей. Именно тогда, в момент «собираания» американских штатов и покупки Аляски, была сформирована та ситуация, у которой сегодня в заложниках вся планета. И Кердан убедительно рассказывает о неприглядной правде общества свободы, начиная практически с самых его истоков. Особенно ярко это проявляется в третьем романе, «Звёздная метка», центральный герой которого князь Панчулидзев трезво осмысливает основы американского жизнеустройства с позиции представителя русского мира.

И наконец, третий вопрос – не менее значимый. Это вопрос о самой возможности создания общества, свободного от пороков цивилизации, не ограничивающего личность бессмысленными запретами, словесными барьерами и прочими как бы условностями. Общества, о котором мечтал герой второго романа Дмитрий Завалишин. Где же его можно построить, ежели не на новой земле, на новых основаниях? Но куда бы ни пришёл человек – он всюду приносит с собой свои страсти и пороки, они-то в итоге и оказались освобождёнными от сдерживающих сил традиций, закона и культуры, они-то и подменили свободой денег свободу личности, а вместе с этим принесли свободу от морали, совести и других основ жизнеспособности.

Вместе с тем эпопея о Русской Америке – произведение истинно художественное, жанрово точное, поскольку эпика изначально предполагает создание образа мира и человека в нём, гармоничное отражение и сопряжение личного и всемирного. Александру Кердану удалось соединить не только малое и великое видение исторических реалий. Насыщенная современными событиями лексикой словесная ткань романов создаёт удивительное впечатление живой историчности повествования – речевые обороты в диалогах и описаниях воспроизводят архаику ровно в той мере, в какой она необходима для ощущения аромата времени, и в то же время сквозь эту архаику отчетливо проступает наша современность.

Романы густо «населены», судьбы персонажей порой переплетаются причудливо, но каждый из них запоминается какой-то особенной чертой, поступком – причём автор в большинстве случаев прослеживает не только судьбу героя, но и краткую

историю его рода (ещё одна скрытая антитеза мифу о возможности построить «общество свободы», отказавшись от своих корней). И героиня «Звёздной метки» Полина Радзинская, чьи странные слова и поступки тщетно пытается объяснить себе влюблённый в неё Панчулидзев, та Полина, которая в конце концов остаётся в Америке, когда Аляску всё-таки продают, – пожалуй, единственный центральный персонаж без корней», без привязки к широкому, но прочно связанному русскому миру.

Красивая, образованная («смолянка» – выпускница Смольного института), эмансипированная – но уже сорванная ветрами судьбы со своих родовых корней и потому легко вошедшая в «пятую колонну» шаткого времени... Однако и у этой судьбы есть достойное послесловие: достигнув своих тайных и явных целей, выйдя в итоге замуж за американского бизнесмена, будущее дитя своё она мечтает назвать именем того, над чьей душевной чистотой она так потешалась, чьей наивной горячностью так умело пользовалась для достижения своих туманных целей...

И всё-таки главный персонаж, проходящий через все три исторических полотна, – автор, собеседник, в какие-то моменты романного повествования раскрывающий глубокие душевные движения героев, их впечатления, философские воззрения на ход событий. Сам приём «всеобъемлющего авторского сознания», свойственный эпике, предполагает, конечно, что автор имеет право рассказывать о своих героях всё, вплоть до их мыслей – но тут несколько другое: благодаря автору-спутнику – безусловно, нашему современнику, нам в полной мере понятны переживания и поступки героев. Возможно, именно этот приём и приближает к нам отдалённые времена и берега, заставляет переживать события на максимальную глубину...

Все три этапа истории Русской Америки различны по характеру, энергии времени, по её и устремлённости. Автор ощутил и отразил это глубоко и тонко: если «Крест командора», история открытия новых земель, воспринимается как роман-приключение (что, естественно, не исключает философской и исторической глубины), то «Берег отдаленный» создан несколько в иной тональности, он более описателен, более традиционен – если можно так выразиться. Роману «Крест командора» была посвящена отдельная наша рецензия, и потому не станем здесь повторяться.

Второй роман трилогии освящён образом Пушкина, которому накануне роковых событий, приведших к дуэли, была прислана рукопись Кирилла Хлебникова об освоении Русской Америки, и который её так и не успел прочесть. Исторические события и персонажи тонко и точно введены в повествование, фоном проходят наполеоновское вторжение, восстание декабристов – но в фокусе авторского внимания неизменно остаётся судьба Аляски и её жителей: индейцев, русских, алеутов, людей множества других национальностей.

Вообще национальный вопрос в эпике Кердана решён с позиций культуры и го-

сударственности: Россия – не только страна, русские – не только народ. Это определённый цивилизационный уклад, и не собственно национальность, а способность воспринять этот уклад и жить согласно ему является определяющей для многих героев трилогии.

Третья же часть, «Звёздная метка», – это в полной мере исторический детектив, где многое открывается не прямым текстом, а намёками, естественным сопряжением сюжетных линий. Выводя на первый план роман Панчулидзева и Полины, на втором плане Кердан выстраивает вполне внятные очертания масонского заговора в отношении Русской Америки, а на третьем уже практически сам собой возникает «роковой момент» истории, её, собственно, поворот к нынешнему состоянию и нынешним роковым вопросам.

Воспроизводя в записках Николая Мамонтова романтические масонские ритуалы посвящения, автор раскрывает и жестокую реальную деятельность этих «преобразователей», в ряды которых приходят очень разные люди, но романтики, мечтающие преобразовать мир по законам справедливости, как правило, погибают, а остаются жёсткие прагматики, использующие свои знания для получения сверхвласти и сверхприбыли – они-то и причисляют себя к «сверхчеловекам», обладающим особыми правами в отношении других.

Антитезой масонскому произволу в романе звучит последняя фраза из дневника Мамонтова – в последней из найденных книжек она оказалась единственной, и сохранилась даже не сама (страничка вырвана), а оттиск её на внутренней стороне обложки: «Господи, спаси и помилуй Россию!» Написал это человек, переживший иллюзии, не сумевший остановить предательство, неизбежно погибающий – но не утративший высокой точки опоры своего духа. И это как нельзя более точно рифмуется с сегодняшним днём, когда власть денег и цивилизация потребления кажутся всеохватными и всепроникающими, и только усилие духа и вера в высокое предназначение человека способны удержать от отчаянья – но даже вырванные из истории и культуры страницы способны проступить для внимательного взгляда и открыть ему истину...

Появление в литературном поле столь масштабного исторического произведения – добрый знак нашего времени. Эпика как таковая возможна не во все эпохи, она знаменует собой необходимость и возможность осмыслить мир в его максимальных границах, оглянуться в прошлое, чтобы увидеть будущее, она требует от романиста особой художественной точности, прозорливости, государственного мышления, мощного философского основания. Всё это есть у Александра Кердана – как создатель и координатор Ассоциации писателей Урала, Сибири и Поволжья, он получил огромный опыт объединительной работы в отсутствие столичной поддержки. Как поэт, он обладает способностью видеть соединение истории и современности сквозь

тот «магический кристалл», о котором писал Пушкин, он поднимается от описания душевных состояний до философской высоты обзора событий. Как доктор культурологии, выявляет скрытую взаимосвязь событий, их историческое «рифмование» между собой. И наконец, как офицер, без малого тридцать лет отдавший служению своему Отечеству, он точно расставляет нравственные акценты и в конкретных судьбах, и в общей исторической логике.

Но эпическое произведение появляется на свет не только по внутренней потребности автора, не только на основании его художественного, философского и гражданского опыта. Это всегда ещё и ответ на невысказанный вопрос общества, коллективного национального сознания, если хотите – какими нам быть, каким видеть мир и какие пути в нём выбирать. И в этом смысле историческое повествование Александра Кердана о Русской Америке – не просто творческий подвиг романиста, это приглашение к осмыслению нашего общего будущего, в котором существование России всё более и более связывается с сохранением человека и человечности вообще.

Евгений КАРГАПОЛОВ

СИМВОЛ КРЕСТА

(о творчестве поэтессы Ирины Рябий)

Творчество И.Г. Рябий насыщено религиозными и библейскими мотивами. Она обращается к Богу тогда, когда ей хочется слова живого, когда ей плохо, когда надо осмыслить нынешнюю действительность, наполненную темными энергиями страсти, телесной культуры. Так, Э. Лякишева анализирую последнюю книгу поэтессы, отмечает: «... в ней, как на пергаменте палимпсеста, сквозь знаковые признаки нынешнего бытия зримо проступают вневременные христианские вечные образы и «вещные» атрибуты православной веры: Какая пустынь усмирит наш век? / Какая боль грехи искупит наши? / И нам не миновать уже сей чаши... Возникает живой диалог современности и классических традиций» (Лякишева, Э. Дай, о Боже, мне слова живаго... / Э. Лякишева // Чаша круговая. – 2012. – № 11. – С. 189). Так, в стихотворении «Молитва» И.Г. Рябий обращается к Богу: дай мне Слова живого, укажи единственный путь.

Дай, о Боже, мне слова живаго,
Вразуми и водителем будь,
Не для славной молитвы или блага
Укажи мне единственный путь...

Чтоб устами, послушными Богу,
Я б служила России моей –
И покров Богородицы чтобы
Уберёг её дерзких детей.

Чтобы понять, что хочет сказать поэт, необходимо понять смысл символики литературных произведений И.Рябий. Одно из ключевых мест в её творчестве занимает символ креста.

Крест – один из древнейших символов. Символ креста обнаружен практически во всех древних культурах, известных современной науке. Так, у древних египтян крест с петлёй на вершине считался символом жизни, власти и богатства; у финикийцев крестом изображалась верховная богиня Астарту (за 2000 лет до рождения Христа); у вавилонян крест был атрибутом бога небес Ану; у ассирийцев крестом изображался бог войны Ашшура; у протославян крест заключённый в круг – символ солнца; у скандинавов крест изображен в виде свастики и пр. Впервые крест как символ появился около 6000 лет назад у шумеров (Междуречье) и в тэртэрийской культуре (территория современной Румынии).

Если говорить о христианстве, то у первых христиан основным символом была рыба («ихтис» по гречески). Греки видели в этом слове анаграмму имени Христа: Иисус Христос Божий Сын Спаситель. У первых христиан в качестве символа также встречаются образы агнца божьего, виноградные лозы, чаши, корабли. Лишь в начале IV века н.э. римский император Константин способствовал вхождению креста в набор христианской символики. Постепенно крест стал одним из главных символов христианства.

Символ Креста был принят и православием. Что он означает для православных людей? Архимандрит Рафаил так расшифровывает символику Креста: «Крест – наиболее полное откровение любви Творца к Его созданию, которое до распятия было неведомо даже ангелам. В нравственном аспекте Крест – это путь души за Христом; это новая заповедь о жертвенной любви. Без Креста были бы непонятны слова Спасителя: «Любите друг друга так, как Я возлюбил вас». В аскетическом плане Крест – образ самоотречения; в эсхатологическом плане – любовь Логоса к Церкви и обречение Христа с человеческой душой через Крест. В мистическом плане – это тайна любви, проявляемая через страдания; в символическом – это образ спасения мира, совершенный Христом.

Четыре конца Христа – знак четырёх сторон света и четырёх времён года, жертва, охватывающая пределы пространства и времени. Верхнее перекрестие православно-го Креста – путь к Богу, единство земной и Небесной Церкви, косой крест внизу – по-

ражение демонических сил, будущее разделение зла и добра, надежда на спасение для тех, кто находится в аду до Страшного суда. Горизонтальная линия Креста – Божественная любовь, которая объемлет Вселенную, проповедь о спасении, обращенная ко всем народам.

Для христианина Крест – символ не смерти, а жизни. Любовь – это полнота жизни, а жертвенность – высшее проявление любви, поэтому распятие Христос назвал Своей славой. Крест – это не поражение, а добровольный акт Божественной любви (Господь говорил апостолу Петру, что легионы ангелов могли бы защитить Его). Крест – это иконографическое изображение всего Священного Писания, так как сам Господь сказал, в двух заповедях любви к Богу и ближнему содержится весь закон и слова пророков. Крест – это солнце любви, озаряющее мир, символ покорности воле Божией. Только Христос мог стать жертвой за грехи мира. Если в лице Адама пало всё человечество, потенциально существующее в нём как своё в начале и истоке, то Сын Божий, в предвечной идее которого существовал Адам и всё человечество, смог принести в Своём лице жертву за весь мир. Сущность жертвы – добровольная замена виновного невиновным, поэтому Крест – это соединение Божественной правды и Божественной любви» (Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Рафаил. – М.: ЭКСМО; СПб.: МИДГАРД, 2006. – С. 307-308).

Опираясь на понятие Креста, мы попытаемся исследовать символику творчества И.Г. Рябий.

Если следовать аналогии, то категории низа и верха, прошлого и будущего, образуют крест. Для православных христиан вопрос о Кресте выходит далеко за рамки историчности. Крест является символом, защитником христиан. Крест есть символ жизни и спасения души человека. Только с принятием великого Таинства Крещения человек получает способность побеждать грех в самом себе и внешнем мире, освобождается от власти тьмы, обретает Ангела хранителя.

В чём тайна Креста? В том, что Иисус Христос на кресте страдает за наши грехи, воспринимает всю человеческую боль. Он принимает на себя, и переживает муки, полагающиеся всему человечеству за его грехи. На Кресте Иисус Христос переживает слитые воедино страдания всего человечества. Спаситель смертью на Кресте совершает победу над общечеловеческими грехами. То же самое происходит и со Святой Русью: она распята на Кресте, страдает за все человеческие грехи. И всю мощь общечеловеческого греха уничтожает в себе. В 1917 году Россия восстала и пострадала за грехи дедов и отцов, повинных в грехе сребролюбия и крепостничества, а в 1991 году пал режим, повинный в ужасах ГУЛАГа. Но и такую Россию, потерявшую ориентацию, утратившую историческую память, сегодня многие в мире боятся и ненавидят. Но пройдет время и, думаю, что Святая Русь возродится, как птица Феникс – из пеп-

ла. Не случайно И.Г. Рябий ставит вопрос: «по тем ли законам живет весь мир?» И отвечает: разумеется, мы живём не по-христиански.

И.Г. Рябий в своём творчестве очень часто обращается к религиозным сюжетам и образам. Она пишет в предисловии к книге:

«Мне запомнилась одна притча, рассказанная студентам при объяснении, что такое, эта обратная перспектива дьяконом Андреем Кураевым... Суть её такова, что принимать хулу, клевету, побои для истинно православного человека естественно, тогда как хвалу – противно душе. Тогда возникает вопрос: по тем ли законам живет весь наш мир? Наверное, мы все видим неправильно-перспективно, и соответственно этому видению, мы и живем не по-христиански».

Жизнь вечная начинается с духовного рождения, то есть Таинства Крещения. На каждого человека во время крещения нисходит Дух Святой, Который очищает его от грехов. При крещении душа наполняется светлыми энергиями. Душа человека не терпит пустоты. Если в душе нет Божьей благодати, то она заполняется холодом и мраком. При Крещении человек встаёт на путь освобождения от власти сил тьмы, от многочисленных грехов, получает дар вечной жизни. Во время крещения и последующего каждого крещения посредством молитвы душа человека открывается для света Божьего, для познания светлого мира, самого Творца и его творений. Человек крещенный зрит Спасителя, оказывается на пути к Богу. В этом тайна творчества И.Г. Рябий. Открыв дверь к Богу, человек начинает своим духовным зрением различать, отсекают и разоблачать всё, что относится к миру тьмы. Он начитает слышать Слово Божие, понимать Слово Божие, нести в себе Слово Божие, передавать его другим, блуждающим в потёмках людям. Поэтому один из последних сборников поэтесса назвала «Обратная перспектива».

Для человека, поднимающегося вверх и открывающего дверь в вечность в «проёмном мраке» там, в небесах виден Бог. Ибо по закону Дух Святой сначала нисходит на тех, кто несёт Крест, кто принял Таинство Крещения, затем происходит очищение, научение и действие. Так, Вяч. Иванов отмечал: «Закон нисхождения света должен осуществляться в гармонии с законом сохранения света. Прежде чем нисходить, мы должны укрепить в себе свет; прежде чем обращать в землю силу, мы должны иметь эту силу. Три момента определяют условия правового нисхождения: на языке мистиков они означаются словами: очищение, научение и действие... Очищение выражено в призыве... (т.е. переменитесь внутренне, раскайтесь в прежнем), которым Христос начинает свою проповедь. Здесь пробуждение мистической жизни в личности – первая и необходимая основа религиозного дела. Здесь осознание всех ценностей

нашей критической культуры, как ценностей относительных, предуготовливающее восстановление всех правых ценностей в связи божественного всеединства... Второй момент, момент научения, есть общение Имени. Здесь мистика осознает себя как кормилицу истины религиозной... Третий момент правового нисхождения есть действие; при соблюдении первых двух условий здесь нисхождение становится не только действенным, но и правым нисхождением во имя Бога, несомненно плодотворным и воскресительным, – нисхождением света, которого не обнимает тьма».

Творчество Ирина Рябий подталкивает человека к первому шагу – очищению от прошлых грехов. За ним последует второй, третий шаги. Виден Бог очищаемому потому, что человек наверху через таинство Креста в своей душе может сосредоточиться на духовном искании, духовном совершенствовании и своим духовным зрением увидеть Того, к кому стремился. Ирина Рябий зовёт человека сделать первый шаг – шаг таинства крещения, полюбить Творца, возлюбить ближнего как себя самого. И тогда ему откроется другой мир, путь светлой перспективы в собственное «Я».

Для русских людей крепость и крест являются составной частью характера, Русской идеи, Русского Духа. И.Г. Рябий пишет: «Русский характер – / крепость и крест...». Русские люди прикреплены к земле, нужде, беде, скудной еде, к бабе сварливой, к пустой голове, к мучителям... Но терпение кончается и тогда русские хватаются за нож, за топор, начинают бунтовать. «Нож, топор» – это символы войны против угнетателей, поработителей, мучителей. Это символы отчаяния русских людей. За оружие они берутся в крайнем случае, когда до такого состояния их доводят угнетатели. Помахали топорами, побили угнетателей и мучителей и снова терпение, снова целуем крест, поём акафисты.

Русский характер –
крепость и крест,
Крепость и крест,
хоть и степи окрест:
Крепость к земле,
и к нужде, и к беде,
К холоду в доме,
и к скудной еде,
К бабе сварливой,
к пустой голове,
К праздникам древним,
к чинам и к тому,
Мучает кто,

словно черти в аду.
Нож на глаза попадётся –
и хватя:
Изверг на небо,
а мученик вспять.
Снова мучитель,
и снова терпеть –
Крест целовать
и акафисты петь.

Крест занимает одно из важнейших мест в личной культуре русского человека. Крест, как пишет И.Г. Рябий в стихотворении «Русский характер...», является частью его души, ума и характера. Крещение, целование креста, пение акафистов сопровождают всю русскую жизнь. С осенения себя крестом начинается молитва перед любой деятельностью, например, перед трапезой, перед каким-то важным делом, перед поездкой ... Перекрестился и появляется легкость души, неизреченная радость, человек снова рождается и обретает способность к доброй вечности. Русский человек крестится и в Церкви и вне её. Например, я видел многократно в Ханты-Мансийске водителей микроавтобуса, которые перед Церковью замедляли ход, крестились, и продолжали путь дальше. Крестьясь, они приобщались к Богу, искали защиту от аварии, просили помощи у Святого Духа.

Человек без Бога в душе, без Царя в голове есть человек, потерявший веру, ориентиры, есть человек вечно сомневающийся, страдающий, заливающий горе водкой, ввергающий себя в пучину страстей. Почему человек остаётся без Бога в душе? Да потому, что он не имеет духовных навыков с детства. С детства он не был посвящён в Таинство Креста, которое открыло бы ему дверь в иной, светлый мир, к Божественному Свету. И у человека возникает разочарование, ощущение, что время обмануло его. Так ли на самом деле, время ли обмануло человека? Время не может обманывать, ибо оно неумолимо, оно вечно идёт вперёд, никогда не останавливается.

Человек без Креста в душе обманул сам, сам захотел ускорить бег времени и «напоролся» на результат своей спешки, торопливости, нетерпения. Нарушение хода времени и толкает людей на всякие ниспровержения, на потрясения основ вселенной. Потому что лишён человек Креста в своей душе, у него перепутались низ и верх, прошлое, настоящее и будущее. Это и привело к хаосу в головах, всяким неверным решениям. Человек без креста есть человек дисгармоничный, деперсонализированный. Это, как сейчас говорят, «человек компьютерный», «человек сексуальный», «человек экономический», «человек политический», «человек числовой» и т.д. То есть человек

ограниченный, человек потерявший связь со временем и пространством. Современная философия называет таких людей одномерными людьми, людьми односторонними, хотя, может быть, и достаточно глубоко знающими предмет своей профессиональной деятельности.

Нас время обмануло: как легко
Мы шли навстречу невоским переменам –
Нас всех самоубийственно влекло
Ниспровергать основы у вселенной!

Рабы не мы! – орала матросня, –
И вешала господ на реях гордо.
Так началась великая возня,
Иль самоистребление народа.

Нас обмануло время вновь, и те,
На тесных кухнях читанные книги,
В которых говорилось о тюрьме
Народов и свободе инвалидов...

Нас обмануло время и тогда,
Когда за ваучер страну распродал,
Мы верили: взошла она, звезда
Пленительного счастья – свобода!

И вот горя, злобою горя,
Мы осуждаем всё и вся приватно:
А целый век прошел впустую, зря –
И в этом время было виновато!!

Человек есть отражение отражений, результат всякого рода преломлений и искажений. Он считает, что не виноват во всём происходящем. Человек винит в своих бедах весь мир, и, что особенно удивительно, винит время. В человеке говорит гордыня, множественность, зло, ложь, нетерпимость, несправедливость. Он становится таким же несправедливым, злым, каким являются те люди, которые, по его мнению, довели его до такого состояния. Именно поэтому мир и погрузился в хаос взаимных распрей. Ирина Рябий пишет, что мы верим, что звездой пленительного счастья яв-

ляется свобода. Но, что с этой свободой делать, когда нет работы, когда нет дома, когда не достучаться до бездушных чиновников разного уровня, когда в кармане три копейки, когда не дают развернуться человеческим способностям эти чиновники или бандиты? Мы разочаровались в такой свободе и во всем виним время. А время – это всего лишь одна из горизонталей Вселенского Креста. Крест не сложится, если мы не обратим свой взор на небо, к Богу, если мы не откроем своё «Я» для Творца, если и не впустим Его в себя. Не понимая этого, мы всегда строим новое прошлое, новое будущее, далекие от истинного прошлого и будущего. А где это истинное прошлое? Мы его давно потеряли, вернее, вытеснили из сознания. И в результате, как утверждает Ирина Рябий, «целый век прошёл впустую!» Мы сформировали новое искусственное прошлое, на нём построили новое видение будущего – коммунизм. Не время виновато, виноваты мы – люди, отвергшие Вселенский Крест, остановившиеся в своём духовном возвышении.

Как преодолеть это разлом в русских умах, душах и сердцах? Только возвращением в души Креста, посвящением в Таинство Крещение, только очищением от грехов и искренним покаянием. И тогда, согласно закона нисхождения прольется на людей благодать Божья, на человека сойдёт Дух Святой. К этому в своих стихах и призывает нас Ирина Рябий. Человек, не посвященный в Таинство Крещения, не поймёт сущность её творчества. Помню, однажды подошла ко мне студентка и сказала: «Я никак не пойму, о чём пишет в своих сонетах И.Г. Рябий». Я поинтересовался, а что она читала, как она изучала её стихи. Девушка сказала, что внимательно прочла книгу, после смотрела в энциклопедии, справочники, но так ничего и не поняла. Я спросил, а крещенная ли она. Девушка оказалась некрещеной. Я ей объяснил тогда, что пока она не примет душой и сердцем Крест, пока не пройдет Таинство Крещения, перед ней будут закрыты двери в тайны творчества И.Г. Рябий.

Для И.Г. Рябий Вселенский Крест является частью её «Я», частью души, частью сознания. Более того, Крест для Ирины Рябий становится одним из ведущих методов познания и исследования. Так, анализируя творчество хабаровского поэта Константина Выборова, поэтесса пишет о «Кресте молчания». Крест молчания несли священники, художники, поэты советского и не только советского времени, то есть времени, когда нельзя было говорить о том, о чём думаешь, нельзя было написать о чём хотелось писать, о чём кричит душа, что волнует сердце и ум. Творческие русские люди несут этот Крест молчания и сейчас, когда определённые кланы захватили сцену, издательства, толстые журналы. «Крест молчания» – это своего рода результат работы исихазма, одного из направлений традиционной русской мысли. Тема молчания раскрывается Ириной Рябий в статье «Дышала бы только душа...».

«Официальная установка на массовость культуры и обязательную её партийность в конечном счете привела к тому, что культура в нашей стране обрела очертания монстра. Кажущаяся доступность занятий литературой и невысокие критерии, продиктованные политизировано-утилитарным подходом к искусству, – всё это вызвало к жизни довольно серую литературную продукцию. Чиновники от литературы зачастую отгесняли беззащитные таланты на периферию культуры. Часто вынужденное молчание оказывалось делом совести, дабы не осквернять душу ложью и оставаться чистым перед будущим. Так наши поэты умирали для публики, едва успев родиться. Такое молчание вряд ли можно назвать золотом, от него веяло могильным холодом и обреченностью».

Крест молчания – это своеобразная философия жизни творческих личностей в закрытых, структурированных общественных системах. Их идеи расходятся с официальной политикой, их работы не публиковали и не будут публиковать журналы и газеты. Ибо взгляды этих личностей расходятся с официальными установками и мифами власти вообще и «четвертой власти», в частности. Они смиренно несли и будут нести Крест молчания по жизни. Ибо знают, что придёт время, когда их стихи, картины, музыка заговорят, станут частью сознания русских людей. Крест молчания – это своеобразный ответ на запреты советской действительности. Это же ответ и на современную коррумпированную, крикливую и жестокую действительность.

«Крест молчания» неуничтожим, он находится глубоко внутри нашего «Я». Но свет, от «Креста молчания», постоянно пробивается наружу через творчество поэта.

Ирина Рябий тонко уловила это. Постепенно накапливалась и родилась в сознании поэтессы идея обратной перспективы, то есть перспективы восстановления Вселенского Креста в душе поэта, в его сознании, в его творческом «Я». Это и стало её творческим кредо.

Согласно философской и поэтической концепции Ирины Рябий, русские люди, несут в себе Крест традиционной, имперской России, Крест идеи «Москва – третий Рим», Крест своей судьбы. Несут молчаливо, в молитвенном делании, в соответствии с национальной духовной традицией. Крест этот – наша тяжёлая и благородная работа. Ибо Крест – это дар Творца всем православным людям. Крест – это путь русской души, путь любви, путь Русской идеи. В воспевании этого символа и заключен смысл поэзии И.Г. Рябий.

В гостинной встреча новых лиц...

Владимир КАРСКАНОВ

ОФИЦЕРСКИЙ РОМАНС

Цветущей черёмухи запах волнует –
Хмельная, шальная пора.
Всю ночь с гимназистками рота танцует
Мазурку и вальс до утра.

Земля, просыпаясь под ласковым солнцем
От взрывов ещё не встаёт.
И юный поручик Серёжа Ростовцев
Романс офицерский поёт.

Мелькнули мгновения дивного бала,
Оркестр гарнизонный затих.
По улицам сонным домой провожала
Вся рота любимых своих.

Никто не предвидел в судьбе поворота –
Кровавых, безжалостных дней...
Ушла воевать офицерская рота,
Грустят гимназистки о ней.

Тускнеет и блекнет погон позолота,
И гаснет звезда за звездой.
С собой унесла офицерская рота
Черёмухи запах хмельной.

Над русской землёю холодное солнце,
Безумная вьюга метёт...

И юный поручик Серёжа Ростовцев
Уже никогда не споёт.

МЕДСЕСТРА

Пожелаешь всем добра с рассветом,
И проснутся сонные миры.
На тебе – из серебра и света –
Белая корона медсестры.

Без тебя пустынные коридоры –
Каблучки задорно не стучат,
И стихают смех и разговоры,
За окном грустит вишнёвый сад.

Ночь пройдёт под синею фатою,
А наутро, знаю, всё равно
Ты войдёшь в палату, за тобою
Солнышко закатится в окно.

Ты – самая прекрасная, земная...
Розы рдеют на твоём столе.
Не урони корону, дорогая,
Ведь принцесс так мало на земле.

БАЛЛАДА О БЛИНАХ

Розовело небушко рано поутру,
Шли колонной казаки на Гляден-гору.

И старинное село повстречалось им,
Из проснувшихся печей поднимался дым.

И пустынной в ранний час улица была,
Только бабка Дунюшка казаков ждала.

Крикнул сотник молодой: «Бабушка, привет!
Есть ли красные в селе или, может, нет?»

– Были красные, ушли года два назад
В златоглавую Москву, в столичный Петроград...

Сотник поблагодарил, лихо честь отдал,
На прощанье руку ей он поцеловал.

Опустела улица. Казаки ушли.
А у бабки Дунюшки слёзы потекли.

Медленно, ссутулившись в горенку вошла,
Где блины румяные казакам пекла...

Семь десятков долгих лет вихрем пронеслись,
Скольких добрых казаков здесь не дождались.

Да и бабка Дунюшка тоже померла,
Но любовь к казачеству в дальний путь взяла.

Татьяна ГОРКУНОВА

ЗВОНАРЬ

Русь – кругом, до небосклона,
Где разлита киноварь.
До малинового звона
Раскачал ее звонарь.

С колокольни звуки плыли
За поля, луга и лес –
Красной медью говорили
С миром голоса небес.

В купол бил язык с размахом,
Чтоб, расставшаяся с хворью,
Русь наполнилась не страхом,
А надеждой и любовью.

Мир будивший иступленно,
Колокольный медный звон
Шёл с небес. И умиленно
Плакали глаза икон.

МИЛОСЕРДИЕ

Вере Симаковой

Мир, играющий без правил,
Беспощадный и бездушный,
Под роскошным одеяньем
Ловко прячущий убогость,
Мир, который замечает
Силу, а не уязвимость,
Состраданью оставляет
Мало времени и места...

Тем ценнее чистый пламень
Человеческого сердца,
Освещающий кому-то
Темный путь из лабиринта
Одиночества и страха
К яркому сиянью жизни.

От него, расправив крылья,
Разлетаются по свету,
Словно Ангелы Надежды,
Милосердие, гуманность,
Состраданье, соучастье.
Постучавшись в чьи-то окна,

Зажигая где-то свечи,
Оставляя у порога
Новогодние игрушки,
Призывают: «Научитесь,
Как себя, любить другого!
Протяните на ладони
Доброты сердечной искру,
Сделав ближнего счастливей,
Жизнь – светлее,
Мир – гуманней!
И тогда вам не придется
Поиском терзаться смысла...»

ТАНЕЦ САЛОМЕИ

Как ты смешон, супруг мой Ирод!
Как ты нелеп в своём восторге,
Когда блестящими глазами
Следишь за танцем Саломеи!
Сжимаешь подлокотник кресла
Ты так, что побелели пальцы
И кровью налились рубины...

Как часто я тебя просила
Спасти меня от поношений
И оскорблений Иоанна!
Я слишком долго умоляла
Меня избавить от безумца,
Который называл блудницей
Твою жену Иродиаду,
А наш союз – кровосмешеньем!

Ты думаешь – за этот танец,
Твое нутро пронзивший током
Давно забытого восторга,
Сегодня ты заплатишь цену?

Нет, мой супруг! Платить придётся
За долгое пренебреженье
К моим слезам и уговорам!
Любуешься девичьим телом? –
Я вижу, как трясутся губы...
Плати за танец Саломеи!
Плати не золотом Халдеи
И не смарагдами Египта...
Сейчас она тебя попросит
Ей подарить не самоцветы,
А блюдо с головой пророка...

Ты словно мраморный, мой Ирод,
Сидишь с окаменевшим взглядом
И смотришь, как несут на блюде
Того, кто нас корил нещадно
И возвещал приход мессии,
И побеждал искусством слова...

А побеждён искусством тела...

СКРИПКА

Зал внимал в оцепененье,
Как смычок, прижатый к струнам,
Исторгал из тела скрипки
Восхитительные звуки...

Из бесценной древесины
Собиравший скрипку мастер
Подарил ей чудный голос
И немое ожиданье
В мягком кожаном футляре –
Петь, как только лишь коснутся
Струн её смычок и руки...

Мы играем в одиночку...
Без смычка и не по нотам.
Только как бы мы звучали,
Если б наших струн душевных
Кто-то трепетно касался!

Где-то наш скрипач плуствует?
Может быть, проходит мимо?
Может, сам того не зная,
На чужих играя струнах,
Тщетно ищет совершенства?

Мы давно играем сами,
Временами – виртуозно,
Забывая, что смычками
Иногда играть удобней.
А потом чистосердечно
Удивляемся вопросу:
«Ты когда-нибудь умела
Говорить не о работе?»

ВЕЕР

Вы спешите по паркету,
Вызывая оживленье, –
Вы обучены секрету
Учащать сердцебиенье...

И на мой поклон дежурный
Взгляд усмешкой заискрился...
Мне бы веер мой ажурный
Нынче очень пригодился!

За узорчатую тенью
Нежно прячется улыбка,
Говорит руки движенье,
Что в душе играет скрипка.

Веер бабочкой порхает,
Тайна в воздухе разлита...
Искушенность прочитает
То, что дверь моя открыта...

Веер спрятан... Лица-маски
Надеваем мы с рассветом...
И приснившиеся сказки
Проверяем этикетом...

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Когда за окнами капель
Стучит по клавишам асфальта,
Возьми меня, виолончель,
В объятья страстного контральто.

Залакированной души
Коснись своим глубоким стоном...
Звучи во мне – и не спеши
Умолкнуть в сумраке бессонном.

Священнодействуя вдвоём
И музыку рождая в муках,
Мы долго сладостно поем
И целый мир купаем в звуках.

Душевно мы обнажены
Сильней, чем без покровов тело,
Что ко всему бы охладело
Давно без этой глубины...

ОРГАНИСТ

Ветер, стужу, запах браги,
Плач жены, собачий вой,

Кочевую жизнь бродяги,
Переулки и овраги
Оставляет за спиной,
Отворяя дверь собора.
Здесь скульптурного декора –
Мудрых дев, святых мужей
В обрамлени витражей –
В воздухе разлит экстаз
Вдохновением для глаз.

Через клавиши и звуки
Весь собор берёт он в руки,
Ощутив сердцебиенье
Так, чтоб ребра контрафорсов
Распирало от волненья,
Так, чтоб трубы в голос пели,
Ввысь хоралы устремляя,
Так, чтоб стены закрипели,
Над землю воспаряя.
И горгулья над балконом
Смех язвительный сливала
С колокольным перезвоном
И аккордами финала.

МОНА ЛИЗА

Знакома миру я как Мона Лиза,
Супруга флорентийца дель Джокондо,
Что жизнь вела обычной горожанки,
Пока не повстречался мне да Винчи...

Когда же под мазками Леонардо –
Прозрачными и лёгкими, как воздух –
На дереве мой облик проявился,
Судьба моя навеки раздвоилась...

Какое дело до жены Франческо
Тому, кто посмотрел в глаза Джоконде?
Кому она с портрета улыбнулась
Загадочно, насмешливо, призывно,
Волнующе, печально, иронично,
В другое приглашая измеренье, –
Где различимы тени многих женщин,
Украшивших эпоху Возрожденья...
Где образ матери и светлый лик Мадонны
В жене купца невольно воплотились...
И где творец, в портрет вложивший душу,
С самим собой обескуражен сходством...

И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Владимир ЕНОВ

ПРОЛОГ

(Памяти моего деда Тимофея Ивановича Енова)

«Какую-то новость, видать, разузнал,
Наверно, спешишь поделиться со мною?» –
Так старый мой дед каждый раз вопрошал,
Смеялся хитро и качал головою,
Когда приходил я к нему поутру,
Здоровался и улыбался ответно,
Да ближе садился в уютном углу.
Минуты в том доме текли незаметно.

На нарах тесовых, на краешке самом
Вдвоём мы сидели, вели разговор
О веке вчерашнем, о времени старом, –
Дед многое помнил из тех давних пор.
Довольно длинны были деда рассказы,
А речь интересна, жива и мудра.
Как будто не было, а волшебные сказы!
Я слушать готов был всю ночь до утра!

Ах, дед! Ведь не зря совершенно седа
Твоя голова – ты видал в жизни много.
Событий мгновенья сложились в года,
В них вдоволь как доброго, так и дурного.
Ты даже о нравах имперских времён
Легко говорил, не спеша и толково,
А я все истории – так увлечён! –
Как губка, вбирал до последнего слова.

Уже четверть века с тех пор промелькнула,
Ручьёв, снегопадов, листвы череда.
Но памяти свечи судьба не задула,
Я помню те давние детства года:
Немного чадит на столе керосинка,
Степенный старик на кровати сидит... –
Почти наяву оживает картинка,
И дедушкин голос сквозь время летит!

Хочу записать, чтобы знал мой народ
Рассказы его – из Машпан старожила.
Корнями могуч человеческий род,
И в памяти нашей великая сила!

Перевод с хантыйского П. Черкашина

Мария ВАГАТОВА

МОСКВА

О тебе я пою, золотая Москва,
Город многих царей, город многих святых.
Смотрят в небо десятков церквей купола,
Слышит даль голоса колоколен твоих.

Если кто-нибудь скажет: «В Москве я живу...»,
Значит он и в России прописан навек.
Здесь нашедший свой дом – золотую Москву –
Обретает и Родину враз человек.

Бог не раз посылал непогожие дни,
Битвы страшные нашей Москве посылал.
Зря ярились враги: не сумели они
Одолеть этот город, что сказкою стал.

Много было невзгод на великом пути,
Что в легендах и песнях оставили след...
И хотя до Москвы мне не просто дойти,
Для меня на земле лучше города нет!

Потому что Москва – город тёплых сердец,
Он для каждого в нашей Отчизне родной –
Распахнёт свою душу, как добрый отец,
Подпирающий небо золотой головой.

Перевод с хантыйского А. Кердана

Елена АЛЕКОВА

БАБОЧКА

1

Над серебристыми холмами
Голубоглазый свод небес...
Взмахнув росистыми крылами,
Из ничего возникла здесь.

Бесплотная, сродни дыханью,
Средь паутинок и цветов...
Как будто лёгкое касанье
Щекочет пятки детских снов.

2

День ясный кажется бескрайним –
Округа радостью полна.
И всё ж над синими лесами
Тень смерти, как туман, видна.

Но в золоте лучей, корёжась,
Она теряет свой резон –
Уже на чучело похожа,
Что не пугает и ворон...

3

Всё это – твой день и твой сон
В вечном кружении света.
В делах и в вещах растворён,
Ты всё же за гранью предметов.

Не только сегодня и здесь,
Но – завтра и в Вечности тоже...
А дождиком вымытый лес
Сияет под небом погожим.

4

Очарованная бабочка летала,
Ветерок она не замечала.
Были дуновения тихи,
Как соцветий нежных голоски,

Что шептали ей издалека,
Что кружатся в небе облака,
Тяжело и низко нависают,
Грозовую тучей стать мечтают...

5

Как порхает бабочка-белянка
На прогретой солнышком полянке

8

Туман исчез, как лёгкий дым растаял.
Стал призраком. И светел мир вокруг.
И жизнь ещё такая молодая,
Что хочется тебе заплакать вдруг.

Ты изменить событий ход не волен:
День канет в бездну так же, как возник...
Лишь чучело, торчащее среди поля,
Показывает Вечности язык.

9

Танцуют бабочки в потоке света,
И смутною догадкой полон ты,
Что только миг живёшь под небом этим,
Один лишь миг до вечной темноты.

На волоске качаешь мирозданье,
Танцуешь между небом и землёй,
Как бабочка – наивное созданье...
А впереди и сзади – дождь стеной.

Перевод с болгарского А. Кердана

Он между нами жил...

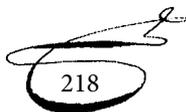

ВОБРАВШИЙ ВЫСОТУ...

Лев Григорьевич Румянцев – безусловно, одна из знаковых фигур уральской литературной жизни прошлого века. Многие годы он возглавлял отдел поэзии и прозы замечательного журнала «Уральский следопыт», тираж которого в лучшие годы превосходил тиражи московских литературных изданий. Опубликоваться в нём было заветной мечтой любого начинающего стихотворца и прозаика. Особенно тех, кто подвизался в жанре фантастики и приключений. К счастью для нас, уральцев, это было сделать довольно просто. При наличии, конечно, каких-то литературных дарований. Можно было прийти с «улицы», оставить свою рукопись и через какое-то время с удивлением для себя самого обнаружить, что твой опус опубликован, да, к тому же, тебе полагается приличный гонорар. Многие начинающие шагнули в большую литературу со страниц журнала. И, конечно, это была заслуга Льва Григорьевича, умевшего разглядеть растущий талант, поддержать его, потом следить за творческим ростом, снова и снова щедро предлагая страницы популярного издания для публикаций. Не скрою, «Уральский следопыт» стал и для меня первым журналом, где появились мои юношеские вирши. В годы, когда подобной открытости нельзя было добиться от московских журналов, когда ещё далеко было до первых книг, это обстоятельство серьёзно поддержало меня, вселило уверенность, что литературные занятия бросать не стоит. Лев Григорьевич был очень обаятельным и добросердечным человеком. Помню, после мы не раз бывали у него в редакции с моим учителем Венедиктом Тимофеевичем Станцевым. Говорили, случалось, и выпивали... Но ни Станцев, ни, уж тем более, сам Румянцев никогда не заговаривали о том, что Лев Григорьевич пишет стихи. Мне, с тогдашним моим юношеским максимализмом и сосредоточенностью на собственных литературных упражнениях, и в голову не приходило спросить его об этом. И вот теперь, много десятилетий спустя, запоздало я открыл для себя поэта Румянцева. Открыл благодаря стараниям его родных – супруги и дочери. Это открытие и порадовало меня, и огорчило. Порадовало, что Лев Григорьевич Румянцев был настоящим поэтом, огорчило – понятно, по какой причине...

Компенсируя эту несправедливость, представляю читателям альманаха подборку стихов Льва Румянцева, написанных им в разные годы.

А. Кердан

* * *

Вдоль улиц, клумбами паря,
Бредет весна шальная.
На сердце – около нуля
И ожиданье мая.

И снег – давно уже не снег,
А серая помеха.
И очень хочет человек
Избавиться от снега.

И потянуться после сна,
Как прутик краснотала...
Есть у весны своя весна,
Начало у начала.

* * *

В ночной тишине берега не видны.
И дышит земля или озеро дышит, –
нам кажется, кто-то незримый колыхет
и чуткую отмель, и темень воды.

От сказки и тайны светлеет лицо.
Не лишку ведь надобно людям для счастья:
жила бы Земля, не распалась на части.
Так хочется сказки со светлым концом.

Так хочется верить: не тысячью лет
бегущего света измерены встречи,
что мир не одною Землей человечен
и светом добра не случайно согрет...

Пологие волны качают звезду,
и мы, зачарованы близким движеньем,

следим за искристым ее отраженьем,
так просто вобравшим в себя высоту.

* * *

Во вселенной витают зёрна –
Умудрённые души родных.
Память скорбно и животворно
Улетает взглянуть на них.

Небо искрится, голубеет,
Светлой сутью сближает нас.
На бескрайней звёздной аллее
Наша встреча в урочный час.

Мы откликнемся тихим вздохом
И, как прежде, рука в руке,
Словно снова в одной эпохе,
Словно снова невдалеке.

Где-то сбоку промчит комета,
Наши годы совьёт в кольцо
И бегущей волною света
Озарит дорогое лицо.

Улыбнемся друг другу взглядом
И молитвенно помолчим.
Слава Богу! – мы снова рядом,
Как звезда и её лучи.

* * *

Дочери Алёнке

Под первый дождь,
под первый гром
мы угодили ненароком,

* * *

И это край земли?

 Ни купола впритык,
ни звёзд у самых ног, ни страшного обрыва...
Прошелестел травы потёртый половик,
и одуванчик дернулся пугливо,
под сгнившею щепой угрелся шампиньон,
кузнечик замер, как бегун на старте,
паук седьмую муху взял в полон...
Да, это край земли.

 А дальше – все в асфальте.

* * *

Когда-то будет так:

 придет последний год,
а я не буду знать отпущенного срока, –
что взведены часы и начался отсчёт
до старта в бесконечное далёко...

Когда-то будет так:

 придёт последний май
с его салютом, скорбью и молчаньем.
Листвой поющей, буйством птичьих стай
и радостью извечного начала.

А я не буду знать отпущенного срока, –
что взведены часы и начался отсчёт
до старта в бесконечное далёко...

И август подойдет,

 последний август мой –
пора грибов и росной косовицы.
В ручье прозрачном хариус литой
глядеть на звёзды будет, как молиться.

А я не буду знать отпущенного срока, –
что взведены часы и начался отсчёт...

Грядёт зима,
в последний раз метель
споёт мне за окном, как любо ей на воле,
и стихнет, прошептав, чтоб я не трогал ель
в усладу новогоднему застолью.

А я не буду знать отпущенного срока...

И подойдёт апрель с его живой водой,
и жаворонок трелями прольётся...
в апреле я уйду, за некою чертой
оставив город, помыслы и солнце.

Не буду знать...

Уйду, не чуя ног,
по звездным этажам в безвестное далёко.
Незримо «да» и «нет» разделят только вдох,
всего лишь вдох... и целая эпоха.

ЛИСТЬЯ

Дом в три окна. Калитка. Тихий сад.
Сюда писал он матери и клёну.
Признание – «был и не был виноват» –
вitalo пухом, болью затаенной.

Что помнишь, клён? Наверно, не слова,
а нечто, не постигнутое нами.
Так песни, что поют тетерева,
мы только тщимся передать словами.

И синь Оки, пронзительная синь,
видна ль тебе, проросшему у тына?..

Тут ширь такая – хоть ополовинь,
не оглядеть любую половину.

Нет, старый клён, тебе свое дано:
по осени багряно засветиться
и уронить прошедшего звено –
несчитанные ласковые листья.

Светла округа от твоих щедрот,
дом в три окна, усадьба у обрыва,
а от избы к усадьбе поворот,
и неизбежно горький, и счастливый...

Лист на ладони теплится огнём,
из жилок в жилы ток передаётся.
Не в том ли суть, чтоб стать живым звеном
меж тем, что есть, и тем, что не вернётся.

К СТОЛЕТИЮ ЮРИЯ ХАЗАНОВИЧА

ХАЗАНОВИЧ Юрий Яковлевич (1913–1969), родился в городе Кременчуге на Украине. Участник Великой Отечественной войны с первых дней, старший лейтенант-артиллерист. Тяжело ранен в боях под Смоленском при выходе из окружения. Был доставлен в один из Свердловских госпиталей, в результате ранения стал инвалидом, что послужило причиной ранней его смерти. Писатели знали его как веселого, неунывающего человека, умеющего быть душой любой компании, а так же как талантливую автора многих повестей, рассказов, очерков, фельетонов, киносценариев. Член Союза писателей СССР.

Рассказ Юрия Хазановича для «Чаша круговой» предоставлен внуком писателя Дмитрием Хазановичем, многие годы плодотворно сотрудничающим с Ассоциацией писателей Урала.

А. Титов

СТЕПАН ДЗЮБА

Открыв глаза, Степан Дзюба понял, что он ранен и что танк его подбит.

Как это произошло, он не мог вспомнить. Он помнил только, как выехали из леса, промчались через пустое, выжженное село и вырвались в поле. Белая хатка на околице, с выбитыми стеклами, с обгоревшей крышей, заснеженный садик и кусок низкого плетня – всё это до боли, до тоски напоминало ему тогда родное, далёкое Приднепровье. И он долго не отрывался от смотровой щели. Ещё он помнил огромное ухабистое поле, густую паутину колючей проволоки, холмы укреплений и ямы, из которых тянулись к нему длинные хоботы орудий.

Он летел прямо на них, вдавливал в землю, врвался на холмы и круто разворачивался. Танк то оседал, проваливался, то взлетал кверху. Дзюбе казалось, что он слышит треск бревен, костей, безумные крики и грохот осыпающейся земли.

– Чуешь? – кричал он механику, и тот орал в ответ что-то громкое, восторженное. И они мчались дальше.

Неожиданно раздался грохот, танк содрогнулся и остановился.

Дзюба хотел приподняться, но не мог. Душный, раскаленный мрак был продырявлен рваной, серой от дыма пробойной. Снаряд разорвался внутри машины. Танк горел.

Протянув руку, Дзюба нащупал плечо механика. Но не там, где всегда его находил. А ниже. Небольшая, шершавая рука Белова была чуть теплой, не живой.

– Сердюк! – закричал Дзюба, – Колька!

Никто не отозвался.

Голову словно перехватил тугой и горячий обруч. Дзюба с трудом скинул шлем и услышал музыку. Странную, оглушительную, незнакомую.

Дзюба понял, что он оглох. Закрыв глаза, он бессильно опустил голову.

– Вот и всё, – горько подумал он. – Крышка.

И острое сожаление о том, чего он не успел ещё сделать, охватило его.

Дышать становилось жарче, труднее. Дзюба рванул ворот, рука его сорвалась ниже, и он ощутил остывшие пальцы Белова.

– Нет, жить! Во что бы то не стало – жить!

Когда Дзюба припомнил, наконец, как открывается передний люк, у ног его уже трепетало пламя. Плечи застряли в неожиданно сузившейся дыре люка, а горячие и тяжёлые, будто чугунные, сапоги тянули вниз, и тело, казалось, вот-вот разорвется пополам. Дзюба шевельнул локтями и соскользнул в глубокий синеватый снег. От острой, ошеломляющей боли в ногах он заскрежетал зубами.

Из люка, из смотровых щелей валил едкий тёмно-серый дым. На Белове тлела облезлая кожанка. Схватив его за плечи и напрягаясь до холодного пота, Дзюба стал яростно тащить механика. Пламя лизнуло руки, но Дзюба не отнял их, а ещё крепче сцепился в дымящуюся кожанку.

– Вытащить. Всех до единого вытащить!

Наконец, ребристый шлем, стукнувшись о кромку люка, высунулся наружу, и Дзюба вместе с механиком повалился на снег.

Когда Дзюба поднял голову, справа, из леса к танку шли двое. На них были короткие зелёные шинели, тёмные каски, и на груди у одного висел чёрный автомат. На голубом фоне неба, над белым ровным полем отчетливо были видны эти зелёные, чуть сторбленные фигуры.

– Из огня да к немцам, – вытаскивая из кобуры пистолет, подумал Дзюба. Руки у него слегка вздрагивали. Раньше, когда в смотровой щели металась такая же зелёная фигурка, руки его словно срастались с пулеметом, и вместе с ним дрожали частой, твёрдой дрожью до тех пор, пока в щели не становилось чисто и пусто. И теперь его руки как будто потянулись не к пистолету, а повторили то же привычное движение.

Дзюба ждал. Он забыл о перебитых ногах, о боли, обо всём. Каждый его мускул, всё его тело налилось тугим, настороженным спокойствием. На животе у немца вспыхивала широкая белая пряжка.

– Солдат, – подумал Дзюба. Он видел не раз эти солдатские пряжки с успокоительной надписью, выдавленной вокруг плоского, общипанного орла: «С нами бог». – А хоть сам сатана, – пробормотал Дзюба, с усилием взводя курок. Во втором немце он по ярким нашивкам угадал офицера. Немцы заметили его и остановились. Солдат быстро снял с груди автомат, офицер достал револьвер. Они что-то кричали, размахивая руками.

– Не стреляют, – соображал Дзюба, задыхаясь от нетерпения и злости, – целенького хотят...

Немцы постояли и разошлись, – офицер налево, солдат направо. Они шли в рост, и это бесило Дзюбу. Он понимал, что на таком расстоянии ему не достать их, а тратить патроны попусту он не имеет права. Если сейчас перед ним только двое, то через минуту, учув русского, набегит целая стая.

А у него... У него только две обоймы, – шестнадцать патронов да граната. Шагах в двадцати офицер снова остановился и замахал револьвером. Дзюба не выдержал и выстрелил. После второго выстрела офицер выронил револьвер, и, согнувшись, как-то боком, нырнул в снег. И в ту же минуту Дзюбе обожгло руку ниже локтя, и страшно отяжелевший пистолет выпал. Снег дымился вокруг Дзюбы. Превозмогая боль, Дзюба стал разгребать снег. Под правой рукой снег багровел и таял. Пистолета не было. Тогда

Дзюба вспомнил о гранате. Когда белый вихрь улегся, Дзюба увидел справа неподвижную черную каску солдата. И тут же заметил он, что офицер уползает обратно в лесок.

– Стой! – крикнул Дзюба, – Стой, ползучий... И таща рядом с собой правую руку он пополз немцу вслед. Пробивая головой дорожку, Дзюба глотал снег, захлёбывался. Ноги, эти проклятые колоды, едва волочились за ним. Он знал, что немцы сбегутся на стрельбу, на взрыв гранаты, и тогда ему не поможет единственная здоровая рука, ничто не поможет. Дзюба торопился.словно во всей войне и было только двое: он и этот немец. И только он, Дзюба, должен был рассчитаться с ним за ту обгоревшую хатку на околице, за пустое село, за свои перебитые ноги, за всё, всё. Чувство это заглушало боль, гнало Дзюбу вперед. Сквозь запушенные снегом ресницы он видел уже сверкающие подковки на каблуках у немца.

– Брешешь, – прохрипел он, – от нас не уходят!

Немец вдруг вскочил, но, пробежав несколько шагов, зашатался и упал. В то же мгновение Дзюба камнем повалился ему на ноги. Немец затрепетал, забился, а Дзюба, сцепив зубы, уже месил его. Внезапным рывком сбросив Дзюбу, немец подмял его под себя и жарко дышал ему в лицо запахом колбасы и крепкого мыльного порошка. Красная рука с выпуклыми ногтями лезла к Дзюбиному горлу, и в другой руке блестяла финка. Дзюба плюнул немцу в налитые кровью, выпученные глаза и рванулся изо всех сил. Уловив момент, он здоровой рукой поймал его руку, вывернул, и, когда финка выпала, вцепился в шею немца твёрдыми, негнушимися пальцами. Из правой руки, щекоча и обжигая, опять хлынула кровь, в глазах зарябило. Он услышал приближающиеся крики, стрельбу. Ему было ясно, что он погибнет. Но он погибнет победителем! И Дзюба крепче сомкнул свои замерзшие, ослабевшие пальцы вокруг похолодевшей шеи немца...

Дзюба приподнялся на койке и задумчиво провел рукой по чёрным растрёпанным волосам, в которых белел преждевременный клочок седины.

– А то, оказывается, были наши, – сказал он тихо. – Забрался я, понимаете, далеченько, – пехота и приотстала малость. Дзюба обвел глазами затихшую палату и, царапая ногтем белый шершавый гипс на ноге, добавил: – Ребяток мне жаль. Слов нету, как жаль...

Он знал, что глухие обычно кричат, и поэтому говорил очень тихо.

Когда порой воспоминанье...

Светлана ФРОЛОВА

ПОЭТ ЛЕВ РУМЯНЦЕВ – МУЖ И ДРУГ МОЙ

Это рабочее название моей книги о Льве Григорьевиче Румянцеве, поэте, драматурге, более четверти века проработавшем редактором отдела прозы и поэзии в журнале «Уральский следопыт». В книге собраны воспоминания его родных и друзей, мои воспоминания о самом близком и дорогом мне человеке, выдержки из дневников Лёвушки, которые он вел всю жизнь и, конечно, много его стихов. Вниманию читателей «Чаша круговой» предлагаю одну из глав этой книги под названием «Друзья».

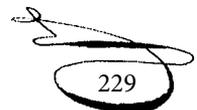
Виктор Петрович Астафьев.

Они были большими друзьями – этот замечательный писатель и мой муж. У нас дома хранится книга В.П. Астафьева «Звездопад» с теплой надписью: «Льву Румянцеву, в память о сотворении «Перевала» и на дружбу, долгую, мужицкую. В. Астафьев г. Чусовой – 62 год». Ещё книги, ещё добрые, теплые пожелания от Виктора Петровича: «Леве Румянцеву с давней симпатией и приветом! В. Астафьев г. Вологда, апрель 1978 года».

Хранится у нас и письмо из любимого Астафьевым села Овсянка, родины Виктора Петровича, где он родился и был похоронен. В нём Астафьев пишет Лёве в ответ на посланный им один из первых номеров газеты «Колокольчик», которую мой муж издавал в последние годы своей жизни, вложив в это издание много сердечного тепла и профессионального умения.

«1 июля 1992 года. Село Овсянка.

Дорогой Лева! От тяжелой работы над романом я так устал и износился, что мне и на ручку-то смотреть муторно (а написал-то всего первую часть и не самую трудную – идёт в номере 10-11 «Нового мира»), но ты прислал такую славную, но главное нужную газетку, как всегда с обольстительным письмом, что не откликнуться невозможно. Я сейчас в деревне. Отрывался только на это дикое сборище под названием съезд писателей и снова к себе, в избу, в огород. И внучка-сиротка со мной, сегодня от деда ложкой по лбу

получила (деревянной) и говорит, что у неё ум высветляется. Погода у нас наконец-то наладилась, всё растёт хорошо и это радует сердце, а то ведь вовсе с голодухи загнёмся.

Послать мне для твоей газетки пока нечего (...), но если что из «Затесей» подходящее про детишек или ещё про что нарисуеться – пришлю непременно.

Сейчас вот редакторша из Москвы прилетела – начинается в Новосибирске, в каком-то новом издательстве работа над наиболее полным собранием моих сочинений, в 93-м должно выйти аж 4 тома, но цена, цена! 80-100 рублей за том!

Закончу, укачу на Алтай, а потом на рыбалку, в тайгу – нынче исполняется 5 лет со дня смерти дочери, так надо хоть на поминки рыбы добыть. Она была большой охотник до рыбы, особенно такой добытой. Ох-хо-хо-ооо, и всё же не проходит чувство вины, и все не верится, а дети растут – Вите брякнуло 16 лет, Толе пошёл десятый, вот бы матери-то и помощники были, и радости и горя она с ними хватила бы, а ныне мы с М. С. едва тащим воз в современную гору.

Ну, прости! Поклон всем твоим домашним, Алене много сил и терпения.

Преданно кланяюсь – Виктор Петрович (В. Астафьев).

На обложке книги «Последний поклон» надпись: «Леве и всем Румянцевым из Сибири поклон, в память о прошлых днях, с пожеланием доброго здоровья. В. Астафьев 3 декабря 1994 года. Красноярск».

Это пожелание действительно оказалось «последним поклоном» давнему другу. Через 8 месяцев Лёвочки не стало.

Владислав Петрович Крапивин.

И ещё один замечательный друг был у Льва Григорьевича: – Владислав Петрович Крапивин – «Слава, Славочка», как его ласково называл мой муж. Лёва очень любил Крапивина, который был его намного моложе. Какое-то время они вместе работали в «Уральском следопыте». В 1965-м году В.П. Крапивин ушёл на творческую работу, но Лев Григорьевич продолжал с ним общаться и радовался каждой встрече.

Их многое сближало, этих таких разных по возрасту людей и, прежде всего – молодость духа, романтическая устремленность к добру и свету, во многом проявлявшаяся в любви их обоих к сказкам. В 1978 году, в одном из своих выступлений, посвящённых творчеству В.П. Крапивина, Лев Григорьевич сказал: «О роли сказки в творчестве Крапивина, элементах сказки в его реалистических произведениях можно было бы говорить много и специально посвятить этому выступление. Скажу только, что обращение к сказке для Владислава Петровича так же естественно, как естественен тон всех его повествований. Сказка даёт писателю возможность подняться до больших высот обобщения в незатихающей борьбе добра со злом... Мне трудно было бы ответить на вопрос – в чем Крапивин сильнее: в реалистической своей прозе или в сказочной. Мне кажется, это неразделимо, это – единый сплав».

У нас в семье хранятся книги с дарственными надписями В. П. Крапивина моему мужу. На обложке книги «Летающие сказки» мы читаем: «Льву Григорьевичу – две повести. В появлении одной из них он полностью повинен. Владислав Крапивин 6/VI-78 года». А вот и другие: «Льву Григорьевичу – в память о старой следопытской дружбе 20.06.85». «Льву Григорьевичу дарю Журавля, прямо в руки, надеюсь, что он не хуже синицы. 14.06.83» – это на книге «Журавлёнок и молнии». А вот ещё забавная надпись (на обложке «Мушкетер и фея»): «Льву Григорьевичу – еще одну (дай Бог, не последнюю). здесь портреты всех: героев, автора и адресата (см. 4 стр. обложки) В. Крапивин». На 4-й странице – замечательным художником Евгенией Стерлиговой (Лёвочка любил её творчество) изображен шикарный лев с крыльями – «портрет адресата».

В статье «Под созвездием Ориона» В. Крапивин пишет: «Приятно вспоминать, что впервые «Урал» напечатал меня в шестьдесят втором году. Это был маленький рассказ «Рубикон». Лев Григорьевич Румянцев, прочитав его, сердито критиковал меня за безжалостное отношение к животным: в рассказе пятилетний пацанёнок Клякса вышел против громадного зловредного гуся с оружием. С рогаткой... Сейчас я во многом пересмотрел свои по-юношески экстремистские позиции и признаю критику Льва Григорьевича справедливой».

Позже, вероятно, не раз редактировал мой муж произведения Владислава Петровича, печатающиеся в «Следопыте». Его редакторская работа отличалась всегда огромным терпением и бережным отношением к индивидуальности автора. Многие писатели и поэты были потом благодарны Лёве за его внимательное отношение к первым их опусам. Он очень уставал от такой работы, но любил её – это была своего рода литературная педагогика, так как, общаясь с авторами, он не мог не затрагивать в разговорах вопросов нравственности, чести, совести. До сердечной боли переживая сам варварское отношение к природе в нашем Отечестве, он старался заронить и в начинающих авторов зерно любви ко всему живому на Земле.

Мы с дочкой любим читать книги Крапивина! И всегда с теплом вспоминаем о том, как он поддержал нашу семью ещё при жизни Лёвочки и потом, после его ухода. Ольга Славникова.

Недавно я прочла статью известной писательницы Ольги Славниковой, в которой она рассказывает о том, что в 1997-м году получила Букеровскую премию за роман «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки», признанный лучшим романом года.

А я вспоминала как Ольга, еще совсем молоденькая, приходила к нам домой и беседовала с Львом Григорьевичем. Лёвочка всегда радовался её приходу. Он раздвигал гору бумаг на краю письменного стола, приносил чашечки с кофе, и они с Олей подолгу беседовали.

Муж мой восхищался расцветающим талантом юной писательницы и как-то

очень бережно, точно держал в руках нежный цветок, делился впечатлениями о нём со мной и своими друзьями. «Понимаешь, – сказал он мне как-то, – у неё какое-то своё, особое видение мира. Вот она начинает писать об апельсине, и он вдруг превращается в нечто волшебное, сохраняя при этом свой аромат и цвет, только всё это делается острее, ярче, пронзительнее что ли». Прости меня, Лёвочка! Может быть я не так передала твои слова, твой отзыв о манере письма Ольги. Но апельсин-то и твоё восхищение Ольгиным описанием его точно были.

А вот что записал мой муж в своем дневнике о встречах со Славниковой: «1989 год, 28-го июня. Вчера заходила Оля Славникова. Посидели, поговорили. Мне импонирует, что в ее реалистической душе маячком светится романтика. Говорит, что уже обьяелась литературной чернухой. Я в этом отношении её полностью поддерживаю. Романтика, романтизм, ориентация на безусловную победу света над тьмой – это то, что держало и будет держать человечество на высоте его предназначения».

«1982 год. 9-го апреля. Вечером ко мне приходила Оля Славникова. Много беседовали. Обо всём. Не знаю, что мне в ней симпатично – возможно, её непосредственность, её откровенность, её потребность в общении. И для меня это интересно. В ходе беседы невольно рождаются мысли. Допустим, об эксперименте в литературе. Я высказался так: над лабораториями генетиков во всем мире нужно повесить предупреждающие транспаранты – «Осторожно – жизнь!» Такие же транспаранты во всех наших Союзах писателей – «Осторожно, жизнь. Эксперимент разрешен в ограниченном, безопасном для жизни масштабе».

А вот слова самой О. Славниковой, высказанные в статье «Труды и дни»: «В последние годы на меня, можно сказать, свалилась известность. Не хочу кокетничать и врать: приятно получать литературные премии, приятно видеть своё имя мелькающим в прессе. Но у всякого дела есть своя обратная сторона. Самое трудное соперничество – это соперничество с собой. Успех есть отравляющий газ нервно-паралитического действия, почти ни у кого нет к нему иммунитета. И ещё: когда успех приходит, то выясняется, не со всеми его удастся разделить. Мне бесконечно жаль, что два дорогих мне человека – моя мама, Еликанида Николаевна Егорова, и мой задушевный друг, писатель Лев Григорьевич Румянцев, – совсем чуть-чуть не дожили до Букеровской эпопеи «Стрекозы».

И ещё совсем небольшой, но очень теплый отрывок из статьи «Я в Екатеринбурге» Ольги Славниковой. Описывая грустное событие – Лёвочкины похороны – она пишет: «Отпевали светлого человека, поэта, доброго сказочника, много лет заведовавшего отделом поэзии и прозы «Уральского следопыта», моего незабвенного друга Льва Григорьевича Румянцева».

Спасибо Вам, Оленька, за добрые слова о дорогом моем муже.

Друзья, прекрасен наш союз!

(хроника Ассоциации писателей Урала)

6 ноября 2012 года в Оренбурге состоялась XIII конференция Ассоциация писателей Урала. С докладом «Литература как исторический источник, или пишет ли историю литератор» сопредседатель АСПУр, сопредседатель Союза российских писателей А.Б. Титов (Екатеринбург). В работе конференции приняли участие Министр культуры Оренбургской области В.А. Шориков, секретари Союза писателей России В.В. Дворцов и А.И. Ивушкин, заместитель председателя СРП М.А. Анашкевич. Конференция утвердила план работы на 2013 год. В коллективные члены АСПУр была принята Оренбургская областная организация СПР (председатель Краснов П.Н).

6 ноября 2012 года в Голубом зале Оренбургского областного драматического театра им. М.Горького состоялась церемония вручения Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. В торжественной обстановке премии были вручены: Фатыхову С. Г. (Челябинск), Мазину В.А. (Нижевартовск, ХМАО), Кожевниковой Н.Ю. (Оренбург), Казанцеву П.П. (Салехард, ЯНАО), Комарову Г.А. (Челябинск), Юлаеву И.М. (Оренбург), Иванову Н. Ф. (Москва).

Март 2013 года – в резиденции полномочного представителя Президента России в Уральском федеральном округе прошла вторая торжественная церемония вручения литературной премии УрФО. На конкурс поступило более 60 работ из России, Украины, Белоруссии, Казахстана. Полномочный представитель Президента России в УФО И.Р. Холманских вручил премии, дипломы и знаки лауреатов А.Б. Титову и А.А. Щупову (Екатеринбург), Н.М.Шамсутдинову и Н.И. Коняеву (Тюмень), А. Н.Семёнову (Ханты-Мансийск), Анисимковой М.К. (Нижевартовск), Н.М. Олькову (с.Бердюжье Тюменской области), Черных (Захаровой) В.Н. (Снежинск Челябинской области). Специальной премии (посмертно) была удостоена поэтесса К.А. Некрасова. Дипломы номинантов получили 10 писателей из региона и Москвы.

26 апреля 2013 года состоялась третья церемония вручения Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика Венедикта Станцева (соучредители – АСПУр, Уральское отделение Литфонда РФ, дочь поэта Е.В. Григорьева). Лауреатами

премии стали М.М. Михайлов (Москва), А.С. Поповский (пос. Первомайский Челябинской области) и А.И. Рязанова (Екатеринбург).

24-26 мая 2011 года в Каменске-Уральском состоялся международный литературный фестиваль «Рифейские встречи», в рамках которого прошло 2-е международное совещание молодых писателей, в котором приняли участие сопредседатели Союза писателей России Н.Ф. Иванов (Москва), Геннадий Попов (Орел), Александр Кердан (Екатеринбург), сопредседатель СРП Арсен Титов, секретарь СП Москвы Лола Звонарёва, секретарь правления Союза писателей Белоруссии Сергей Трахимёнок, заместитель председателя Харьковской организации СПР Леонид Мачулин, председатели региональных организаций СПР и СРП Валентина Ерофеева-Тверская, Евгений Касимов, Борис Бурмистров, Виталий Молчанов, Петр Краснов, а так же известный славист из Франции Ренэ Герра, классик детско-юношеской литературы В.А. Бахревский и другие писатели из 17 субъектов РФ, Украины и Белоруссии. В торжественном открытии форума приняли участие Министр культуры Свердловской области П.В. Креков, глава Каменска-Уральского М.С. Астахов, епископ Каменский и Алапаевский Сергей. По итогам совещания молодых писателей рекомендовали для вступления в члены СПР Руслана Кошкина (Киров), Оксану Ралкову (Челябинск), Евгения Черникова (г.Каменск-Уральский Свердловской области), Елену Ранневу (Челябинск), Юлию Сливину (Кемерово), Владимира Соловьёва (Уфа), Дениса Барамзина (Киров), Сергея Ивкина (Екатеринбург). В 6 библиотеках города состоялись творческие встречи с читателями. Также проведен круглый стол по проблемам отечественной литературы в контексте мировой культуры (модераторы А.П. Расторгуев, А.Б. Кердан).

Январь–ноябрь 2013 года – в издательстве «АсПУр» вышли в свет восемь книг, в том числе два очередных тома «Библиотеки семейного чтения» (составители А.Б. Кердан и А.Б. Титов, вёрстка и дизайн С.В. Шангина).

Вышли в свет 3 номера газеты-журнала «Большая медведица» и двенадцатый номер литературно-художественного альманаха «Чаша круговая».

5-6 ноября 2013 года в Кирове состоялись XIV конференция АсПУр и церемония вручения Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка.

ОБ АВТОРАХ

Ильдар АРТЕМЬЕВ. Родился в 1940 году. Окончил Свердловский горный институт. Публиковался в журнале «Урал». Автор книги рассказов и былей. Живет в Екатеринбурге. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Валерий АКИМОВ. Родился в 1949 году в г. Сталиногорске Тульской области. Стихи пишет с детства, автор пятнадцати поэтических сборников. Творчество Валерия Акимова представлено в двухтомной хрестоматии «Страна без границ», в «Антологии поэзии Югры. 1930–2000 гг.», а также более чем в шестидесяти коллективных изданиях. В «Чаше круговой» публикуется впервые.

Елена АЛЕКОВА. Родилась в Болгарии. Окончила литературный институт имени А.М. Горького. Автор нескольких книг стихов. Занимается переводами. Живёт в Софии. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Денис БАРАМЗИН. Родился и живёт в Кирове. Член городского литературного объединения. Автор двух книг стихов. Участник международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральском в 2013 году. Рекомендован в члены Союза писателей России. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Елена БЫЗОВА. Родилась в Алтайском крае. Участник семинара прозы Всесибирского совещания молодых писателей в Барнауле в 2013 году. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Мария ВАГАТОВА. Родилась в 1936 году в деревне Юильск Тюменской области. Член Союза писателей России. Автор более 10 книг стихов и сказок на хантыйском и русском языках. Лауреат многих всероссийских и международных литературных премий. Почетный гражданин ХМАО-Югры. Живет в Ханты-Мансийске.

Владимир ВОЛКОВЕЦ. Родился в 1953 году в почелке Чур Удмуртской АССР. Член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живет в Югорске ХМАО.

Федор ВОСТРИКОВ. Родился в 1942 году в Самарской области. Автор 18 поэтических сборников. Много лет руководит литературным объединением «Тропа». Лауреат нескольких областных литературных премий. Награжден юбилейной Пушкинской медалью. Живет в Перми.

Татьяна ГОРКУНОВА. Родилась в городе Свердловске. Окончила факультет искусствознания УрГУ. Работает в Аппарате Полномочного представителя Президента России в УФО. Является автором и куратором многих социальнозначимых культурных проектов. Стихи в «Чаше круговой» публикует впервые. Живёт в Екатеринбурге.

Владимир ЕНОВ. Родился в Ханты-Мансийском автономном округе. Кандидат в члены Союза писателей России. Автор нескольких поэтических книг. Живёт в Ханты-Мансийске. В «Чаше круговой» публикуется впервые.

Валентина ЕРОФЕЕВА-ТВЕРСКАЯ. Родилась в Омске. Окончила Омский техникум советской торговли, Московский коммерческий институт, юридический факультет МЭСИ. Секретарь правления Союза писателей России, прелседатель правления Омской организации СПР. Член-корреспондент «Академии поэзии». Автор четырех поэтических книг.

Анастасия ЖУКОВА. Живет в Ханты-Мансийске, учится в Югорском университете. Стихи публиковались в периодической печати. Участник международного соещения молодых писателей в Каменске-Уральском в 2011 году.

Елена ЗАЛЁТИНА. Родилась в Алтайском крае. Участник семинара прозы Все-сибирского соещения молодых писателей в Барнауле в 2013 году. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Алексей ЗАСЫПКИН. Родился в Республике Коми. Участник международного соещения молодых писателей в Каменске-Уральском в 2013 году. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Лола ЗВОНАРЁВА. Родилась в 1957 году. Доктор исторических наук, академик РАЕН. Автор нескольких книг критики. Лауреат всероссийской литературной премии имени Д.Н. Мамина-Сибиряка. Главный редактор журнала «Литературные знакомства». Секретарь правления Союза писателей Москвы. Живёт в Москве.

Илья ЗИНОВЬЕВ. Родился в 1962 году в Свердловске. Заведующий кафедры телевидения, радиовещания и технических средств обучения. Доктор философских наук, доцент. Автор нескольких монографий. Член Союза журналистов России. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Евгений КАРГАПолов. Родился в 1951 году в Хабаровском крае. Окончил Ха-

баровский государственный институт физической культуры (1972). Доктор педагогических наук, профессор, академик Академии социальных технологий и муниципального управления Российской Федерации. Ныне возглавляет кафедру социально-экономических и гуманитарных дисциплин в Ханты-Мансийской государственной медицинской академии. Автор 10 монографий и нескольких книг критики. Член Союза писателей России, лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в области литературы. Живёт в Ханты-Мансийске.

Владимир КАРСКАНОВ. Родился в 1939 году в селе Байкалово Свердловской области. Окончил Свердловский государственный медицинский институт. Работал врачом-травмотологом. Награждён орденом «Знак Почёта» и 4 медалями. Ныне – есаул Оренбургского казачьего войска. Автор поэтического сборника и многих песен, исполняемых казачьими коллективами России. Живёт в Екатеринбурге.

Александр КЕРДАН. Родился в 1957 году в Коркино Челябинской области. Со-председатель правления Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала. Автор 42 книг стихов и прозы, лауреат многих литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Екатеринбурге.

Сергей КОЗЛОВ. Родился в 1966 году в Тюмени. Окончил Тюменский государственный университет. Работал директором школы, главным редактором газеты. Сейчас – депутат Тюменской областной думы. Член Союза писателей России. Автор многих книг прозы. Лауреат международной литературной премм им. В.П. Крапивина, премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка. Живет в г. Тюмени.

Владимир КОРОВИН. Автор двух сборников стихов и книги прозы. Публикует-ся в литературных альманахах и периодической печати. Член Союза писателей Рос-сии. Живет в Озерске Челябинской области.

Любовь КОРОБИЦЫНА. Родилась и живёт в Ханты-Мансийске. Член литера-турного объединения Ханты-Мансийского университета. Участник международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральском в 2013 году. В «Чаше круговой» публикуется впервые.

Руслан КОШКИН. Родился и живёт в Кирове. Член городского литературного объединения. Автор двух книг стихов. Участник международного совещания моло-дых писателей в Каменске-Уральском в 2013 году. Рекомендован в члены Союза писа-телей России. В альманахе «Чаша круговая» публикуется впервые.

Сергей ЛУЦКИЙ. Родился в 1945 году в с. Дзыковска Ямпольского района Винницкой области. Окончил Литературный институт имени А.М.Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг прозы. Лауреат премии Губернатора ХМАО-Югры и Всероссийской литературной премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка. Живет в с.Большетархово Нижневартовского района ХМАО-Югры.

Дмитрий МИЗГУЛИН. Родился в городе Мурманске. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им. М. Горького в 1993 году. Член СП России. Академик Петровской академии наук и искусств. Печатался в журналах «Звезда», «Молодая гвардия», «Наш современник» и др. Лауреат многих литературных премий, в том числе Всероссийской премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Автор нескольких поэтических книг. Живет в городе Ханты-Мансийске.

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ. Родился в 1955 году в Хмельнике Винницкой области. Член Союза писателей России. Автор нескольких краеведческих книг и прозы. Живет в Нижневартовске Ханты-Мансийского автономного округа. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка и премии губернатора ХМАО-Югры.

Иван МОРДОВИН. Родился 11 сентября 1948 года в с. Колыванском Павловского района Алтайского края. Окончил Кемеровский медицинский институт и заочное отделение Литературного института им. А. М. Горького. Автор четырёх поэтических книг. Дипломант первого всесоюзного конкурса поэтов-верлибристов имени Велимира Хлебникова (1988 г.) и лауреат краевых литературных премий: имени Н. М. Черкасова (2005 г.), «Певцу родного края» (2008 г.). Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК. Родился в 1946 году с. Могочино Томской области. Президент телерадио-телекомпании «Регион-Тюмень». Член Союза писателей СССР, член Российского географического, действительный член Академии российской литературы, Академии российской науки и искусства. Автор многих книг прозы. Лауреат Литературной премии Уральского федерального округа, премии имени Д.Н.Мамина-Сибиряка, Тюменского комсомола и др. Живет в Тюмени.

Александр ПОПОВСКИЙ. Член Союза писателей России. Автор трех книг стихов. Лауреат Всероссийской литературной премии имени поэта-фронтовика В.Т. Станцева. Живёт в пос.Первомайском Челябинской области.

Оксана РАЛКОВА. Живёт в Челябинске. Окончила Челябинскую государственную академию культуры и искусства. Занимается в Литературной мастерской Н.А. Ягодинцевой. Участник международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральском в 2013 году. Рекомендована в члены Союза писателей России.

Андрей РАСТОРГУЕВ. Родился в 1964 году в Магнитогорске Челябинской области. Член Союза писателей России. Автор 7 книг стихов, переводов и критики. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Государственной премии Республики Коми. Живёт в Екатеринбурге.

Олег РИХТЕР. Родился в 1933 году в Ростове-на Дону. Окончил Ростовский инженерно-строительный институт. Автор 4 книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живет в г. Сургуте ХМАО-Югры.

Лев РУМЯНЦЕВ. (1924–1995). Русский поэт, писатель и драматург, автор сказок и фантастических рассказов. Многие годы возглавлял отдел прозы журнала «Уральский следопыт». Жил в Екатеринбурге.

Софья РУБАКОВА. Родилась в 1992 году в г. Юрге Кемеровской области. С 2006 года живет в г. Северске Томской области. Студентка IV курса факультета журналистики ТГУ. Победитель областных молодежных литературных конкурсов. Участница все-российского совещания молодых писателей в Тюмени и международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральском. Публиковалась в журналах и альманахах.

Арсен ТИТОВ. Родился в 1948 году в Бирском районе Башкирской АССР. Со-председатель Союза российских писателей. Автор 13 книг прозы. Дважды лауреат премии губернатора Свердловской области, лауреат Всероссийских премий им. Д.Н. Мамина-Сибиряка и Генералиссимуса А.В. Суворова. Председатель Екатеринбургского отделения СРП. Живёт в Екатеринбурге.

Максим СЕРГЕЕВ. Родился в г. Екатеринбурге. Окончил Ургу. Стихи публиковались в периодической печати. Участник двух международных совещаний молодых писателей в Каменске-Уральском в 2011 и 2013 годах. Живет в г. Богдановиче Свердловской области.

Геннадий СКАРЛЫГИН. Родился в 1950 году в Томской области. Работал геологом и журналистом. Председатель правления Томской областной организации Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов.

Светлана СЫРНЕВА. Родилась в 1957 году в деревне Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. После окончания Кировского государственного педагогического института работала учительницей русского языка и литературы, корреспондентом, а затем редактором уржумской районной газеты, корреспондентом кировских областных газет и в пресс-службе администрации города Кирова. Автор многих поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция» (1996), Малой литературной премии России (1997), Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2002). Председатель Кировской областной организации Союза писателей России. Живёт в г. Кирове.

Антонина СЫТНИКОВА. Родилась в Сумской области на Украине. Окончила Харьковский политехнический институт. Работала на Орловском сталепрокатном заводе инженером-электронщиком. Автор трех поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в г. Орле.

Юрий ТАТАРЕНКО. Родился в 1973 году в Новосибирске. Поэт, автор 4 книг стихов. Член Союза писателей России. Победитель городских и областных поэтических турниров, Международного фестиваля поэзии (Симферополь, 2012). Публиковался в периодической печати и литературных журналах. В «Чаше круговой» публикуется впервые.

Ольга ТЕПЛОВА. Родилась и живёт в Екатеринбурге. Работает в Администрации города. Автор одной книги стихотворений. В «Чаше круговой» публикуется впервые.

Лана ШАНГИНА. Родилась и живет в городе Реж Свердловской области. Автор нескольких поэтических книг, переводчик с итальянского и на итальянский язык. Член Союза Российских писателей.

Павел ЧЕРКАШИН. Родился в 1972 году в селе Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО. Участник боевых действий на Северном Кавказе. Окончил филологический факультет Тюменского государственного университета. Член Союза писателей России, автор нескольких книг стихов. Лауреат конкурса Министерства внутренних дел РФ на лучшее произведение литературы о деятельности подразделений МВД. Живёт в Ханты-Мансийске.

Светлана ФРОЛОВА. Родилась 20 мая 1926 года в Киеве. Окончила Свердловскую государственную консерваторию им. Мусоргского. Защитила кандидатскую диссертацию в Москве. Сорок лет работала преподавателем на кафедре специального фортепиано. Автор книг о своём отце – первом директоре Уральской консерватории

«М. П. Фролов – жизнь на crescendo» и неизданной книги «Поэт Лев Румянцев – муж и друг мой». В «Чаше круговой публикуется впервые». Живёт в Екатеринбурге.

Юрий ХАЗАНОВИЧ. (1913–1969). Родился в городе Кременчуге на Украине. Участник Великой Отечественной войны. Старший лейтенант в отставке. Награждён несколькими медалями. После тяжелого ранения приехал на Урал в 1943 году. Автор многих повестей, очерков, рассказов, киносценариев и фельетонов. Член Союза писателей СССР. Жил в Свердловске.

Нина ЧЕБАН. Родилась на Южном Урале. Член городского литературного объединения г. Новоуральск Свердловской области. В «Чаше круговой» публикуется впервые.

Вероника ЧЕРНЫХ. Родилась на Южном Урале. Автор нескольких книг прозы. Лауреат Литературной премии Уральского Федерального округа. Живёт в г. Снежинске Челябинской области.

Евгений ЧЕРНИКОВ. Участник Международного совещания молодых писателей в Каменске-Уральском. Автор поэтического сборника, неоднократный победитель городского Рождественского конкурса. Живёт в городе Каменске-Уральском Свердловской области.

Татьяна ЮРГЕНСОН. Родилась в 1966 году в с. Степной Баждей Манского района Красноярского края. Окончила факультет журналистики Томского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов. Живет в г. Мегионе ХМАО. Руководит городским литературным объединением «Логос».

Ольга ЮРЛОВА. Родилась в 1964 году в Кирове, член Союза писателей России с 2007 г., автор трёх книг стихов. В 1991 году закончила Пермский государственный институт культуры по специальности режиссёр народного театра. Работала главным администратором цирка, журналистом, в настоящее время редактор издательского отдела ЦГБ им. А. С. Пушкина. Член правления Кировского областного отделения Союза писателей России. Лауреат региональных литературных премий имени А. С. Грина (2010 г.) и Н. А. Заболоцкого (2011 г.). Живёт в Кирове.

Нина ЯГОДИНЦЕВА. Родилась в 1962 году. Кандидат культурологии, доцент. Член Союза писателей России. Автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. П.П. Бажова, Всероссийской литературной премии им. Д.Н. Мамина-Сибиряка. Живет в Челябинске.

ЧАША КРУГОВАЯ

Литературно-художественный альманах
№ 12

Редакторы-составители:
Кердан Александр Борисович
Титов Арсен Борисович
Коняев Николай Иванович

В оформлении использована графика Ю. Филоненко

Компьютерная верстка С.В. Шангиной

Издательство «АсПУр»
620158, г. Екатеринбург, ул. Пушкина, 12

Сдано в набор 11.07.2013 г. Подписано в печать 09.08.2013 г. Формат 60 x 84 1/16
Бумага ВХИ-80. Печать офсетная. Гарнитура Baltica.
Тираж 500 экз. Заказ 8984.

Отпечатано в ГУП СО «Режевская типография»
623750, г. Реж Свердловской обл.,
ул. Красноармейская, 22
Тел.: (34364) 2-15-32, 2-25-03